

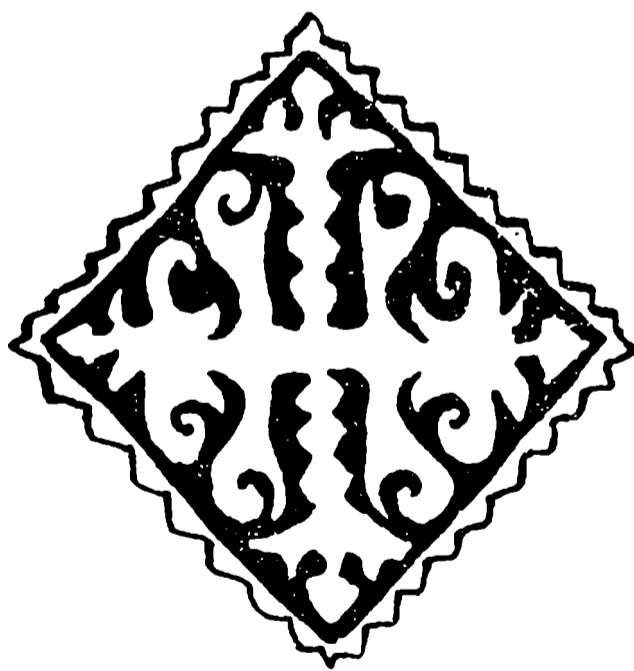


КАЗАХСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ҚАЗАҚ ХАЛЫҚ ЕРТЕГІЛЕРІ

ҮШ ТОМДЫҚ

Екінші том



«ЖАЗУШЫ» БАСПАСЫ
АЛМАТЫ — 1971

КАЗАХСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

В ТРЕХ ТОМАХ

Том второй



ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЗУШЫ»
АЛМА-АТА — 1971

Каз 2
К 14

Оформление и иллюстрации художников:

С. АЙТБАЕВА,
А. АКАНАЕВА,
И. ИСАБАЕВА.

7—3—3
Доп. 71

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ







осторожно ступая, шла лисица по лесу. Вдруг ветер принес запах жареной птицы. Лиса постояла, подумала и побежала трусцой. Спустилась к ручью и увидела старое огневище.

«Здесь недавно были люди!» — решила лисица. На кусте висела жареная птица. «Наверно, забыли! Вот хорошо!» У лисицы даже слюнки потекли. С разбегу прыгнула она, схватила жареную птицу и — попала в капкан.

— Ой-ой, отпусти! — завизжала лиса.

Но стальные пружины капкана крепко ухватили лису за лапу. Мучилась лисица, за одну ночь похудела. Утром пришел охотник Салахбай, увидел добычу, крикнул:

— Хорошо, что ты, кумушка, попалась, — теперь заживем!

Ну разве разбогатеешь от одной лисьей шкуры? — ответила лисица охотнику.

Вижу, что тебе, лисица, жалко расстаться со шкурой, — сказал Салахбай и замахнулся на нее дубиной.

— Не убивай меня, я тебе достану скот, юрту из белой кошмы и красивую жену.

— Льстивый язык у тебя, лисица, но жестокое сердце.

— Салахбай, ты хитрее меня. Ежели я обману, ты ведь все равно поймаешь меня и с живой шкуру снимешь.

— Ну, хорошо, один раз поверю лисице! — сказал охотник и освободил ее из капкана.

Лисица побежала в степь к богатому баю. Пришла в юрту богача и сказала:

— Отдай свою дочь замуж за Салахбая.

— Отдам, но мне нужен за нее большой калым¹.

— Проси. Но мы тебе заплатим зверями.

— И так можно. Пригоните мне пятьдесят лисиц, пятьдесят волков и пятьдесят барашков.

— Согласна! — ответила лисица.

— Жаксы!² — сказал бай. — Чем тебя, кумушка, угостить? Ты ведь кумыса не любишь.

¹ Калым — выкуп, который, по обычаю, давал жених за невесту.

² Жаксы — хорошо.

— Угости меня сырым мясом.

Наелась лисица мяса и с собой взяла большой кусок. Идет лисица по лесу — навстречу ей голодный волк.

— Ай, вкусное мясо! Дай мне, сестрица, кусочек!

— Ишь ты какой! Я несу своим детишкам, а если хочешь сытно поесть, собери пятьдесят волков, я вас поведу на пир к одному знакомому баю, он всех хорошо накормит.

Побежал волк, от радости кувыркается, кричит во весь голос — собирает волков.

Вот пятьдесят волков с лисицей впереди идут в гости. Подошли к юрте бая, лисица крикнула хозяину:

— Отворяй железные ворота, принимай волков и не жалея угощения.

Бай запер волков в железный сарай и не жалел угощения для сватки.

Лисица наелась и опять с собой хороший кусок мяса взяла. Пошла в степь, к баранам. Обманула их и к баю пригнала. Потом в лес побежала лисиц собирать. Их она уговаривала:

— На свадебном пиру моего друга Салахбая будет десять дней угощение для всех.

Вот она пригнала к баю пятьдесят лисиц и отправилась за женихом.

Рассказала лисица Салахбаю о предстоящей свадьбе. Грустно улыбнулся охотник и сказал:

— Как я к невесте в юрту явлюсь? Одежда у меня дырявая, не на что купить подарков, и нет коня, чтобы поехать.

— Я одену тебя в одежду, красивее которой трудно найти.

Лисица сшила ему халат из листьев и цветов, и они пошли к невесте.

Юрта богача стояла на берегу реки. Утром, на заре, подошли лисица и Салахбай к реке.

— Ты стань около воды, а я буду кричать. Когда выбегут люди из юрты бая, бросайся в воду и плыви.

Встал Салахбай у воды, а лисица закричала:

— Спасите, погибаем!

Выбежали люди из юрты и увидели, как сверкнула золотистая одежда на человеке. Плыет Салахбай, рвется одежда, уносит вода листья и цветы, сшитые травой. Когда спасли жениха, лиса всем стала рассказывать:

— Беда с нами дорогой случилась: напали на нас разбойники, отняли дорогих коней, гнались за нами до самого берега реки, но поймать не могли — вас испугались.

На жениха надели бархатный халат и красные сапоги.

На свадьбе было много мяса и кумыса. Десять дней пировали, а потом все отправились в юрту Салахбая. Тут жених совсем испугался, хотел даже ночью убежать в горы.

Но лисица ему говорит:

— Кто не пьет кумыса, тот не сватает жены. Теперь мы заживем хорошо.

Салахбай с молодой женой, ее матерью, отцом и гостями поехали домой. А лисица вперед побежала. По дороге она увидела большую отару овец.

— Кто хозяин этих овец? — спросила она пастухов.

— Айдагар¹, — ответили ей пастухи.

— Ой, плохо вам будет, — жалобно заговорила лисица.

— А что?

— Вон, видите, пыль в степи, это едут богатыри. Айдагар — их враг, и вас убьют вместе с ним.

Испугались пастухи, не знают, что делать. А лиса им говорит:

— Не бойтесь, скажите, что эта отара — Салахбая, и вас не тронут.

Лисица дальше побежала, туда, где паслись косяки Айдагара. Там она тоже пастухов научила, как спастись от богатырей, и везде пастухи отвечали гостям:

— Это — Салахбая!

Едут гости и удивляются большому богатству Салахбая — лошадь хороша в теле, разговоры хороши у богатых. А Салахбай боится: вот-вот узнают о его бедности и убьют за обман.

— Бежим в горы, пока не убили! — тихо шепчет Салахбай лисе.

— Один шарик бараньего помета может испортить целый круг масла. Не будь дураком, сиди важнее в седле. Богатый ездит важно, а бедный ковыляет.

Вскоре они увидели в цветущей долине большую белую юрту.

— Вот и наша юрта виднеется! — закричала радостно лиса.

¹ Айдагар (Айдахар) — змей, удав.

Все всадники хотели галопом помчаться туда, но лисица их остановила:

— Вы здесь подождите, а я пойду приготовлю все для встречи.— И побежала вперед. Она ворвалась в юрту Айдагара и со слезами на глазах заговорила:

— Ой, беда, ой, беда! Едут богатыри! Вон они — тебя ищут, убить хотят.

Выбежал Айдагар из юрты — в степи огни дымятся. Испуганный Айдагар спросил лисицу:

— Что теперь делать?

— Убежать от них трудно, кони у них быстрее ветра, лучше спрячься в сено, а я скажу, что ты убежал.

Когда змей спрятался в сено, лисица бросила в стог горящую головешку.

Салахбай и гости увидели у юрты большой огонь и примчались. Лисица встретила их с поклонами, предложила выпить освежающего кумыса.

Свадьбу отпировали и зажили весело. Лисица не захотела уходить опять в горы, где реют беркуты и не всегда бывает свежее мясо, где охотник ставит капканы на лисиц и бьет их из ружья, а осталась жить у Салахбая.

ИТЫГИЛЬ



ил на свете богатый человек. Он владел несметным количеством скота. Было у него девять сыновей. Когда сыновья подросли, они стали просить отца отпустить их со скотом в отгон. Отец пустил их. Но когда сыновья ушли, богатый человек осиротел и обеднел. Соседи его откочевали, он остался один в степи со своей женой.

Вскоре после этого у него родился десятый сын, его назвали Итыгиль.

Вырос Итыгиль, узнал, что у него есть девять братьев, и поехал отыскивать их. Долго ехал он по степи и наконец увидал юрту, к которой было привязано девять жеребцов одинаковой масти. Итыгиль догадался, что это юрта брать-

ев. Он вошел в юрту и сказал сидящим в ней, что он — Итыгиль, их десятый брат. Потом стал просить их вернуться к родителям.

— Отец наш беден, кочует одиноко, — сказал он, — гоните скот на то урочище, где я оставил его.

Но братья отвечали:

— Скота у нас такое множество, что согнать его с места невозможно.

Тогда Итыгиль, выбрал себе коня, сел на него и поехал вперед — и весь скот пошел за ним вслед. Скоро все десять братьев достигли со своим скотом долины, где стояла одинокая кибитка их отца. И стали они жить опять вместе с родителями.

Надумали братья жениться. Стали они просить отца, чтобы он нашел им жен; они хотели, чтобы все жены были непременно из одной семьи. Нечего было делать — поехал старик отыскивать невест своим сыновьям. Ездил он долго по степи, но все не пришлось ему встретить семью, где бы было столько дочерей. Наконец он увидел на холме белую юрту, из верхнего отверстия ее высовывалось несколько девичьих голов. Девушки пели песню. Обрадовался старик, что наконец нашел семью, в которой было много девушек, стал их считать и опечалился, он насчитал их всего девять. Однако он все-таки заехал в белую юрту. От хозяев он узнал, что у них всего десять дочерей, но что десятая дочь, Канджикей, такая красавица, что ее никогда не выпускают на божий свет. Обрадовался старик и тотчас же начал сватовство. Родители девушек сказали ему:

— Девять старших дочерей мы отдаем без калыма, но за красавицу Канджикей калым положим большой. Кто хочет взять за себя красавицу Канджикей, тот должен дать нам столько лошадей, чтобы ими можно было наполнить четыре долины и чтобы лошади были четырех различных мастей.

Старик вернулся домой опечаленный — где достать такой огромный калым? Но Итыгиль сказал, что добудет.

Он пошел на берег озера, и по его зову из воды стали выходить лошади, одна за другой. Скоро они наполнили четыре долины, в каждой долине стояли лошади одной масти.

Поехал после этого старик в белую юрту и говорит:

— Калым готов, подите и возьмите его. Со мной же отпустите всех десять девушек.

Собрались девушки ехать со своим будущим тестем. Красавица Канджикей попросила на прощанье у родителей дать ей в приданое коня Джал-Куйрука и верблюдицу, которая могла нести кладь сорока верблюдов. Провожая дочерей, мать наказала Канджикей не делать стоянки около озера. Но, когда они доехали до озера, старик решил остановиться на ночлег.

Напрасно уговаривала его Канджикей последовать завету матери — он не послушался ее. Рано утром старик встал и видит, что верблюдица Канджикей стоит на самой середине озера. Он пошел, чтобы вывести ее, и тут вдруг его схватил за бороду шайтан¹ — держит и не отпускает. Начал молить его старик, а шайтан и говорит:

— Я отпущу тебя и отдам тебе верблюдицу, но ты за это отдай мне на три года сына своего Итыгиля.

Как ни жалко было отцу Итыгиля, но он обещал шайтану исполнить его желание.

Вернулся старик в свой аул и устроил пир. Девять старших братьев разобрали своих невест, а Итыгиль узнал, что отец обещал отдать его шайтану на три года, загрустил и не пошел на пир. Тогда двое товарищей его пришли за ним и привели на пир. Красавица Канджикей увидела его и сказала:

— Поезжай и возврати себе свободу. Вот тебе перышко филина — зажжешь его, когда надо будет освободиться от чар шайтана. Дам я тебе и коня моего Джал-Куйрука, он пригодится тебе. Но береги его, помни, если этот конь погибнет, умрешь и ты.

Сел Итыгиль на доброго коня Джал-Куйрука и поехал к озеру. Тотчас же выскочил к нему шайтан и говорит:

— Сейчас же поезжай к Тохтамыс-хану и высватай мне его дочь.

Отправился в дальний путь Итыгиль. Долго ехал он по степи, пока не достиг кочевья Тохтамыс-хана. Рассказал он хану, зачем приехал. Хан и говорит:

— Устрою я сначала байгу², победишь на байге — твоей будет моя дочь.

Итыгиль пошел к верному коню своему Джал-Куйруку. Конь говорит:

¹ Шайтан — злой дух.

² Байга — состязание в беге и скачках.

— Не бойся — первым на байге окажусь я. Только своей три аркана вместе и протяни в три ряда поперек того пути, по которому мне придется бежать, чтобы мне не пробежать дальше и не убиться.

Но Итыгиль забыл слова своего верного коня и натянул аркан только в два ряда. Началась байга. Джал-Куйрук прибежал первый, но он рассек арканы, упал и расшибся. Горько заплакал Итыгиль. Однако Джал-Куйрук ожил и поднялся на ноги.

— Только ради Канджикей ожил я, — сказал он, — а не ради тебя.

Тохтамыс-хан отдал Итыгилю свою дочь.

Едут назад к шайтану Итыгиль и дочь Тохтамыса. Вдруг видят — на дороге камень, а под ним кто-то стонет. Стала спрашивать дочь Тохтамыса своего спутника:

— Не поднимай камня, не обращай внимания на стоны.

Но Итыгиль не послушался, отвалил камень. Из-под него вышел человек и стал благодарить Итыгиля за спасение. Это был сам шайтан. Он хотел хитростью погубить Итыгиля. Ночью, когда дочь Тохтамыс-хана расположилась на ночлег с Итыгилем, шайтан подкрался к их юрте, срезал повод Джал-Куйрука и вскочил на него. Итыгиль услышал шум и вышел из юрты. Но тут шайтан схватил его и бросил под тот самый камень, из-под которого выпустил его Итыгиль. Итыгиль очутился в глубокой пропасти. Не знал он, как ему теперь быть. Вдруг он вспомнил про филиново перышко, которое ему дала Канджикей. Он взял и зажег его. Тотчас откуда ни возьмись явился крылатый змей. Змей велел Итыгилю сесть на себя и вынес его из подземелья. Он сказал Итыгилю:

— Я отнесу тебя туда, где теперь живет шайтан вместе с дочерью Тохтамыса.

Скоро они достигли кочевья шайтана.

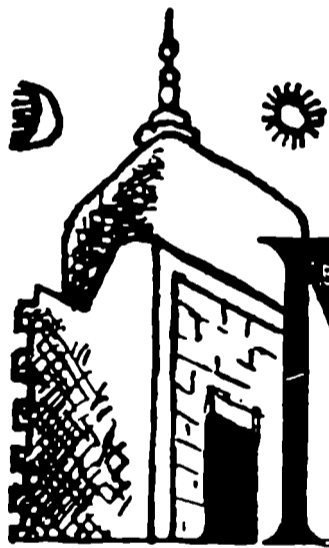
Дочь Тохтамыс-хана увидела Итыгиля, обрадовалась и спрятала его в другую юрту. Итыгиль был худ и слаб, и дочь Тохтамыса потихоньку от шайтана каждый день велела резать быка. Ночью Итыгиль выходил из юрты и съедал быка. Так он набрался сил в три дня. На четвертый он тихо подкрался к юрте шайтана, срезал повод у Джал-Куйрука, который уже давно томился у шайтана, громко крикнул, схватил шайтана, связал его и бросил под камень. После этого Итыгиль забрал с собой дочь Тохтамыса и откочевал домой.

Между тем Канджикей, отправляя Итыгиля в путь, загадала: если Итыгиль умрет, то верблюдица принесет ей верблюдицу, а если он вернется домой, то у нее родится верблюжонок. Три года у верблюдицы не было никого. Вдруг в аул прибежал пастух и сказал, что у верблюдицы родился верблюжонок. Пора была ночная, но Канджикей так обрадовалась, что тотчас же побежала посмотреть, правду ли ей сказал пастух. Шла она, и встретился ей человек. Это был сам Итыгиль. Но Канджикей не узнала его. Итыгиль спросил ее, куда она идет.

— Неужели у вас нет людей — послать узнать, кого принесла верблюдица? — спросил он.

Канджикей объяснила ему, какое значение имеет это событие для нее, и поспешила дальше. Убедившись, что у верблюдицы родился верблюжонок, она в радости побежала домой. А навстречу ей уже вышли родные, чтобы известить о прибытии Итыгиля.

С тех пор Итыгиль стал кочевать своим аулом.



ЛЮБОПЫТНАЯ ЖЕНА

Мудрый Сулейман¹ знал язык животных. Как-то пришел к нему один казах и попросил научить его понимать язык животных.

— Ай, бедняга! На что тебе знать язык животных? Хорошо, я научу тебя, но услышанное от них никому не передавай. Если ты передашь кому-нибудь из людей, ты погибнешь, — сказал Сулейман.

— Обещаю никому не говорить, — согласился казах.

Сулейман научил его понимать язык животных. Казах вернулся домой. У него был вол, ишак, собака, двадцать кур и петух. На волé он пахал землю, а на ишаке возил в город продавать дрова.

Как-то раз хозяин целый день пахал землю на своем воле и лишь к вечеру вернулся домой. Ишак спросил вола:

¹ Мудрый Сулейман — царь Соломон.

— Как, друг, чувствуешь себя?

— Что и спрашивать,— ответил ему вол.— С утра до позднего вечера пахал землю, устал и еле дышу.

— Если так,— говорит ишак,— то я дам тебе совет: завтра утром ничего не ешь и не пей, и хозяин подумает, что ты болен. Он освободит тебя от работы.

На другой день вол притворился больным и отказался от корма. Но хозяин понял вчерашний разговор вола с ишаком и решил: «Если так, то пусть вол будет дома, а пахать я буду на ишаке».

И он с утра до позднего вечера пахал на ишаке. Когда ишак вернулся, вол спросил его:

— Ну, приятель, как ты себя чувствуешь?

— Чувствую себя хорошо, особенно не устал,— сказал ишак.

— Хозяин что-нибудь говорил обо мне? — спросил вол.

— Особенного разговора не было,— сказал ишак,— только хозяин говорил, что если и завтра ничего не будешь есть и пить, то, значит, ты болен серьезно и можешь околеть, и тебя нужно зарезать, пока ты не похудел от болезни.

Услыхал это вол и сейчас же стал есть и пить. Хозяин громко расхохотался — он слышал их разговор.

— Чего ты хохочешь? — спросила жена.

— Так себе,— ответил муж.

— Неправду говоришь,— пристала к нему жена.— Ты над кем-нибудь смеешься. Скажи мне.

Чтоб отделаться от любопытной жены, хозяин сказал: — Не спрашивай, жена. Если я скажу тебе о причине своего смеха, то погибну.

Пуще прежнего стала приставать жена к хозяину — скажи да скажи.

— Хоть тебе за это придется погибнуть, а мне ты должен сказать правду,— потребовала жена.

Видит хозяин, что от жены просто не отделаешься, и решил объяснить ей причину смеха. Но перед этим он пошел к ручью, где гуляли куры и петух. Хозяин решил подслушать в последний раз их разговор. Прибежала сюда и собака. Она плакала и со слезами на глазах говорила петуху:

— Ты знаешь, хозяин наш скоро погибнет.

— Ну и пусть гибнет,— сказал петух.

— Ты чего, дурак, радуешься? — сказала собака.

— Я не радуюсь, я смеюсь над глупостью хозяина, — ответил петух. — У меня двадцать кур, и я справляюсь со всеми, а мой хозяин с одной женой не может справиться.

— А что он должен сделать, чтоб жена его слушалась? — спросила собака.

— Если б он был умен, — сказал петух, — то в этом лесу вырезал бы хороший прут и наказал бы им жену.

Хозяин так и поступил: вырезал он прут да и давай жену стегать. И с тех пор жена перестала любопытничать.

ЭРГОСАЙ-БАТЫР



Эргосай был такой бедняк, что в степи трудно второго такого найти. Раз пришел он к богатому соседу. В просторной юрте запах хороший. Посредине стоит большая чашка с мясом, от лапши с бараниной пар поднимается, кругом гости сидят, мясо едят и жир с пальцев облизывают.

Эргосай сел на корточки у порога и слюну глотает. Изредка бросали ему обглоданные кости, но чаще смеялись над ним.

Эргосай сел на корточки у порога и слюну глотает. Изредка бросали ему обглоданные кости, но чаще смеялись над ним.

— Зарезал бы ты, Эргосай, свою скотину!

Поглодал кости бедняк, но разве это пища для здорового человека? Злой, с пустым животом пришел он в свою юрту.

Тут как назло в углу запищала единственная скотина — мышь.

Рассердился еще больше Эргосай, поймал мышонка и хотел убить. Но мышонок ему сказал:

— Какая польза тебе от того, что ты меня убьешь? Ведь шкура моя никуда не годится, и мясо — пища для кобчика¹, а не для человека. Лучше ты меня в советники возьми.

¹ Кобчик — разновидность ястреба.

— Пусть будет по-твоему,— согласился Эргосай.

— Вот мой первый наказ,— сказал мышонок.— Пойди к кузнецу, закажи ему большой топор с надписью: «Славный батыр Эргосай убил этим топором триста семьдесят батыров».

Пришел Эргосай к кузнецу, заказал топор. Кузнец сковал топор и с насмешкой сказал Эргосаю:

— Эх ты, славный батыр Эргосай! Ведь тебе даже своего мышонка не убить!

Рассердился Эргосай, что его мышонком попрекают. Пришел домой с топором, на мышонка кинулся.

— Не тупи топор, не губи будущей славы, а лучше поезжай в степь на состязание батыров,— говорит мышонок.

Эргосай поехал в степь. Из аула в аул передавали весть о славном батыре.

Раз, когда он спал, к нему со стадом подъехали батыры. Увидели они топор с такой грозной надписью, сразу ускакали и оставили весь скот. Эргосай проснулся, забрал скот и пригнал его в свой аул. С тех пор не переводилось мясо в юрте Эргосая.

Как-то тяжело заболел мышонок. Заплакал Эргосай возле умирающего мышонка.

— Как мне теперь жить? — спросил он.

— Так же счастливо живи, не жалея угощения для певцов и музыкантов, чтобы они везде пели о твоём могуществе, тогда твоей славы хватит на всю жизнь,— сказал мышонок и умер.

Эргосай счастливо дожил до глубокой старости, и не переводились у него жирное мясо и вкусный кумыс.

КАРЫНБАЙ



ил Карынбай в далекие времена, когда жаворонки свивали свои гнезда и выводили птенцов на спинах баранов.

Карынбай был богат. Стадам его не было счета. Верблюды, лошади, коровы и бараны Карынбая паслись на необозримых тучных лугах, охраняемые огромными злыми собаками.

Каждое утро Карынбай объезжал свои стада и кончал свой осмотр ко второй молитве, к полудню.

Карынбай не был доволен своим богатством и роптал на аллаха. Он был скуп, и все ему было мало. Своим бедным родственникам он никогда не помогал, милостыни не подавал. Напрасно люди старались поселить в его сердце сострадание. Он не хотел и слушать и говорил, что слишком беден, чтобы помогать другим.

— Вот увеличит аллах мои богатства, тогда буду помогать бедным,— говорил Карынбай.

Аллах увеличил его стада. Теперь Карынбай успевал их объезжать только к вечеру. Но все же он не был доволен своим богатством и говорил, что не может помогать бедным.

— Вот увеличит аллах мои богатства, тогда буду помогать бедным,— опять говорил Карынбай.

Аллах увеличил его стада. И опять Карынбай не был доволен и не помогал бедным. Тогда аллах послал к Карынбаю Жебраила, чтобы в последний раз испытать бая. Карынбай сидел в юрте, когда вошел к нему бедный странник Жебраил и попросил у него приюта. При виде бедного путника Карынбай пришел в бешенство. Ни просьбы, ни мольбы не могли смягчить его черствого сердца, напрасно странник говорил ему, что прошел через пустынную страну, где нет ни людей, ни зверей, напрасно указывал на свое истомленное, исхудалое тело,— ничто не тронуло Карынбая.

Тогда странник ударил посохом о землю, и Карынбай вошел в нее по горло, а стада его были обращены в диких зверей. Они разбежались в разные стороны. И остался Карынбай ни с чем.

ЖИГИТ И МЫСТАН¹



В незапамятные времена жил старик Мундыбай. У него был сын. Однажды Мундыбай пошел к колодезю, чтобы напоить скот. Велико было его удивление, когда вместо воды он увидел в колодезце кровь. В то же мгновение какая-то непреодолимая сила втянула Мун-

¹ Мыстан — ведьма.



дыбая в колодец. Опомнившись, он увидел, что его крепко держит старая мыстан. Она хотела проглотить Мундыбая, но он взмолился:

— Дай мне еще пожить. Возьми все, что у меня есть, только оставь мне жизнь.

Мыстан подумала и сказала:

— Будешь жить, если отдашь мне своего сына.

Мундыбай согласился. Мыстан отпустила его и приказала завтра же перекочевать на другое место, а сына оставить. Возвратившись домой, Мундыбай долго не мог придумать, под каким предлогом оставить сына. Наконец у него возник хитрый план. Ранним утром Мундыбай собрал имущество и отправился вместе с сыном на новые места. Когда они расположились в соседнем урочище, сын Мундыбая решил поиграть с другими юношами в асыки, но обнаружил, что пропали его золотая и серебряная бабки. Хитрый Мундыбай нарочно оставил бабки сына на старом месте. Он знал, что сын захочет вернуться за бабками, а там его схватит мыстан.

Не зная коварного замысла отца, юноша спросил, какого коня ему взять, чтобы съездить за бабками.

— Возьми того коня, который первый на тебя взглянет,— ответил Мундыбай.

Юноша отправился на пастбище, где паслись отцовские кони. Первым поднял на него глаза вороной конь. Не долго думая, юноша вскочил на него и поскакал к недавно покинутым местам. Дорогой он поведал коню о своей горе. Умное животное усмехнулось и заговорило человеческим голосом:

— Впереди поважнее беда. Слушайся меня, и все будет хорошо. Когда приедем, ты увидишь, что какая-то старуха играет бабками. Ты скажешь: «Бабушка, отдайте мои бабки». Она ответит: «Возьми сам: когда сижу — встать не могу, а если встану — не сяду». Но ты не слезай с меня и скажи ей: «Если сяду на коня, то слезть не могу, а если слезу, то обратно не сяду». И тут же кричи: «Пожар, пожар!» Я тогда сделаюсь ниже травы, тише воды, подскачу с тобой к старухе, а ты нагнись, схвати бабки, и я умчу тебя домой.

Вот подъехали они к месту, где недавно стояла юрта Мундыбая. Смотрит юноша, сидит на траве мыстан и играет

двумя бабками. Юноша, помня наказ своего друга-коня, сказал:

— Бабушка, отдай мои бабки.

Мыстан ответила:

— Когда сажу, встать не могу, а если встану — не сяду. Слезай с коня и возьми сам.

Молодой жигит ответил:

— Если сяду на коня, то слезть не могу, а если слезу — обратно не взберусь.

И стал громко кричать:

— Пожар, пожар!..

Старуха стала смотреть в ту сторону, куда указывал юноша. В этот момент черный конь сделался ниже травы, тише воды и подскакал к ведьме, а юноша схватил свои бабки, и они помчались прочь. Но мыстан погналась за ними. Она бросила под ноги коня свою острую косу и отрубила ему ногу. Лошадь продолжала мчаться на трех ногах. Тогда мыстан снова метнула и отрубила вороному все ноги. Юноше некуда было деваться. Угрожая косою, мыстан повела его. Долго они шли. Наконец пришли к огромному камню. Мыстан ударила о камень своей косою, и из камня посыпались огненные искры. Юноша внезапно очутился в подземелье. Здесь он увидел множество людей, прикованных к стенам тяжелыми цепями. Тотчас же к нему подошла мыстан и грозно сказала:

— Я хотела привязать тебя вместе с этими людьми, но передумала. Ты будешь пасти мой скот.

На подземном пастбище паслось много коров и овец. Они рассказали юноше, что ведьма ежедневно пожирает одного человека, одну корову и одну овцу. Жалко стало юноше себя и всех узников мыстан, и он горько заплакал. Тогда подошла к нему бурая корова и сказала:

— Не плачь, жигит! Вся сила ведьмы в ее волшебной косе. Отними косу, и мыстан будет побеждена, а все мы получим свободу.

Глубоко в сердце юноши запали эти слова. Целыми днями и ночами стал он думать о том, как заполучить ведьмину косу. Однажды он пришел к мыстан и сказал:

— Бабушка, я не могу загнать одну телку. Дайте мне косу, я ее вмиг загоню в хлев.

Старуха поверила ему. Взял жигит косу и побежал к своему стаду за советом: как быть дальше. Но мыстан, заподозрив недоброе, бросилась за ним вдогонку, чтобы

отнять косу. Увидев погоню, жигит забрался на высокую березу. У мыстан было четыре огромных зуба. Она выдернула один из них и стала им рыть землю вокруг дерева, чтобы свалить его. В это время прилетела сорока.

— Бабушка,— сказала она,— ты устала рыть, дай я помогу тебе.

Взяв у мыстан ее зуб, сорока улетела. Ведьма рассердилась и, выдернув второй зуб, снова начала рыть землю. Тут подбегает волк и говорит:

— Дай, старая, я тебе помогу.

Взял волк второй зуб у ведьмы и убежал. Пуще прежнего рассердилась мыстан и выхватила третий зуб. Но тут к ней подбежала лиса и стала ее убеждать, что самой ей не свалить дерево. Пообещав помочь, лиса взяла третий зуб и скрылась. Тут уж ведьма окончательно рассердилась, но только она вытащила последний свой зуб, как подкравшийся заяц схватил его и умчался.

Тогда жигит слез с дерева и взмахнул косой. Мыстан тут же умерла. А жигит собрал всех животных, птиц и пошел вместе с ними освобождать узников мыстан. Освободил их от цепей, ударил косой о стену подземелья — посыпались огненные искры, земля расступилась, и все вышли на свободу.

КАРГА-БАЙ¹



ил богач Тумен-бай. Однажды к его кибитке прилетел ворон и сел на ее верхушку. К потолку кибитки² была подвешена колбаса. Ворон схватил ее и улетел. Тумен-бай погнался за ним на коне. Ворон заметил погоню и сел на землю. Тумен-бай закричал:

— Отдай колбасу!

Тогда ворон ударился о землю, превратился в человека и проговорил:

— Эй, богач! Не отнимай у меня колбасу, отпусти меня: я еще пригожусь тебе.

¹ Карга-бай — ворон-богач.

² Потолок кибитки — кибиточный круг.

Человек сообщил, что его зовут Карга-баем и что живет он очень далеко.

— Если ты будешь нуждаться в чем-нибудь,— сказал он Тумен-баю,— то приходи ко мне: я тебе помогу.

После этого Карга-бай превратился в ворона, взял колбасу и улетел.

Прошли годы, и вот в голодный год у Тумен-бая пал весь скот, и он обеднел. Вспомнил Тумен-бай о своем друге Карга-бае и решил навестить его, попросить у него богатства. Рассказал он обо всем своей жене и отправился в путь.

Шел, шел Тумен-бай и наконец пришел к многочисленному стаду овец. Пастух спросил Тумен-бая, кто он и куда идет. Тумен-бай рассказал, что он друг богача Карга-бая и идет к нему просить богатства. Пастух выслушал и сказал:

— Меня зовут Койбагаром. Я пасу стадо Карга-бая, который живет недалеко отсюда. Когда придешь к нему, то проси у него сундук, что лежит под изголовьем. Кроме этого сундука, ничего не бери.

Тумен-бай отправился, куда указал ему пастух. Ласково принял его хозяин, хорошо угостил. Через два дня Тумен-бай засобиравшись домой. Карга-бай спросил у друга, что он желал бы взять у него. Тумен-бай ответил, что он взял бы сундук, который лежит на его постели в изголовье. Карга-бай отдал ему сундук с ключом. При этом он рассказал, что в сундуке содержится несметное количество разного скота, и велел другу не отмыкать сундука, пока не дойдет до дому.

Тумен-бай взял сундук, простился с Карга-баем и пошел домой. Дорогой он зашел в один аул и подошел к кибитке, возле которой играли мальчики в бабки. Тумен-бай оставил свой сундук с ключом возле играющих, попросил их посмотреть за сундуком, а сам вошел в юрту отдохнуть.

Как только ушел Тумен-бай, один из играющих мальчиков — Тазша-бала¹ — открыл сундук. Из него начал выходить разный скот. Тазша-бала сейчас же запер сундук, унес его в свою кибитку, а вместо него поставил другой, обыкновенный сундук.

¹ Тазша-бала — паршивый мальчик.

Тумен-бай отдохнул, вышел из кибитки и взял этот сундук. Затем он пошел своей дорогой, не заметив обмана.

Тумен-бай пришел в свой аул и открыл сундук, но в нем ничего не было. Он разбил сундук и пошел опять к Карга-баю.

На пути к Карга-баю он опять встретил пастуха Койбагара и рассказал ему о том, что сундук не имел никакого волшебного свойства.

Койбагар посоветовал Тумен-баю попросить у своего друга котел-самовар. Если сказать: «Вари, котел, вари!», то появятся разные яства.

Тумен-бай так и сделал — попросил у Карга-бая котел-самовар. Карга-бай дал ему этот котел, и Тумен-бай отправился домой.

Дорогой Тумен-бай опять зашел в тот аул, оставил свой котел и попросил мальчишек посмотреть за ним, но не говорить: «Вари, котел, вари!», а сам отправился в юрту напиться воды.

Тазша-бала подошел к котлу и сказал: «Вари, котел, вари!» В котле стали вариться разные кушанья. Тогда Тазша-бала взял котел-самовар, отнес его домой, а вместо него поставил обыкновенный котел. Вышел Тумен-бай, взял этот котел и пошел домой ничего не подозревая. Пришел, рассказал своей жене о чудесном свойстве котла и велел готовить обед, но не класть в котел ничего, а только сказать: «Вари, котел, вари!» Жена так и сделала, но в котле ничего не варилось.

Осерчал Тумен-бай, разбил котел и снова, в третий раз, пошел к Карга-баю.

Опять Койбагар выслушал рассказ Тумен-бая и посоветовал ему попросить у своего друга волшебную колотушку¹.

Так Тумен-бай и сделал: выпросил у Карга-бая колотушку и отправился домой.

На обратном пути он опять зашел в тот аул, остановился у одной кибитки отдохнуть, а колотушку положил возле себя. К нему подбежали мальчишки. Тумен-бай сказал им:

— Не трогайте колотушку и не говорите ей: «Бей, колотушка!»

¹ Колотушки употребляются казахами при устройстве кибитки.

Как только Тумен-бай уснул, Тазша-бала сказал колотушке:

— Бей, колотушка!

Колотушка начала прыгать и бить Тазша-балу по голове, по спине, по ногам. Как ни старался он избежать ударов колотушки, но не мог. Тогда Тазша-бала разбудил Тумен-бая и сказал ему:

— Я у тебя взял волшебный сундук и котел, но сейчас же их верну, если ты остановишь свою колотушку.

Тумен-бай остановил колотушку, взял у Тазша-балы сундук, котел и пошел домой. Когда пришел домой, то открыл сундук, и из него вышло бесчисленное множество скота. Жена Тумен-бая стала готовить в котле-самоваре разные кушанья, а колотушка служила защитой от врагов.



ЧУДЕСНЫЙ НОЖ

Ирджана было два сына — Акылбек и Нуркала. Перед смертью отец стал делить свое наследство — скот.

— Мне ничего не нужно, — сказал Нуркала, — отдай только вот этот нож, что в золотой оправе, который ты всегда берешь, отец!

Отдал Нуркале Ирджан свой нож, а старшему сыну — скот. Когда отец умер, Акылбек выгнал брата из дому. И пошел Нуркала странствовать по белу свету. Вскоре приютил его один добрый казах Сусанбай, который жил с женой Ирисгюль. Нуркала стал с ними жить, помогая им в хозяйстве.

Сусанбай был старый, детей у него не было, и он и жена его Ирисгюль полюбили Нуркалу, как сына родного.

Однажды ночью Нуркала спал на открытом воздухе, в степи. И во сне увидел две полные луны. Утром он обратился к Сусанбаю за разъяснением этого сна. Сусанбай ответил ему, что одна луна всегда была, а вот другая луна — это дочь хана.

И стал с этих пор Нуркала думать о ханской дочери: не ест, не пьет, решил он жениться на ней.

— Иди к хану,— сказал он Сусанбаю,— и высватай за меня его дочь.

— Что ты, да разве хан отдаст за тебя Ай-Ханым? — сказал Сусанбай.

Нуркала и слушать не хотел: «Хочу на ханской дочери жениться»,— да и только.

И пошел Сусанбай в ханский аул сватать Ай-Ханым за Нуркалу, а у самого ноги дрожат, зуб на зуб не попадает.

Хан стоял возле своей юрты, когда к нему подъехал Сусанбай. Поклонился Сусанбай баю до земли и рассказал, зачем он приехал. Нахмурился хан:

— Считал я старых людей всегда умными. Есть у тебя, старый дурак, жена и дети?

— Жена-то есть — Ирисгюль, а детей все время не было и нет; вместо сына я взял к себе Нуркалу.

— Так, старый дурак, не забудь это: пусть твой Нуркала завтра же на той вон горе поставит золотой дворец, а если не поставит, тебе, ему и жене твоей Ирисгюль будет конец.

Хан ушел в юрту и лег на подушки. Больше со стариком Сусанбаем не стал разговаривать.

Опечалился старик Сусанбай и, понуря седую голову, тихо поехал домой.

— Пропали мы, Ирисгюль,— сказал он жене.— Ездил я к хану сватать его дочь за нашего Нуркалу, и велел хан построить в одну ночь золотой дворец на горе, которая видна из ханской кибитки.

Заплакала старуха:

— Жили столько времени и беды не знали, а вот, поди ты, надо же такому греху случиться.

Нуркала ничего не знал, его не было дома: он у колодезев скот поил; пришел в кибитку и видит: убиваются старики. Рассказал ему Сусанбай о их беде, а Нуркала засмеялся и говорит:

— Задача нетрудная, к утру построю дворец.

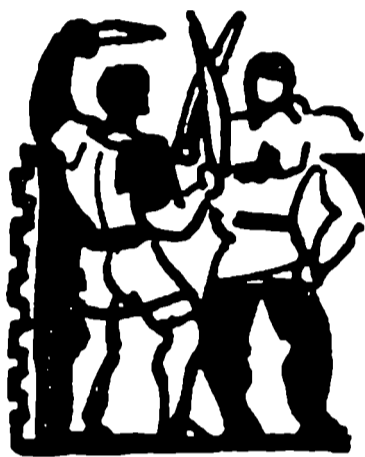
Вышел из кибитки, оседлал коня и поехал к горе. Там он в глубокую полночь бросил отцовский нож на землю, и вдруг появился золотой дворец.

Вышел утром хан, смотрит и глазам своим не верит — на солнце так и сияет роскошный дворец Нуркалы, отливая золотом. Хан послал жигитов узнать, что это за чудо такое на вершине горы. Вернулись жигиты, про дворец

говорят, какой он неопиcуемой красоты: таких в свете не было.

— Видно, судьба твоя, Ай-Ханым,— сказал хан, обращаясь к дочери,— выйди замуж за Нуркалу.

Начались свадебные пиры. Сусанбай с женою были почетными гостями. По аулу раздавались песни — это молодежь веселилась. А после свадебного праздника молодые поселились в золотом дворце.



РОГАТЫЙ ХАН

У Искандер-хана были на голове рога, но никто этого не знал. Узнавал об этом только тот, кто брил хана. А чтобы он не смог рассказать другим, хан после бритья рубил ему голову. Дошла очередь брить хана его любимцу. Жаль

Искандеру казнить его, вот он и говорит:

— Вот ты теперь знаешь, что у меня есть рога, но никому не рассказывай об этом. Но человек не может держать тайну, и тебя будет тянуть рассказать кому-нибудь об этом. Когда ты не сможешь больше терпеть, пойдй к колодцу, наклонись и крикни три раза: «А у Искандер-хана есть рога!» Как прокричишь, так у тебя отляжет от сердца, и ты опять сможешь молчать.

Ханский любимец обещал хранить тайну. Когда стало ему невмoгoту, он пошел к колодцу и прокричал три раза:

— А у Искандер-хана есть рога!..

Колодец в это время был без воды, и в нем сидел преступник. Раньше сажали преступников в пустые колодцы. Ханский любимец прокричал и ушел. Преступник слышал это и запомнил.

Как-то мимо колодца шел караван. Люди решили достать воды из колодца. Спустили в колодец веревку с черпаком, но воды там не оказалось. А вместе с черпаком вылез преступник и рассказал, что у Искандер-хана есть рога. Все узнали об этом от проезжих. Весть дошла и до хана. Как только он узнал, что люди знают про его рога, сразу умер.



Давным-давно жил один бедняк, всю жизнь он трудился изо всех сил, а ничего не скопил. Родился у него сын, красивый, умный, смысленный такой, по имени Ада. Все люди говорили, что это прямо счастливая звезда. Слава о нем разносилась все дальше и дальше. Одни говорили, что хану придется выдать за него самую красивую из своих дочерей, другие еще добавляли, что исполнится Аде восемнадцать лет, — так вот посмотрите! — он сам возьмет себе в жены ханскую дочь.

Как-то хан решил объехать ханство, посмотреть, что творится на свете. Переоделся в простое платье и поехал. Приехал он в ту деревню, где жил Ада, и спрашивает крестьян, что нового. Кто-то и скажи ему:

— У нас здесь в одном доме мальчик родился, так вот все говорят: исполнится ему восемнадцать лет, женится он на самой красивой из ханских дочерей.

Услышал хан эти слова, запечалился. Подумал он, подумал и решил дать самую высокую цену, лишь бы купить мальчика. Отец Ады сперва не соглашался, тогда хан стал по-всякому уговаривать его, что ведь в доме и нищета страшная, и прокормить-то ребенка нечем, и уговорил-таки бедняка продать сына.

Взял хан мальчика, тотчас же велел стражникам положить его в деревянный ящик, забить, поставить на коня и ехать. Проехали они безбрежную степь, проехали и бескрайнюю пустыню, подошли к большой реке, и велел тут хан своим стражникам сбросить ящик в реку. Посмотрел хан, как тонет ящик в волнах, и подумал: «Посмотрю я теперь, как ты сможешь жениться на моей дочери!» Громко расхохотался он и, довольный, отправился домой.

Ада в ящике качался на волнах то вверх, то вниз, и — странно! — ящик не шел ко дну, словно снизу кто-то поддерживал его. Плыл и плыл ящик и остановился перед мельницей у берега реки. Мельник в этот день шел по берегу, увидел ящик, давай звать старуху, чтоб вместе выловить. Сперва они думали, что в ящике какие-нибудь

ценные вещи, а когда открыли, видят — пухленький, толстенный мальчик, брови черные, очи светлые, сидит внутри и улыбается им. А у мельника как раз не было детей. «Разве это не небо подарило нам его?» — подумали старики и стали воспитывать мальчика, как родного сына.

Дни сменялись, словно капли дождя; месяцы мчались, словно кони; годы текли, как вода. Вот уже прожил Ада в доме у мельника восемнадцать лет. Вырос он красивым, словно карагач, кто ни взглянет, всяк порадуется.

Мельница стояла всего в нескольких верстах от ханского дворца. Однажды отправился хан объезжать свои владения, подъехал случайно к воротам мельницы, увидел Аду. «Такой красивый юноша! Неужели это в самом деле сын старика мельника?» — подумал он и принялся расспрашивать того.

Мельник рассказал всю правду, как восемнадцать лет назад приплыл деревянный ящик, как сидел в ящике мальчик, как они приютили и вырастили его, как все любят юношу, как он умеет трудиться, какой он умный.

— Вы так внимательны к нему, наверное, он тоже понравился вам? — спросил мельник.

Подумал хан, подумал и сказал:

— Сын воистину хорош, не можешь ли велеть ему отнести письмо моей жене?

— Жду мудрых указаний у ваших ног, — ответил мельник.

Хану уже ясно было, что юноша и есть тот, которого он восемнадцать лет назад бросил с моста в реку. Чем больше он думал об этом, тем больше расстраивался. А ведь ему еще предстояло объехать другие места, и он написал жене: «Когда этот человек придет, немедленно убейте его. А все остальные дела пусть подождут моего возвращения во дворец».

Ада взял письмо и отправился в путь. Шел он, шел, прошел много полей и деревень, уже стемнело, а дворца все еще не было видно, и он понял, что заблудился. Стало совсем темно, идти дальше было нельзя, и оставалось только дойти до видневшейся впереди маленькой деревушки и попроситься на ночлег. Вошел он в деревню — нигде ни души, только одну старушку нашел. Посмотрела старушка на него, очень удивилась и спросила:

— Ты зачем сюда пришел? Ты куда идешь?

— Я несу жене хана письмо, да вот потерял дорогу, не знаю, как идти дальше, разрешите мне переночевать у вас. Я буду вам очень благодарен,— сказал ей Ада.

— Не выйдет, это пристанище разбойников. Они сейчас должны вернуться. Они не отпустят тебя, если увидят.

Ада до смерти устал, и ему было все равно. Он объяснил старушке, что у него нет никаких дорогих вещей и ему нечего бояться разбойников, и снова стал проситься переночевать. Он положил письмо на стол, улегся и тотчас же захрапел. И старушке ничего не оставалось, как махнуть на него рукой.

В полночь у ворот послышался шум, вернулись разбойники. Ада спал и ничего не слышал. Разбойники вошли в дом, увидели юношу и спросили у старушки:

— Что это за человек?

Старушка рассказала им все, как было. Увидел тут атаман на столе письмо, схватил и открыл его. Взглянул и видит: хан безо всякой причины хочет убить человека. Разозлился атаман страшно, изорвал письмо в мелкие клочки, взял бумагу и написал другое письмо: «Когда придет этот человек, немедленно выдай за него самую красивую из наших дочерей. А все остальные дела пусть подождут моего возвращения во дворец».

Ада проспал всю ночь, так ничего и не зная. Поднялся утром, посмотрел, видит — дома все только та же старушка, и письмо так же лежит на столе. Взял он его и отправился искать дорогу во дворец.

Прочла жена письмо, видит: Ада такой красивый да статный, радостно стало у нее на сердце, тотчас велела она устроить пышную свадьбу.

Прошло полмесяца, и вот вернулся хан. Увидел, что Ада женился на самой красивой его дочери, и разгневался необычайно. Он поклялся, что его дочь никогда не будет принадлежать сыну бедняка, и сказал:

— Моя дочь может принадлежать лишь тому, кто сможет достичь страны великанов и принести три золотых волоса с головы их князя.

— Я непременно добуду их,— сказал Ада.

Распрощался он с женой и отправился в путь.

Ада прошел всю бескрайнюю степь, прошел большую пустыню и достиг одного города. Он хотел было идти дальше, но стражники, охранявшие город, задержали его и стали расспрашивать, что он за человек, зачем идет, да

еще спросили, может ли он ответить на вопросы жителей города.

Ада рассказал стражникам о своем деле и добавил:

— Я могу ответить на ваши вопросы.

— Правда? — удивились стражники. — Тогда ты и есть тот человек, которого мы ждали. Объясни нам, пожалуйста, вот что: в этом городе есть парк, а в парке фонтан, прежде из него била струя воды, прекрасная, как серебро, а сейчас все пересохло, нет больше воды, в чем дело? Вот если ты найдешь причину, мы будем очень тебе благодарны.

— Я могу отыскать причину, только подождите, вернусь обратно и скажу вам, — спокойно ответил Ада.

Стражники пропустили его, и он продолжал свой путь вперед.

Он перевалил через высокую гору, перебрался через большую реку, и опять подошел к огромному городу. И вновь остановили его стражники и спросили, что он за человек, зачем идет и не может ли он ответить на вопросы жителей города.

Ада рассказал стражникам о своем деле и добавил:

— Я могу ответить на ваши вопросы.

— Правда? — удивились стражники. — Тогда ты и есть тот человек, которого мы ждали. Объясни нам, пожалуйста, вот что: в этом городе есть дерево, на котором росли золотые яблоки. Прежде дерево пышно цвело и каждый год давало бесчисленное количество яблок, а сейчас оно завяло, не зреют уже золотые яблоки, листочка и то нет, в чем же дело? Если ты отыщешь причину, мы будем очень благодарны тебе.

— Я могу отыскать причину, подождите вот только — вернусь обратно и скажу вам.

Стражники пропустили его, и он продолжал свой путь вперед. Ада все шел и шел, он прошел уже семьдесят семь степей, пересек семьдесят семь пустынь, переправился через семьдесят семь рек, побывал в семидесяти семи городах и под конец подошел к озеру Босытэн, через которое шла дорога в страну князя великанов. На берегу озера он повстречал перевозчика. Перевозчик спросил его, что он за человек, зачем идет и не может ли ответить на его вопрос.

Ада рассказал перевозчику о своем деле и добавил:

— Я могу ответить на твой вопрос.

— Правда? — удивился перевозчик. — Тогда ты и есть тот человек, которого я ждал. Я уже несколько десятков лет гоняю по озеру свою лодку. А сейчас я уже стар, вся голова побелела, пора отдохнуть, почему же никто не приходит сменить меня? Неужели же мне вечно тут держать перевоз?

Подумал Ада, подумал и сказал:

— Я могу ответить тебе, подожди только, вот вернусь обратно на этот берег и скажу.

И перевозчик перевез Аду через озеро Босытэн. Пробрался юноша через густые-прегустые заросли колючего терновника и оказался у дома князя великанов. Князя как раз в это время не оказалось дома, была только его старая бабушка, сидевшая в очках на вертящемся стуле.

Увидела старушка, что пришел красивый и стройный юноша, и приветливо спросила его:

— Зачем ты пришел?

Ада поклонился старушке и сказал:

— Бабушка, я перешел через тысячи гор и десятки тысяч рек, износил много туфель и носков, чтобы добыть три золотых волоса с головы князя великанов.

Посмотрела старушка на пыль на одежде юноши, на колючки в его волосах, жалко ей его стало:

— Ты перенес столько трудностей, — сказала она, — подожди, вернется князь, и я придумаю, как помочь тебе.

— Вот спасибо тебе, бабушка, только я еще хочу знать три вещи: почему засох фонтан, почему завяла золотая яблоня и почему никто не приходит сменить старого перевозчика?

— Хорошо, вот вернется князь, и я спрошу его, а ты внимательно слушай, — сказала старушка.

Затем она превратила Аду в муравья и спрятала у себя в рукаве.

Прошло немного времени, солнце опустилось за горы, вдруг подул сильный ветер — это возвращался князь великанов.

Вернулся великан, заворчал:

— Не дело! Что это здесь человеческим духом пахнет! — и стал рыскать по сторонам.

— Ты с ума сошел, — принялась ругать его старуха, — ведь я стерегла дом, как же мог пробраться в него чужой человек? Только я убрала, ты опять все вещи поразбросал.

Увидел великан, что бабушка огорчилась, и бросил искать, повалился на кровать, положил руки под голову и захрапел так, словно гром загремел.

Бабушка прижала к себе его голову и тоже притворилась спящей.

Прошла секунда, прошла минута, прошел час. Старушка ухватила золотой волос великана, дернула его, и волос упал вниз.

— А-а! Бабушка, что ты делаешь? — князь великанов проснулся от боли.

— Ай-я! Мне приснился сон, мне стало страшно, вот я и схватилась за твои волосы. Я видела город, раньше там бил фонтан с серебристой водой, а теперь вдруг высох, почему бы это?

— Если бы жители узнали причину этого, они бы умерли от радости! Это все потому, что на дне фонтана сидит жаба. Если убить ее, фонтан снова забьет серебристой водой, — сказал великан и захрапел так, словно загрохотал гром.

Прошла секунда, прошла минута, прошел час. Старушка опять ухватилась за золотой волос великана, дернула, и он упал вниз.

— А-а! Бабушка, что ты делаешь! — князь великанов вновь проснулся от боли.

— Ай-я! Мне опять приснился сон, стало страшно, вот я и схватилась за твои волосы. Я видела город, раньше там была яблоня с золотыми плодами, вся зеленая от листьев, каждый год, бывало, на ней созревало много золотых яблок, а теперь она совсем завяла. Почему бы это?

— Если бы жители узнали причину этого, они бы умерли от радости! Это все потому, что корни дерева грызет мышь. Если убить ее, дерево снова будет давать золотые плоды, — проговорил великан и захрапел так, словно загремел гром.

Прошла секунда, прошла минута, прошел час. Старушка опять ухватилась за золотой волос великана, дернула, и он упал вниз.

— А-а! — великан аж подскочил от боли.

— Какой-то странный сон! Я видела перевозчика, который держит переправу на озере Босытэн уже несколько десятков лет. Вся голова у него побелела, почему же никто не приходит сменить его?

— Ему надо передать рулевое весло человеку в красной одежде и быстро уйти, тогда он сможет отдохнуть на берегу! — проворчал великан.

Так прошла ночь. На другой день подул сильный ветер, и князь великанов опять ушел. Старушка велела Аде вылезти из ее рукава, вернула ему прежний вид, отдала ему три золотых волоса и проводила его.

День шел Ада, другой; месяц шел, другой; почти год шел Ада.

Подошел к озеру Босытэн, вышел на берег и сказал перевозчику, чтобы тот дождался человека в красном и отдал ему рулевое весло. Старик поблагодарил его и радостно проводил в дальнейший путь. Ада подошел к городу с высохшей яблоней и сказал стражникам, чтобы они убили живущую под деревом мышь. Стражники так и сделали, и вскоре на дереве вновь появились почки, распустились листья, зацвели цветы и завязались золотые яблоки. Горожане подарили Аде много дорогих подарков и проводили в далекий путь.

Ада подошел к городу с высохшим фонтаном и сказал стражникам, чтобы они убили жабу, которая живет на дне фонтана. Стражники так и сделали, и вскоре фонтан вновь забил серебристой струей. Жители подарили Аде прекрасную повозку и красивого коня и проводили его в далекий путь.

Ада вернулся во дворец, передал хану три золотых волоса. Радости ханской дочери не было предела, а хану и сказать-то нечего.

Потом Ада поведал хану, что у озера Босытэн есть удивительное сокровище, только хан должен обязательно идти за ним сам, да еще в красной одежде. Услышал это хан, тотчас же надел красный халат и отправился к озеру.

Увидел старый перевозчик издали, что пришел человек в красном, обрадовался, подождал, пока он подойдет к нему, и быстро сунул ему в руки рулевое весло. Хотел было хан оторвать руку от весла, да не тут-то было, так с этих пор хан вечно и возит людей через озеро Босытэн.



Искандер-хана были рога. Никто об этом не знал, кроме тех, кто брил его, но хан не выпускал их живыми от себя — казнил.

Пришла очередь брить хана сыну одной старушки. Она дала сыну баурсаков¹, которые сделала на масле, сбитом из своего молока. Старушка рассказала об этом сыну и велела их есть во время бритья.

Вот сын пришел к хану и стал его брить. Во время бритья он ел баурсаки. Хан заметил это и спросил, что он ест, попросил дать и ему. Тот дал хану. Искандер-хан съел несколько штук, баурсаки ему понравились. Старухин сын рассказал хану, как были сделаны баурсаки. Искандер-хан сказал брившему, что теперь они молочные братья, и не казнил его.



АЛЕУКО-БАТЫР

Алеке был сын. Звали его Алеуко. Однажды он увидел во сне дочь хана и влюбился в нее. Алеуко решил разыскать ее. Пробрался он к девице, усыпил сторожей, переставил свечи, которые стояли в головах. Девица проснулась, увидела, что свечи переставлены, и приказала казнить сторожей, а на их место назначить новых. Но и этих Алеуко усыпил и переставил свечи. Девица увидела Алеуко и влюбилась в него. Она стала просить своего отца выдать ее за Алеуко. Но хан не согласился: человек черной кости не может быть мужем его дочери. Но Алеуко не отступил от своего: он попросил отца высватать ему дочь хана. И тогда отец Алеуко пришел к хану и запел:

¹ Баурсаки — колобки из теста, жаренные в масле или сале.

Ты железо, ты железо, а я уголь.
Я пришел расплавить железо.
Я пришел соединить детей взрослых.

Услышала ханская дочь и запела в ответ отцу Алеуко:

Моя нежная шея утомилась, молодец.
На моей спине появился нарыв, молодец.
Убегай в горы, молодец!
Слепой Карьке догоняет, молодец...

Опять запел отец Алеуко:

Твоя нежная шея утомилась, моя дорогая!
На твоей спине сделалась ссадина, моя дорогая!
В горы беги, моя дорогая!
Я не уйду, не сразившись с Карьке!

Хан не согласился выдать дочь за Алеуко. Но дочь не желала идти за другого. Тогда хан сказал:

— Пусть Алеке наполнит скотом все мои летовки, зимовки и осеневки. Если выполнит он это, то я выдам свою дочь за его сына.

Алеке выполнил желание хана. В это время Алеуко был в походе, и хан воспользовался этим и откочевал в другое место. Когда Алеуко вернулся, то не застал хана. Отправился жигит разыскивать свою любимую. Вот он доехал до большого моря, переправился на другой берег. Там он нашел хана, который собирался выдать свою дочь за слепого великана Карьке и готовил свадьбу. Пришло время праздничных состязаний. Стали бороться. Вышел брат слепого великана. Никто его не смог осилить. Тогда Алеуко превратился в Тазша-балу и попросил разрешения бороться с великаном. Над ним стали смеяться. Но Алеуко взял брата Карьке за руку, ударил его о землю — разбился великан вдребезги. Тогда вышел сам Карьке. Тазша-бала сказал хану, что будет драться с Карьке лишь в том случае, если хан отдаст дочь за победителя. Хан не согласился, и борьба не состоялась.

Началась байга. Тазша-бала выехал на жеребенке. Сидевшие на бегунцах стали над ним смеяться. Они уехали вперед, а Тазша-бала остался позади. Когда они были на половине пути, он обратил своего жеребенка в его настоящий вид — в хорошего скакуна и обогнал своих соперни-

ков. Ханская дочь пошла посмотреть на победителя и заметила на руке Тазша-балы свой перстень. По этому перстню она узнала Алеуко и договорилась с ним бежать от отца. Ханская дочь была волшебница: она посадила Алеуко себе на спину и полетела. Слепой Карьке заметил это и погнался за ними. Тогда девица запела:

Больно моей спине,
Я устала.

Алеуко ответил ей:

Если ты устала, то остановись!
Я буду биться с ним...

Она остановилась, и великан догнал их. Алеуко сказал великану, что первым должен стрелять он, Алеуко, потому что является первым женихом красавицы: он первый высватал ханскую дочь. Карьке согласился. Алеуко выстрелил в грудь противника и убил его. Со своей возлюбленной Алеуко возвратился к хану. Тот был вынужден отдать за него дочь. Навьючил хан на восемьдесят верблюдов разного добра и отпустил молодых. Алеуко со своей женой уехал в родной аул.

АБИ И ТАБИ



или два брата. Старшего звали Аби, а младшего — Таби. Однажды братья заблудились и вышли к камню, на котором было написано: «Если вправо пойдешь, то обязательно вернешься — барса келер, а если влево — пропадешь, сгинешь — барса кельмес». Заспорили братья: кому идти по счастливой дороге. Спорили, спорили и порешили: идти по дороге барса келер старшему брату. Пошел старший брат по дороге, что вправо шла, и пришел в город. Здесь он зашел к одному бездетному, рассказал ему, что заблудился. Человек этот усыновил его. И стал старший брат торговать. Вскоре он разбогател, женился на дочери бая, получил большое наследство.

Младший брат, что пошел по дороге барса кельмес, попал к старику, у которого и богатства-то — старуха да пять коз. Старик заставил Таби коз пасти.

Идет он однажды со своими козами по степи и видит — на небе два солнца: одно из них всходит и заходит, а другое и не закатывается. Вернулся он домой, спрашивает стариков: что это значит? Но те молчат и ему наказывают молчать, а утром в его тюсеке¹ нашли пятьдесят золотых. Таби решил оставить стариков, но они не отпустили его.

На следующий день младший брат увидел в степи белую юрту. Опять спросил стариков, но те молчат и ему наказывают молчать, а утром в его тюсеке нашли еще пятьдесят золотых. Таби решил оставить стариков, но они не отпустили его.

Но вот и в третий раз Таби увидел в степи незаходящее солнце и белую юрту. Спросил стариков: что это значит? Но они молчат и ему наказывают молчать, а утром в его тюсеке нашли еще пятьдесят золотых. Таби решил оставить стариков, и на этот раз они отпустили его. Переделся Таби в одежду Тазша-балы и пошел в тот город, где жила красавица, которой никто не нравился.

Пришел Таби к дому красавицы и просидел у дверей до позднего вечера. Красавица заметила его и решила, что это и есть ее жених. Стал Тазша-бала жить с красавицей. Но вскоре наскучила ему эта праздная жизнь. Ушел он из города.

Долго шел Таби по степи, утомился и решил отдохнуть. Сел он и видит — сидят два жаворонка и разговаривают между собой: «Недалеко отсюда, где родник Шик-бермес,² стоит карагач. Возле него лежит волшебная палка. Кто найдет ее, тот сможет людей превращать в животных». Проговорили так они и улетели.

Нашел Таби волшебную палку. Вспомнил хана своего и его коварных визирей. Решил он проучить их. Вернулся Таби в родные места и прямо к хану зашел. Сидит хан в юрте своей, а возле него приближенные. Дотронулся Таби до них палкой своей — и превратились визири в кобыл, а хан жеребцом стал.

И зажил народ легко и свободно, а ханом своим избрал Таби.

¹ Тюсек — матрац из войлока, обшитый материей.

² Шик-бермес — не дающий ни капли воды, высохший родник.

КЕНДЕБАЙ НА КОНЕ КЕРГУЛА



В далекие времена, когда хвосты коз были короткими, в ущелье Каратау жил бедняк со своей женой. Звали его Казангап. Сам он промышлял соколиной охотой и рыболовством, а жена пряла шерсть, плела сети, латала старье. Этим они и добывали себе средства для жизни.

Бежали дни, катились годы, и вот жена Казангапа стала тяжелой, а через девять месяцев родила беленького пухленького сына. Обрадовались отец и мать, почувствовали, что стали сильными. Нарекли они сына Кендебаем.

Растет Кендебай не по месяцам, а по дням. Через шесть дней он уже смеялся, через шесть месяцев пошел, а через шесть лет он стал настоящим жигитом. И был он такой сильный, что побеждал каждого, кто вступал с ним в схватку, а кто пробовал бороться с ним, того он клал на обе лопатки. Провалится, бывало, незадачливый верблюд в колодезь, Кендебай схватит его за ноги и без труда вытащит. Подрос он и стал с отцом ходить на охоту, а скоро и один отправлялся охотиться на зебр. Прослыл он самым метким стрелком, потому что попадал стрелой в глаз быстроногой сайги. Штабелями складывал он убитых архаров и коз, зебр и косулей. Бедняцкие семьи, жившие по берегам Карасу, всегда обращались к Кендебаю за помощью. И всегда он помогал им.

Однажды Кендебай охотился в горах Каратау. В глубоком ущелье паслись лошади. Вдруг он увидел, как на одну жеребую кобылу бросился волк. Кендебай спрыгнул с коня, подбежал к волку, схватил его за хвост, приподнял и стал крутить волка вокруг себя, потом размахнулся и изо всей силы ударил его о скалу. Волк тьякнул и испустил дух. Кендебай снял с него шкуру и подошел к кобыле. Кобыла в муках умирала, а в животе ее бился жеребенок. Жалко стало Кендебаю жеребенка, и он, не долго думая, вынул из ножен булатный нож, вспорол кобыле живот и вытащил жеребенка. Жеребенок оказался необычайно крупным. Кендебай привез его домой и стал ухаживать за ним — чистил его, поил молоком зебры.

Не по дням, а по часам рос жеребенок, и через шесть месяцев превратился в настоящего коня длиной в шесть аршин. Назвали его по масти — Кергула.

Кендебай приучил Кергулу к верховой езде и стал ездить на охоту. Скоро Кергула стал самым быстроногим скакуном в округе — никто не мог его догнать, никто не мог уйти, а еще он мог зубами схватить на лету птицу. А хозяин его вмиг догонял на нем и хватал за хвост диких коней и зебр.

Кендебай был добрым юношей. Он всегда утешал тех, кто плакал, помогал бедным, отдавал им все свое добро. Всюду он появлялся на своем коне, и люди стали звать его не иначе как Кендебай на коне Кергула. Далеко вокруг разнеслась слава о доброте Кендебая.

Однажды Кендебай, охотясь, удалился далеко от родных мест. В одном урочище он увидел мальчика. Мальчик горько плакал. Рядом паслись ягнята. Подъехал к нему Кендебай, спросил:

— Кто тебя обидел, бала? Почему в глазах твоих слезы, а на душе тоска?

Мальчик был одет в лохмотья, вся его голова была в чесотке, но он бойко ответил:

— Потерял я мать — потерял я счастье, лишился я отца — лишился я опоры.

И мальчик опять горько заплакал.

— Говори яснее, — сказал Кендебай. — Что случилось?

Мальчик перестал плакать, вытер глаза, вздохнул тяжело и стал рассказывать.

— Сейчас мне шесть лет. А когда было два года, враги напали на наши аулы, разорили и угнали всех коней. Отец мой был батыром. Мергенбаем его звали. Спал он всегда богатырским сном, как и подобает батыру. В то время, как раз после долгого похода, отец спал шесть суток подряд. И вот спящего отца враги связали и забрали в плен. Мать моя бросилась выручать отца. Жестокий и неумолимый враг схватил ее и тоже увез. Я остался круглым сиротой и пошел к баю Таскаре пасти его ягнят. И вот вся моя одежда изорвалась, сам я похудел, губы мои потрескались, голову покрыла чесотка. Поэтому в глазах у меня слезы, в душе — тоска и горе. Я горюю по отцу и матери, а мой хозяин — бай горюет по табунам коней, которых угнали враги.

— Успокойся, юный друг,— говорит Кендебай, я разыщу твоих родителей.

Мальчик обрадовался и пригласил Кендебая пожить здесь, вместе с чабанами, два-три дня.

Кендебай согласился и поехал к шалашу чабанов. А мальчик остался пасти ягнят.

Кендебай подстрелил зебру, ободрал ее и стал готовить обед. Вечером пришли чабаны, но мальчика с ними не было. Кендебай ждал его не смыкая глаз. Поздно ночью пришел мальчик, усталый, голодный.

— Почему ты так поздно возвратился?— спросил Кендебай.

— В аул ходил,— ответил мальчик. И лег спать.

Утром юный чабан встал вместе со всеми и, веселый, погнал на пастбище своих ягнят. Вечером мальчик опять не пришел вместе со всеми. Кендебай поехал искать и нашел его в степи. Мальчик лежал без памяти. Когда он пришел в себя, Кендебай спросил его, что случилось. Мальчик молчал. Кендебай рассердился, тогда мальчик рассказал:

— Вчера и сегодня вечерами прилетали шесть лебедей и кружили надо мной. Они громко кричали и спрашивали:

Здесь ли небезызвестный Кендебай-сал,
Чей верный конь Кергула на привязи не дремал,
На скаку развевал ветер гриву коня,
И сверкала на солнце броня?

Я им ответил:

Кендебай-сал — это я, что таить,
Мой верный конь Кергула на привязи не стоит,
На скаку развевает ветер гриву коня,
И сверкает на солнце броня.

Тогда лебеди спустились на землю и стали бить меня крыльями. Я упал и потерял сознание.

На следующий день Кендебай переоделся в одежду мальчика и пошел вместо него пасти ягнят.

Как только стало смеркаться, прилетели шесть лебедей. Они сделали шесть кругов над головой Кендебая, опускались все ниже и ниже. Затем подали голос:

Здесь ли небезызвестный Кендебай-сал,
Чей верный конь Кергула на привязи не дремал.
На скаку разведал ветер гриву коня,
И сверкала на солнце броня?

Голосом юного чабана Кендебай ответил:

Кендебай-сал — это я, что таить.
Мой верный конь Кергула на привязи не стоит.
На скаку развеивает ветер гриву коня,
И сверкает на солнце броня.

Лебеди опустились на землю и стали бить Кендебая крыльями. Кендебай стал ловить их. Испугавшись, лебеди взлетели. Одну из них Кендебай успел схватить за ноги, но не удержал, птица вырвалась, а в руках у Кендебая остался кебис¹. Кендебай еще несколько дней подряд ходил пасти ягнят в надежде, что лебеди прилетят еще. Но они больше не прилетали, и Кендебай, распрощавшись с чабанами, вернулся домой. Он на целый год заготовил мяса для отца и матери, затем надел свои богатырские доспехи и отправился на поиски родителей юного чабана.

Конь Кергула вихрем понесся вперед. Шестимесячную дорогу он покрыл за шесть прыжков. Птицы не успевали подняться в воздух — Кергула перешагивал их. Мимо всадника сплошной цепью неслись назад горы, озера, леса, болота, равнины. Так летел Кендебай днем и ночью. Летел месяц. И вот впереди показалась высокая гора, вершина которой уходила в небо. У подножия этой горы Кергула заговорил человеческим языком.

— Мой друг Кендебай, то, что ты ищешь, теперь недалеко. За этой горой будет широкая река. Посредине реки стоит остров. На острове живет хан дьяволов. Шесть лебедей, которые прилетали к тебе тогда, — это дочери хана. Кебис, который ты прячешь под мышкой, оставила младшая дочь этого хана. Родители юного чабана тоже здесь. Они сидят в глубоком зиндане. Двери в зиндан заперты на замок. Ключ от этого замка лежит на дне моря, куда стекаются шестьдесят рек. Человеку не под силу добраться до дна. На том склоне горы встретишь высокого рослого мужчину, который будет пасти коров. Он тоже пленник хана, превращенный в раба. Ты подойди к нему, дай ценности

¹ Кебис — женская обувь.

и поменяйся одеждой. Затем отпусти его на волю, а сам оставайся пасти коров. Сейчас вырви у меня из хвоста один волосок и отпусти меня. Вооружение свое оставь на мне. Пока ни я, ни твое вооружение тебе не нужны. Когда я понадобится, зажги волосок.

Кендебай вырвал из хвоста коня волосинку и пошел искать пастуха. Пастух с радостью поменялся с Кендебаем одеждой, взял драгоценности и пошел восвояси. Кендебай остался пасти коров.

Наступил вечер. Коровы сами пошли по направлению к острову, но на пути была речка, и коровы остановились. Как ни кричал Кендебай на коров, чтобы они шли в воду, коровы не двигались с места. Тогда Кендебай разозлился, стал хватать коров и перебрасывать их на ту сторону. Увидела все это младшая дочь хана, которая сидела на берегу, и закричала пастуху:

— О негодяй, ты же погубишь коров. Почему, как обычно, не говоришь: «Раздайся, река, раздайся!»

Кендебай обрадовался и громко сказал:

— Раздайся, река, раздайся!

Река сразу же раздалась, и открылся проход к острову. Освоил эту тайну Кендебай и продолжал пасти коров. Однажды хан позвал своих двух сыновей и сказал: — Сегодня ночью вороная кобыла должна жеребиться. Она принесет нынче десятого жеребенка. Но вы знаете, что жеребенок в ту же ночь исчезает. Сегодня караульте кобылу и спасите жеребенка.

Кендебай подслушал этот наказ хана сыновьям. Вечером, когда сыновья хана пошли караулить кобылу, Кендебай незаметно пошел за ними. Через некоторое время ханские сыновья сладко захрапели. Всю ночь сидел Кендебай не смыкая глаз. На рассвете кобыла принесла крылатого жеребенка с золотым хвостом и боброво-шелковистой шерстью. Вдруг небо заволокло черными тучами. Тучи свернулись в клубок, опустились на землю, окутали жеребенка и подняли в воздух. Кендебай схватил жеребенка за хвост, хвост оторвался и остался в руках Кендебая. Кендебай спрятал золотой хвост жеребенка за пазуху и пошел спать. Утром хан спросил сыновей, что они видели. Сыновья ответили:

— Кобыла не ожеребилась, ничего не случилось.

В это время в дом вошел Кендебай.

— Разрешите, всемогущий хан!

— Говори, что ты хочешь? — сердито крикнул хан.

— Сыновья лгут. Незаметно для них я караулил кобылу. В полночь эти парни заснули. На рассвете кобылица принесла крылатого жеребенка с золотым хвостом и боброво-шелковистой шерстью. В это время с неба спустилась туча, надвинулась на кобылу и унесла жеребенка. Наверное, внутри тучи была какая-нибудь хищная птица, и она унесла жеребенка в когтях. Я успел схватить жеребенка за хвост, хвост оторвался и остался у меня в руках.

Хан нетерпеливо перебил его:

— Где этот хвост?

— О всемогущий хан, наберитесь терпения. Если бы я хотел присвоить себе золотой хвост жеребенка, я бы не пришел сюда. Вот хвост,— и Кендебай вынул из-за пазухи хвост. Дворец озарился ярким золотистым светом. Сыновья хана потупили глаза.

— Сейчас же вы, все трое, отправляйтесь на поиски и найдите хищную птицу и жеребенка. Если не найдете, не показывайтесь мне на глаза! — приказал хан.

Кендебай перешел реку и зажег волосинку. К нему вмиг явился его конь. Кендебай надел свои богатырские доспехи, сел на коня и тронулся в путь.

Через некоторое время конь остановился и заговорил:

— Вот там, видишь,— пылает? Это огненное море. Нам надо перешагнуть это море. Закрой глаза и не открывай до тех пор, пока я не разрешу. Если откроешь, мы оба погибнем.

Кендебай закрыл глаза. Конь вздыбился и полетел вперед. Кендебая обдало горячим воздухом, потом подул сильный ветер. Прошло некоторое время, и Кендебай услышал голос своего коня: «Открой глаза!» Кендебай открыл глаза и видит: стоят они на острове среди бушующего моря. Огляделся Кендебай и увидел девять золотохвостых коней и одного жеребенка без хвоста: они пили воду из золотого желоба.

Конь Кергула опять заговорил:

— Вон там, видишь,— высокий тополь? На вершине его есть гнездо двуглавого орла-великана Самрука. Этот хищник один раз в шесть месяцев улетает за добычей. И возвращается через пятнадцать дней. Сегодня его нет — улетел промышлять. Возвратится он через шесть дней. Чтобы не попасть ему в когти, мы должны покрыть шестимесячное расстояние за шесть часов. Садись на меня и возь-

ми золотой желоб. Кони и жеребенок пойдут следом за желобом.

Но мы с этими конями и жеребенком не сможем напрямик перешагнуть огненное море. Надо будет обогнуть это море. Путь нам предстоит длинный. На этом пути нас ждут три преграды: семиглавый великан, страшный лев и, наконец, лукавая баба-яга. Всех их мы должны победить. Это будет зависеть от твоей богатырской силы, храбрости и хитрости. Ну, не будем терять зря времени, поедем!

Кендебай поднял золотой желоб, сел на Кергулу и тронулся в путь. Золотохвостые кони последовали за ним. Через некоторое время впереди показалась гора. Что за чудо? Гора качалась и двигалась прямо на них. Глядя Кендебай и глазам своим не верит. И вдруг он увидел, что это вовсе не гора, а семиглавый великан — див. Кендебай опустил на землю желоб. Золотохвостые кони и жеребенок остановились и окружили желоб.

Кендебай взял свой шокпар весом в сто батпанов и во весь дух помчался навстречу семиглавому великану. Пролетая мимо дива, он со всей силой ударил его тяжелым шокпаром. Одна голова дива отлетела и покатила по земле. Кендебай повернул коня обратно и, промчась мимо дива, еще раз ударил его по голове. Еще одна голова дива слетела. Так Кендебай снял все головы, и див горою свалился наземь. Кендебай вырезал у дива глаза и спрятал в мешок. Затем он вернулся к желобу, поднял его на седло и, увлекая златохвостых коней и жеребенка, продолжал свой путь.

Могучий Кергула вихрем несся вперед. Пыль за ним тянулась несколько верст; вмиг он промчался через несколько перевалов, и Кендебай услышал страшный рев. На этот раз он оставил Кергулу возле златохвостых спутников, а сам пеший отправился в ту сторону, откуда слышался рев. Прошел Кендебай несколько шагов, — какая-то струя воздуха потянула его вперед. Кендебай увидел перед собой широкую, как пещера, пасть льва, и понял, что его тянет в эту пасть. Богатырь быстро вынул из ножен алмазный меч длиной в шесть сажень и протянул перед собой поперек. Алмазный меч рассек льва пополам. Кендебай выколотил клык льва и спрятал в мешок.

Опять двинулись вперед. Сколько бугорков, сколько гор промчалось мимо них назад, неизвестно, стал стелиться густой черный туман. Сделалось совсем темно, и только

хвосты коней кое-как освещали дорогу золотым блеском. Вдруг наступила светлая полоса и показалась какая-то девушка — писаная красавица. Кендебай сошел с коня и направился в сторону девушки. Девушка долго и пристально вглядывалась в лицо Кендебая:

— С дороги, наверное, очень устал, добрый путник, — заговорила она. — Идем в мой терем, отдохнешь!

Вспомнил Кендебай, что Кергула предупреждал про лукавую бабу-ягу. Это, верно, она явилась перед ним в облике девушки-красавицы. Конь говорил: кто пойдет в ее терем, никогда обратно не вернется. И Кендебай ответил:

— Да, я устал с дороги. Веди меня в свой терем.

Девушка повернулась, чтобы вести Кендебая за собой. В этот миг Кендебай нанёс ей сильный удар мечом. Блеснула молния, и все вокруг покрылось черным туманом. Затем туман постепенно рассеялся, и Кендебай увидел на месте девушки рассеченную надвое дряхлую старуху. Кендебай отрубил голову старухи и положил в мешок.

И опять заговорил Кергула:

— Через владения этой злой старухи не удавалось ни пройти, ни проскочить, ни пролететь не только людям, но и зверям и птицам. Пока никто не знает, что эта страшная старуха подохла, мы можем здесь отдохнуть три-четыре дня.

Кендебай согласился, и они стали отдыхать. Когда подошло время ехать дальше, Кендебай взял драгоценности злой старухи, навьючил их на Кергулу, сел на него верхом, взял на седло золотой желоб и в течение нескольких дней достиг острова хана дьяволов.

Хан оказал Кендебаю большое уважение: посадил его на почетное место и спросил, как его зовут, откуда он родом. Кендебай ответил:

— Я сын простого человека. Мое имя Кендебай. В народе меня зовут Кендебай на коне Кергула. Я приехал в эту страну не ради забавы, а по делу. Я ищу возможности отстоять свою честь. Коль будет дозволено, я скажу все.

— Говори, говори, мой сын! — ответил хан.

— Несколько лет тому назад воины ваши напали на нашу страну и ограбили ее, — сказал Кендебай. — Они угнали скот, связали и увезли нашего батыра. Я приехал сюда, чтобы освободить и увезти с собой этого батыра. Это —

раз. А второе вот что. Однажды я пас скот. Надо мною кружились лебеди. Я схватил одну из них за ногу, но она вырвалась, и у меня в руках остался золотой кебис. Говорят, что этот кебис принадлежит кому-то из вашей страны. Я приехал вручить этот кебис его хозяйке.

Кендебай протягивает золотой кебис хану. Хан отвечает: — Ты прав, сынок. Это по моему велению мои воины совершили набег на вашу страну, пригнали скот, связали и привезли сюда батыра. Батыр по имени Мергенбай и его жена сидят у меня в зиндане. Я посылал к нему своих людей и велел сказать: «Я жалую ему свободу, если он будет служить мне». Но он оказался упрямым, отказался наотрез. «Я не стану служить своему врагу. Пусть он прежде всего прикажет развязать мне руки и ноги. Только потом я стану с ним говорить», — ответил он. Развязать его мы опасались. В этом мы преследовали еще одну цель: поймать тебя. До нас доходила твоя слава, мы знали о тебе. Я хотел послать тебя за хищным Самруком, который каждый год уносил моих жеребят. Поскольку я не мог тебя подкараулить и поймать, я приказал ограбить твою страну в надежде, что ты сам придешь к нам отстаивать честь своей страны. Прошло после того два года. Но ты не являлся к нам. Поэтому мои шесть дочерей летали в вашу страну искать тебя. Этот кебис принадлежит моей младшей дочери. Теперь ты должен выполнить мое желание. В таких-то краях живут: семиглавый великан — див, страшный лев и лукавая баба-яга. Ты должен убить их и доставить мне их головы. Если ты выполнишь все это, я тебе верну вашего батыра, верну весь скот. Кроме того я выдам за тебя мою младшую дочь, и ты будешь моим зятем.

Кендебай пошел и принес мешок, который был привязан к седлу Кергулы. Он вытряс перед ханом мешок, откуда вывалились глаза дива, клыки льва и голова бабы-яги. Хан был удовлетворен и приказал освободить из заточения батыра Мергенбая, его жену и других пленников. Он также вернул весь скот. Затем выдал младшую дочь за Кендебая и устроил веселье на тридцать дней и пир на сорок дней. После этого он проводил Кендебая в его родные края. Через несколько дней Кендебай был в своей стране. Он вручил народу его скот. Батыр Мергенбай и его жена нашли своего сына.

На радостях был устроен богатый пир.

Ни один враг не мог осмелиться напасть на эту страну, пока здесь жил Кендебай. И эту страну стали называть не иначе, как страной Кендебая на коне Кергула.



ЦАРЬ И БЕРКУТ

В далекие незапамятные времена жил царь, он очень любил охоту на диких зверей. Однажды во время охоты увидел он беркута, сидящего на дереве. Царь решил подстрелить беркута, но тот вдруг заговорил человеческим голосом:

— Эй, всемогущий царь, не убивай меня, сейчас я не могу летать. Но когда окрепну, пригожусь тебе.

Царь сделал вид, что не слышал просьбы птицы и прицелился. Беркуту пришлось еще и еще раз повторить свою мольбу. Интересно стало царю, что это за необыкновенный беркут, который, как человек, разговаривает. Опустил он лук и решил взять с собой птицу. Привез он ее домой и стал кормить.

Прошло два года. Царь разорился и стал беднее самого бедного казаха. И вот настало такое время, что не только птицу кормить, самому нечего стало есть. Решил он отпустить птицу на волю. Но беркут не мог взлететь.

— Эй, царь,— умоляет он,— покорми меня еще год, и я тогда сделаю тебя богатым.

Жалко стало царю беркута, оставил его. Занимает он у соседей скот и еще один год ухаживает за беркутом. Через год беркут становится могучим и сильным. Сажает он на спину царя и улетает вдаль.

Летят они в поднебесной вышине и вдруг видят: внизу лазурью стелется морская гладь. Беркут неожиданно опускается и бросает царя в пучину волн. Как только царь коленями коснулся поверхности воды, беркут схватил его и унес вверх.

— О могучий царь, ну как, страшно было тебе? — спрашивает он.

— Я думал, что уже погиб,— отвечает царь.

Когда они снова летели через море, беркут опять бросил царя и опять подхватил его. На этот раз царь погрузился в воду по пояс. Пролетая над третьим морем, беркут снова повторяет все это и спрашивает:

— О могучий царь, страшно ли тебе было?

— Ну, если еще раз бросишь, то я не выдержу и умру от страха.

— Нет, больше бросать не буду. Помнишь, как я сидел на дереве, а ты три раза целился в меня? Мне тогда было тоже страшно.

Они долго летели молча. Потом беркут говорит:

— Посмотри, царь, что видно внизу, что вверху?

— Внизу видна земля, а вверху — небо, — отвечает царь.

— Посмотри теперь по сторонам.

— Справа — степь, а слева виднеется одинокий домик, — говорит царь.

— Это дом моей младшей сестры, — говорит беркут. — Мы сейчас прилетим туда.

Сестра обрадовалась брату, повела его в дом, а на царя даже не взглянула. В доме она стала угощать брата, а про царя и не подумала. Вечером спустила с цепи собаку. Собака кинулась на царя. Вышел из дому беркут, увидел, что царя не приняли. Обиделся он на сестру и не захотел больше здесь оставаться. Посадил он царя на спину, и полетели они дальше.

Через некоторое время беркут спрашивает царя:

— Что видишь позади?

Царь оглядывается и отвечает:

— Вижу огненно-красный дом.

— Это горит дом моей младшей сестры, — говорит беркут. — Она натравила на тебя собаку, теперь расплачивается за это своим домом. А теперь посмотри вверх и вниз.

— Вверху — небо, внизу земля видна, — сообщает царь.

— Посмотри вправо и влево, — говорит беркут.

— Справа — голая степь, слева виднеется одинокий дом, — отвечает царь.

— Это дом моей средней сестры, — говорит беркут. — Мы сейчас прилетим к ней в гости.

Опустились они у дома. Навстречу им выбегает сестра. Она так же, как и младшая, с радостью принимает брата,

на царя не обращает внимания и оставляет его во дворе. А вечером так же, как и младшая сестра, отпускает собаку, чтобы та искусала царя. Беркут обиделся и на среднюю сестру и покинул ее дом.

Полетели они дальше.

Через некоторое время беркут спрашивает царя:

— Что видишь позади?

— Вижу огненно-красный дом,— отвечает царь, оглянувшись назад.

— Это горит дом моей средней сестры. Я поджег его за то, что она нас с тобой плохо приняла. Теперь будет дом моего старшего брата и матери.

Прошло совсем мало времени, и они опустились у дома. Вышла навстречу к ним мать беркута, приняла гостей тепло и радушно. Беркут обращается к царю:

— О могучий царь, ложись, отдохни. Скоро я посажу тебя на корабль и отправлю домой. За твою доброту ко мне я отблагодарю тебя по достоинству.

Отдохнул царь, пришел беркут, чтобы проводить его на корабль. Принес он с собой два маленьких сундука: один — красный, другой — голубой.

— Пока не доберешься домой, не смей открывать,— наказывает на прощанье беркут, а когда будешь дома, отнеси красный сундук на заднюю сторону дворца и там открой. Голубой сундук откроешь на передней стороне дворца.

Поблагодарил царь беркута за дар, попрощался с ним и поплыл. Через несколько дней корабль царя приплывает к какому-то необитаемому острову и останавливается у берега.

Интересно царю, что в сундуках. «Почему бы не открыть сундуки и не посмотреть?» Открывает он красный сундук. О чудо! Весь остров наполняется скотом. Очень пожалел царь, что открыл раньше времени сундук. Как теперь вместить весь этот скот в такой маленький сундучок? Заплакал царь от горя. Вдруг из воды выходит человек и спрашивает:

— Отчего плачешь?

Рассказал ему царь о своей беде. А тот и говорит:

— Я вмещу в твой сундук весь этот скот, но ты за это дашь мне то в твоём доме, о чём ты не знаешь и даже не подозреваешь.

«Что же у меня может быть дома такое, о существовании чего я не знаю?» — думает царь и наконец соглашается дать.

Таинственный человек собрал весь скот в сундук и исчез.

Долго ли, скоро ли, приплывает царь в свой родной край, в свой дом. Пока его не было дома, жена родила сына. Увидел царь сына, целует его, а сам горько плачет. Спрашивает его царица:

— Чего, мой царь, так горько плачешь?

— Оттого, что стосковался по вас, — сказал царь и пошел на заднюю сторону своего дворца. Открыл он красный сундук, и вся окрестность наполнилась всеми видами скота. Пошел потом царь на переднюю сторону дворца, открыл голубой сундук и вскрикнул от неожиданности. Вокруг него выросли сады, заполненные разными певчими птицами, а прямо перед ним появился изумительный дворец с цветами и фонтанами. Как рукой сняло все горести с души царя, он забыл о своем обещании, данном таинственному человеку на острове.

Однажды царь был на охоте, он устал и сел отдохнуть возле реки. Вдруг видит: из воды высунулся тот таинственный человек, с которым он встречался на острове, и говорит:

— Ты не забыл свое обещание?

Царь в слезах пришел домой и рассказал обо всем царице и сыну. Поплакали, поплакали они, да нечего делать: обещал — исполни. На завтра царь и царица приводят сына-царевича на берег реки и в слезах прощаются с ним.

Убитый горем царевич побрел неизвестно куда и попал в густой темный лес. Видит, стоит лачуга, зашел он в лачугу, а там сидит баба-яга с пронизывающими огненно-красными глазами. Спрашивает она у царевича, кто он такой, откуда и куда идет. Рассказал юноша обо всем.

— Я тебе помогу, — говорит баба-яга. — Иди к берегу реки и спрячься там в камышах. Прилетят двенадцать лебедей. На берегу реки они сбросят с себя перья, превратятся в девушек и станут купаться. Ты тихонько подкрадись и выкради перья самой старшей лебеди. Ее зовут Гайнижамал. Она будет умолять тебя, но ты не давай ей перья. Не давай до тех пор, пока она не назовет свое имя и не пообещает стать твоей женой. Потом пойдешь дальше.

Тебе встретятся три человека — бери их с собой, они будут твоими друзьями.

Послушался царевич бабу-ягу. Пошел он к реке и спрятался в камышах. Через некоторое время прилетают двенадцать лебедей. Они сбросили с себя перья и стали красивыми девушками. Когда они ушли купаться, царевич подкрался к тому месту, где они раздевались, и собрал перья самой старшей из девушек. Накупались девушки, вышли из воды, стали одеваться. Только одна не находит свою одежду. Все уже улетели, одна Гайнижамал осталась на берегу. Вышел тогда царевич из камышей, бросилась к нему девушка:

— Дай мою одежду! Я пригожусь тебе, когда ты придешь к моему отцу — водяному. Дай одежду и отпусти меня!

Царевич и слушать не хочет. Тогда девушка называет свое имя и говорит:

— Я буду твоей женой. Я приду к тебе в любое время, когда буду нужна.

Тогда царевич возвратил ей перья. Гайнижамал оделась и улетела вслед за девушками. Пошел царевич своей дорогой. По пути он встретил трех витязей, суровых, как зимний день, и все вместе пошли дальше.

Пришел царевич к водяному. Встретил его водяной упреком:

— Друг мой, почему так долго не шел ко мне. Я устал от ожидания. Вот тебе задание. Ты должен сегодня за ночь построить мост через реку. Не построишь — отрублю голову.

Заплакал горько царевич и пошел к выходу. Увидала его Гайнижамал из окошка и окликает:

— Царевич мой, о чем плачешь?

Рассказал ей царевич о поручении ее отца.

— Не плачь, — утешает девушка, — иди во дворец и спокойно отдыхай до завтра. А поручение отца — не твоя забота.

Ушел царевич. Вышла Гайнижамал из дворца, произнесла волшебное слово. Вмиг перед ней появился весь материал для постройки моста. Сказала она второе волшебное слово и указала рукой, в каком месте через реку должен быть построен мост.

Утром Гайнижамал приходит к царевичу и будит его: — Вставай, мост готов.

Царевич взял метлу и пошел к мосту. Пришел и давай мести вокруг моста, будто заканчивает работу. Подошел к нему водяной, похвалил за мост.

— Теперь,— говорит водяной,— сделай так, чтобы во дворце у меня цвели сады, чтобы там наливались различные фрукты, а на деревьях распевали бы соловьи.

По воле Гайнижамал волшебные силы к утру сделали и это. Водяной остался доволен, но не успокоился на этом. Дает он новое задание.

— У меня есть двенадцать дочерей,— говорит он царевичу.— Если ты сможешь одну из них безошибочно опознать три раза, я выдам ее за тебя замуж. Ну, а если не сможешь, отрублю голову.

Рассказал царевич Гайнижамал об этом условии водяного, Гайнижамал и говорит:

— Первый раз, когда отец велит тебе опознать меня, я возьмусь за свой платок и таким образом дам тебе знать, что это я. Второй раз я поправлю на себе платье. А в третий раз на моей голове будет сидеть муха.

На следующий день водяной построил в ряд своих дочерей, как две капли воды похожих друг на друга. Царевич три раза безошибочно опознал Гайнижамал.

Водяной пообещал выдать за него замуж Гайнижамал и устроить богатую свадьбу — тридцатидневное гулянье и сорокадневный пир. Но до этого он велел своим слугам истопить баню, да так жарко, чтобы железо накалилось до красна, и искупать в этой бане молодых.

Чувствует Гайнижамал, что отец задумал недоброе, и советует царевичу:

— Давай убежим, не то отец погубит нас.

Послушался царевич, и ночью они тайком убежали. Долго они скакали, устали — поехали медленнее, а потом и совсем остановились.

— Послушай землю, нет ли погони за нами,— просит Гайнижамал царевича.

Слез царевич с коня, приложил ухо к земле, прислушивается, но ничего подозрительного не замечает. Тогда Гайнижамал тоже слезла с коня, приникла ухом к земле и услышала погоню. В один миг она превращает коней в дремучий лес, мужа — в дряхлого старика, а сама превращается в колодезь. И научает, как отвечать преследователям.

Прискакали преследователи, спрашивают старика:

— Эй, старик, не видел ли ты здесь молодую пару?

— Видел, видел, милые. Но тому прошло много времени; тогда я был еще молодым и сажал эти деревья,— отвечает старик царевич.

Преследователи возвратились обратно и доложили водяному обо всем, что видели по дороге. Водяной пришел в ярость и велел повесить гонцов. Затем он снаряжает в погоню других. Тогда Гайнижамал превратила мужа в старого ходжу, а сама превратилась в мечеть. Прискакали преследователи, спрашивают:

— Эй, ходжа, не проезжали ли здесь девушка и жигит?

— Проезжали,— отвечает ходжа,— но этому прошло много времени, тогда я был молодым, а эта мечеть только строилась.

Преследователи возвратились и доложили водяному обо всем, что видели:

— О наш владыка, ни следа, ни духу их нет. Нам попались по дороге только один дряхлый ходжа и старая мечеть.

Водяной приказал повесить и этих гонцов, и поехал в погоню сам. Узнала об этом Гайнижамал и превратила коней в речку со вкусной прохладной водой, а мужа и себя в уток. Прискакал водяной к реке, прильнул к воде, стал пить. Вода показалась ему вкусной, и он пил и пил до тех пор, пока не лопнул живот. Как только водяной умер, беглецы снова обратились в самих себя и поскакали дальше. Когда они подъехали к владению отца царевича, Гайнижамал сказала:

— Поезжай вперед и обрадуй отца и мать. Я буду ждать тебя здесь. При встрече можешь целоваться со всеми, но не целуйся с сестрой, а то забудешь меня.

Приезжает царевич во дворец отца. На радостях целуется со всеми и забыл о том, что Гайнижамал наказывала не целоваться с сестрой. Поцеловался он с сестрой и забыл про Гайнижамал. Ждет его Гайнижамал день, ждет другой, ждет третий. Не едет царевич за ней. И она превратилась в бедную странницу и пошла в город. Поселилась она в доме одной старушки. А в городе уже идет слух о том, что царевич женится на дочери одного здешнего сул-

тана. Объявлено, что каждый, кто желает побывать на свадебном пиру, должен принести с собой одну тушпару¹.

Старуха, в доме которой поселилась Гайнижамал, тоже захотела погулять на свадьбе. Она замесила тесто, чтобы приготовить тушпару.

Гайнижамал просит ее:

— Дайте я приготовлю тушпару и понесу к царевичу, может быть, он окажет мне милость.

Гайнижамал вмесила в тушпару двух голубей. Когда пирог был готов, она вместе со своей хозяйкой пошла во дворец, где шел пир. Слуги взяли у нее тушпару и поставили перед царевичем. Тот взял ножик и разрезал тушпару, чтобы попробовать. Из тушпары вылетела голубка с сыром в клюве. За ней вылетел голубь и закричал:

— Дай мне половину сыра!

А голубка отвечала ему:

— Не дам, а то ты забудешь меня, как забыл царевич о Гайнижамал.

Царевич сразу вспомнил красавицу Гайнижамал, бросился обнимать ее. Начался свадебный пир по случаю женитьбы царевича на Гайнижамал. Жили они долго и счастливо.

КАРАТАЙ



или три брата. Старшего звали Сарытай, среднего — Торытай, а самого младшего — Каратай. Братья занимались охотой. Каждый день двое из братьев отправлялись на охоту, а один оставался дома и варил обед.

Однажды уехали на охоту средний и младший братья, а старший — Сарытай остался дома. Вот сварил Сарытай мясо и поджидает братьев. Вдруг снаружи раздался громовой голос. Сарытай выбежал из юрты и видит: сидит верхом на коне старик ростом в один аршин, борода у него в сорок аршин, сам

¹ Тушпара — большой пирог.

страшный и грозный на вид. Сарытай подумал, что это сам дьявол. Старик угрожающе крикнул:

— Сними меня с лошади!

Испугался Сарытай, снял старика с лошади, завел его в юрту и стал угощать незваного гостя. Поставил он перед ним блюдо с мясом, гость вмиг съел все и еще потребовал. Сарытай еще достал из котла мяса. Старик наелся досыта и отправился восвояси. Возвращаются братья с охоты, голодные, усталые. А есть нечего. Сарытай рассказал обо всем.

На следующий день дома остался средний брат — Торытай. Только он кончил варить обед, как за дверями кто-то страшным голосом заорал. Это приехал вчерашний старик. Торытай снял его с коня, завел в юрту. Старик и у него потребовал мяса. Съел он все мясо, даже котел вылизал, наелся и уехал.

Настала очередь младшего из братьев — Каратая остаться готовить обед.

Уехали братья. Каратай, напевая песню, варил мясо у очага. Вдруг за юртой раздался громовой голос. Каратай смело вышел наружу и увидел верхом на коне старика ростом в один аршин и с бородой в сорок аршин. Старик по своему обыкновению угрожающе крикнул Каратаю:

— Сними меня с лошади!

Каратай несколько не испугался его грозного крика и спокойно ответил:

— Наши гости сами сходят с коней. Здесь нет прислуг, чтоб их снимать и сажать на коней.

Нечего делать, старик сам сходит с коня и заходит в юрту. Там он властно приказывает:

— Давай мяса.

Каратай достает из котла кусок мяса и преподносит старику. Тот проглотил его вмиг и опять требует. Каратай отвечает ему:

— Наши гости обычно не едят мяса больше того, что им дают. Так что стыдно требовать еще мяса.

Старик, не обращая внимания на слова Каратая, встает, идет к котлу и начинает хозяйничать. Самовольничество старика возмутило Каратая, и он схватил его за длинную бороду. Старик оказался не по росту сильным. Завязалась драка. Весь день бились они в смертельной схватке. Наконец Каратай вышел победителем и привязал старика его же бородой к высокому тополю.

Ночью, когда братья спали, старик перерезал бороду и убежал. Проснулись братья — старика нет, осталась одна борода.

Отправились братья в погоню за стариком. Шли, шли они по следам старика, вдруг следы повели в пещеру, под землю. Каратай обвязался вокруг пояса арканом, и братья спустили его в подземелье. В подземелье Каратай увидел белую юрту, в ней сидели три красавицы. Заметили девушки Каратая, встали и вежливо поклонились ему. Каратай спросил у них:

— Сестреночки мои, не видели ли вы старика ростом в аршин и с бородой в сорок аршин?

— Видели,— отвечают девушки.— Но ты берегись этого злодея. Он убьет тебя. Жалко нам тебя, невинного человека. А старик живет в юрте по соседству.

— Нет, я должен пойти к этому злодею. Но прежде скажите, кому вы помогли бы, если он вступит со мною в схватку? — спрашивает Каратай.

— Мы бы помогли тебе,— отвечают девушки.

Каратай решил помериться силой и пошел прямо к юрте старика. Как только он открыл дверь, старик сразу же набросился на него. Стали они драться. Вот уже и день на исходе. Устал Каратай.

— Старик, отпусти меня попить воды,— просит он.

Старика тоже мучила жажда, и он отпустил его. Пришел Каратай к девушкам и попросил пить. Девушки дали ему воды, да не простой, а такой, от которой у человека силы прибавляются.

Старик тоже пришел к девушкам, тоже попросил воды. Девушки дали ему воду, которая истощает силы человека.

Снова схватились Каратай и старик, и на этот раз Каратай легко сбил старика с ног. Убив злодея, Каратай пришел к девушкам.

— Милые мои сестреночки, большое вам спасибо за помощь. Но скажите, какими судьбами вы попали сюда?

На глазах девушек навернулись слезы. Старшая из них стала рассказывать.

— Слушай внимательно нашу историю, незнакомец. Мы сестры, дочери одного бая по имени Сарманкул. У нашего отца величественный дворец, утопающий в зелени садов. Мы росли в этом дворце. Каждый день гуляли в саду. А там пели разные птицы, росли благоухающие цветы, журчали звоном серебра ручейки. Круглый год нали-

вались разные плоды. Однажды мы были в саду дольше обычного, не заметили, как наступил вечер. Вдруг весь сад заволокли тучи. Поднялась буря, ударил гром, засверкали молнии, разразилась гроза. Гнулась и стонала земля. И вдруг кто-то незаметно подкрался к нам и потянул вниз. Вмиг мы очутились в этой белой юрте. Оказывается, нас украл властелин этих мест, только что убитый тобой старик. Ты наш спаситель, и за это мы желаем тебе счастья, вечной радости и веселья. Спасибо тебе, отважный юноша.

Каратай отвязал от себя аркан, обвязал им старшую из сестер и подал братьям знак, чтобы они тянули аркан. Старшие братья вытянули аркан и видят: на конце аркана не младший брат, а девушка. Братья были поражены. Но умная девушка рассказала им все и заставила еще опустить конец аркана вниз. Братья вытянули еще двух девушек. Красота девушек была неопишима. Зависть охватила братьев, и они оставили Каратая в подземелье, взяли с собой девушек и уехали.

Младшая из сестер была самой красивой и самой умной. Увидела она бессердечность, жестокость братьев и обратилась к ним:

— О жигиты, зачем вы оставили в беде, в смертельной опасности своего брата? В чем он виноват перед вами? Каратай спас от беды и вас и нас. Бессердечно наказывать невинного человека.

Но слова девушки не дошли до злодеев-братьев. Тогда она заявила:

— В таком случае, я с вами не пойду!

Братья связали ей руки и ноги и насильно повезли с собой.

Теперь речь о Каратае.

Отправил Каратай наверх последнюю девушку и стал ждать конца аркана, чтобы подняться самому. Но аркана не было. Каратай подумал, что братья забыли про него, и стал звать их. Никто не отзывался. Понял тогда Каратай, что бросили его братья, и заплакал от обиды. Но слезами горю не поможешь, надо что-нибудь придумать, не сидеть же здесь и ждать смерти. Огляделся Каратай вокруг и увидел недалеко от себя какую-то дыру. Пошел он к этой дыре. Видит, сидит белобородый старик, перед ним горит огонь. Старик, нагнувшись над какой-то толстой книгой, сосредоточенно читает. Он так был занят своим делом, что не заметил, как подошел к нему Каратай.

— Салемалейкум! — громко приветствовал Каратай старика.

Увидел старик Каратая, и у него от радости заблестели глаза, на старческом лице появилась улыбка.

— Добро пожаловать, милый Каратай!

Каратай удивился: откуда этот незнакомый старец знает его имя?

— Ты мой долгожданный гость,— продолжал старик.— Подойди поближе, садись, дитя человеческое, и слушай мой рассказ. Я в этой подземной глуши живу уже сорок лет. Всю свою жизнь я читаю эту книгу. Нас с тобой свела сама судьба. Я буду тебе отцом, ты мне сыном. На лбу твоём сияет звезда счастья, ты будешь счастлив. Старшие братья обидели тебя, ты на время лишился верной и любящей девушки. Но она тебя не забыла. Днем и ночью она думает только о тебе. Братья твои мучают ее. Но ты с нею обвенчаешься и будешь жить счастливо и в достатке. Твоему счастью будут завидовать враги, а друзья будут радоваться. Пусть тебя не огорчают эти временные неудачи. Теперь приляг, отдохни, наверное, устал с дороги.

Каратай обнял ноги старца и заснул. Старик этот был волшебник. Жалко ему стало отважного юношу, и он решил помочь ему. Как только Каратай уснул, старик прочитал волшебную молитву и превратился в лебедя. Спящего Каратая он положил себе на спину, и в одно мгновение они очутились на поверхности. Каратай спал еще три дня и три ночи. Старик не отходил от него ни на шаг. Как только Каратай проснулся, старик исчез.

Пошел Каратай домой. Сестры-красавицы с радостью встретили его, а братья стали умолять простить их за подлый поступок.

Каратай был добрый юноша. Простил он братьев, женился на младшей из сестер, старших отдал в жены своим братьям. Взял он молодую жену и навсегда уехал от своих братьев, которые причинили ему столько зла.

ЛЕГЕНДА О МЕРТВОМ И ЖИВОМ И ОБ ИХ ДРУЖБЕ



старину было у одного бая три сына. Потерялся раз у этого бая один косяк кысраков¹. Вот и говорит отцу старший сын:

— Отец! Дай я поищу кысраков!

— Ступай, сын мой, ищи! —

Сын садится на лошадь, берет провизию и оружие.

Видите, отец был чародей и хотел испытать детей: он отправляется через шесть степей и, обратившись в шесть волков, ждет сына. Увидевши шесть волков, сын испугался, убежал домой и лег.

Средний сын просится тоже у отца искать лошадей, и он также прибежал домой, испугавшись волков.

Остается самый младший, он говорит:

— Я буду искать.

— Ладно! — отвечает отец.

Обратился он в шесть тигров и лег на пороге. Увидевши отца, обратившегося в шесть тигров, сын ударил несколько раз по лошади и бросился на тигров. Только что он хотел всадить в тигров копьё, как услышал отцовский голос.

— А-а! — говорит отец, — это ведь я. Знаю я, что ты всадишь копьё.

— Да и я знал, что это ты.

— Ну, подними руки, я благословлю.

Тут он дает благословение и говорит:

— Да будет благополучный путь перед тобой, да обрящешь искомое. — И еще говорит: — Не забудь, сын, когда придется тебе быть в местах необитаемых, не оставляй могил, если будут встречаться ночью — ночуй при них.

По прошествии многих дней однажды на закате солнца младший сын увидел группу могил, вокруг — никакого жилья. Видит, на западной стороне их стоит свежая черная могила. Приходит, говорит:

— Салем!

Когда сказал «салем», он услышал в ответ:

— Кого спрашиваешь?

¹ Кысраки — лошади.

И выходит молодой человек с прекрасно выведенными бровями.

— Кого спрашиваю? Я божий странник, думаю попроситься на ночлег.

— Сходи с лошади,— говорит, а сам поддерживает за узду, ссаживает, оказывает почесть. Взял за руку и говорит мертвый живому:

— Закрой глаза и, когда я скажу, тогда открой,— и ведет. Когда сказал: «Открой»,— младший сын видит: прекрасная юрта, войдешь — не выйдешь, пахнет так хорошо, свежей травой. Как только сели, подозвал хозяин черного слугу. «Ступай,— говорит,— веди для гостя барана». Черный слуга вышел и привел, держа за шею, серого барашка. Зарезав, как следует сварили, съели и легли спать. Настало утро; умыв лицо и руки, мертвый дал гостю остатки вчерашнего ужина. Сидя таким образом, сказал мертвый: «Давай будем друзьями». — «Будем так будем!» Тут же обнялись они крепко и сделались друзьями. «Теперь поеду,— говорит живой,— искать кысраков». «Хорошо, друг, но наперед расскажем свои тайны. Я был единственный сын одного бая. Отец мой был богат. Раз наш народ повел войска на войну, я тоже окончился. Тогда один всадник в загнутой черной шапке, на черной с лысиной лошади, с длинной красной пикой в руках, с острой черной бородкой вышел, вызывая на единоборство. Я тоже вышел. Он от людей и жилищ, а я от набежников. Он поправил копье — и я тоже, у меня копье было короче, у него длиннее. Его удар достиг раньше, и я был убит. За то, что я умер от врага на войне, бог сделал меня таким саидом¹. В этом походе подо мною была худая лошадь. Отец был богат, у него были две лошади... полетит птица — не нагонит, погонится неприятель — не настигнет; я на одну было сел, да отец не позволил. Если, друг мой, хочешь быть ты мне другом, то сегодня доедем до нашего аула, у нас будем ночевать, твои кысраки в нашем стаде ходят, размножившись до девяноста лошадей. Если меня считаешь другом, то распори двух лошадей айчубарых², они ходят вместе». «Ладно,— говорит живой,— распорол бы, друг, да жаль — нет у меня ножа». У мертвого жигита был маленький хорошенький ножик. «Возьми его,— говорит,— и распори. Я

¹ Саид — шаид (шахид) — мученик за правое дело.

² Айчубарый (айчубар) — молодой чубарый (пестрый) конь.





тебя прошу, когда будешь у наших, то не показывай ножика — моя сестра узнает, и тебе будет жутко». Живой молодец приехал и стал на ночлег у отца мертвого своего друга. Настало утро. Пришли с урусей¹ табуны. Сел он на лошадь и выехал навстречу табуну. Пастухи были все молодые, он не принял их за людей, а два айчубара играют в табуне, он схватил их и разрезал им желудки. «Бай! Бай! Один человек распорол двух айчубаров», — крича, прибежали мальчики до аула. Кто же станет смотреть², когда распорол айчубаров; со всех сторон погнались севшие на лошадей. Схватили живого друга и привели к баю. И этот бьет и другой бьет; бьют сначала связанного и одетого, а потом стали раздевать, сняли все, остались сапоги. Когда сняли сапоги, ножик и выпал. Сестра мертвого друга стояла тут. Как увидела ножик, тотчас узнала. «Ойбай! — крикнула она, — это ножик брата», — и схватила его в руки. Прежде били — не били, а настоящее битие началось теперь. «Это он убийца!» — кричат кругом и хотят его убить. Но друг прежде сказал ему: «Если очень станут мучить, то скажи все, как было». Видя, что не избежать смерти, он сказал: «Журт!³ Правду скажу — умру, не скажу — умру! Я прошу всего три слова — сказать или нет?» «Скажи, — говорят, — если имеешь что». От начала рассказал все, что с ним приключилось. Все рассказал. Теперь никто не поверил. «Ложь, — говорят, — убьем! Говори правду, ты убийца». — «Народ, вы мне не верите; если я вам покажу моего друга, то поверите?» — «Жарайды⁴! Прекрасно, покажи только, поверим». Бай начал собирать народ свой, чтобы идти на могилу сына. Сели на лошадей, а нашему жигиту дали тощую клячу. Да ведут его в середине толпы: все еще не доверяют. Доходят до кладбища. «Народ, — говорит жигит, — когда увидите, стойте вы здесь, да не плачьте, я вызову моего друга». Народ остановился, но отец мертвого не выдержал, пошел вслед за жигитом. Мертвый друг все это знает уже давно — аруахам все известно. Хотя отец его и оскорблял, но он думает дать ему салеи и выходит. С отцом поздоровался... приходит потом мать, с ней тоже поздоровался. Затем сестра единственная и с нею невеста, которую он оставил у роди-

¹ Урусей — пастбища, отгоны.

² Т. е. кто же останется равнодушным.

³ Журт — народ.

⁴ Жарайды — ладно.

телей на правой стороне (т. е. в девицах). Невеста было пошла вперед, он оттолкнул ее мизинцем правой руки. Побыл с сестрой. Бедняжка, увидя единственного брата, давно умершего, не выдержала, и одна слеза покатила и упала на правое плечо мертвеца. Слеза капнула, и брат исчез неизвестно куда. Народ после поверил жигиту: «Хорошо! Молодец!» И стал не как прежде: стал почитать жигита. «Ты,— сказал бай,— друг моего единственного светильника, ты мне теперь то же, что он; возьми половину моего скота и моих душ». «Ничего мне не нужно, отдай моих кысраков». Старик два раза повторил свое предложение; жигит два раза отказал и, поклонившись, расстался с баем и погнал девяносто своих кобыл. Поехал опять на кладбище, расположил в стороне свой косяк, а сам подъехал к могиле и говорит: «Достым!» Друг не выходит. До трех раз кричал: «Друг!» В четвертый раз друг вышел, бледный, изнеможенный. «Я,— сказал мертвый,— давно слышал твой голос, да нельзя было мне скоро выйти. Слеза моей сестры, упавшая на мое плечо, сделалась рекой и потопила меня. Когда ты звал меня в первый раз, я был на той стороне реки, в другой — я был в середине, в третий — я вышел из воды и переводил дух. Ох! Измучился я совсем в эти дни». Тут он повел друга в свое жилище, и они прожили вместе несколько дней, лошади паслись, и ничто плохое не могло им сделаться. Стал живой друг собираться домой. «Ну, друг,— сказал тогда мертвец,— ты, друг, уедешь с лошадьми и подводами цел и невредим домой. Своих ты застанешь в приготовлениях на войну. Твои родные будут говорить: не ходи в поход, ты и так приехал измученный, истощенный! Но ты не слушай их и поезжай в поход на другой же день». Приехал жигит домой, все обрадовались. Отец, мать, родные стали уговаривать, чтобы он не ездил, но он, помня слова друга, переночевал день дома, да и в путь. Друг ему еще говорил на прощанье: «Когда достигнете вражьих аулов, все ударят в коней, ты скачи один по западной стороне; на тебя бросится из аульных людей один — в черной с загнутыми полями шапке на черной с лысиной лошади, с длинным красным копьем и с черной острой бородкой. Ты ссадишь его при помощи бога. Это тот самый, что убил меня. Ты зарежь его, говоря: «Дойди до моего друга». Заколи лошадь, говоря: «Дойди до друга». Как было сказано, как только что они бросились на аул, он поскакал один по западной стороне и,

как сказал друг, появился перед ним чернобородый. Он ссадил его и зарезал, говоря: «Дойди до друга». Заколот и черную лошадь с лысиной, говоря: «Дойди до друга». Друг-мертвец говорил ему еще: «Когда все бросятся на добычу, ты скачи на запад, там на краю аула увидишь только что поставленный белый отау¹; привяжи на правой стороне дверей лошадь свою. В отау увидишь молодую, только что взятую женщину и двух девиц, ястреба и черную борзую собаку в ошейнике. Всех их зарежь, говоря: «Дойди до друга». Жигит, зарезав чернобородого человека и его лошадь, поскакал на запад. Видит белый отау, перекинул повод в правый косяк дверей, вбежал в юрту и видит молодую женщину и двух девиц: у каждой глаза как солнце, рот будто месяц. Зарезал молодую, говоря: «Дойди до друга», — зарезал старшую девицу с теми же словами; другую же девицу стало ему жаль, он поцеловал ее, но, подумав, тоже зарезал. С ястребом и собакой не стал думать. Друг говорил ему еще: «Все будут брать казну несчетную; ты ничего не бери. Перед отау будет тополь, около него зеленый прут; сруби их; тут же увидишь верблюжий помет, собери его вместе, и все это навьючь на черного нара, который ходит у дверей отау, и вези домой». Отряд возвращался, стали доходить до своих кочевков, вдруг сделалась буря; два дня, две ночи она продолжалась; весь скот, награбленный разбежался и частью погиб, даже свои лошади погибли у войска. Жигит счугурил² верблюда и лежал себе около него спокойно.

Друг говорил ему еще: «Когда останется полдня езды до аула, тогда возьми зеленый прут и ударь им мешок с пометом, говоря: «Бисмилла алдракбан рахым!»³. Пойдут из него верблюды с криком, лошади с ржаньем, коровы с мычаньем и овцы с бляением. Потом ударь зеленым прутком тополь-дерево, говоря: «бисмилляхи», и дерево обратится в золото и серебро — одно колено золота, другое — серебра, одно колено золота, другое — серебра». Хозяин был чародей и, таким образом, спасал золото от воров, скот — от падежа и волков. Приехали домой: все товарищи идут пешком, пальцы в ноздрах, а он не может управиться

¹ Отау — юрта молодых супругов.

² От казахского слова «шогермек» — уложить верблюда.

³ Казахское произношение молитвы из корана — бисмилла иррахан иррахим — «Во имя милостливого бога».

со всеми стадами. Золота и серебра у него — видимо-невидимо.

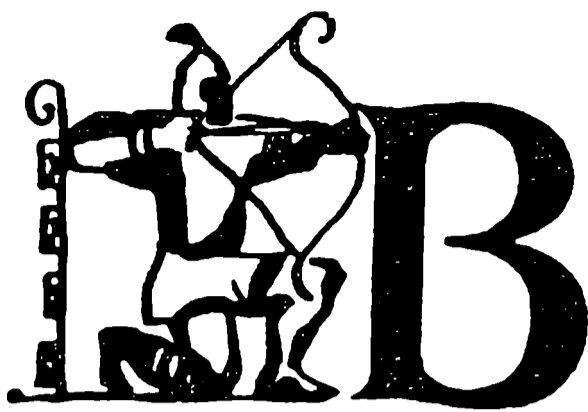
Проживши дома дня два-три, поехал к другу на кладбище: «Салем алейкум, достым!» «Салем», — говорит мертвый друг, выходит и вводит в могилу. Живой друг был изумлен: жигит в черной шапке, молодая келиншек¹, две девицы, ястреб, собака — все сидят тут. Друг его посмотрел на младшую из девиц и засмеялся, посмотрел и он на нее и видит: в том самом месте, куда он поцеловал, черное пятно на щеке. «Бедный ты человек, — сказал мертвый друг, — я доволен тобой. Младшая тебе понравилась, ее ты возьми себе, с меня будет келиншек со старшей девицей». Погостил он тут, а жигит в черной шапке прислуживает им. Пора, — говорит он, — возвратиться домой». «Хорошо, — говорит ему мертвый друг, — когда ты приедешь домой, в аулах ваших будут разъезжать торговцы с товарами на двух телегах; у них есть две лошади: одна гнедая, другая рыжая; лошади тощие, но ты их купи, сколько бы ни стали просить владельцы. Сначала купи гнедую, потом рыжую, три года не клади на них курука, ни узды, ни седла с потником, не клади на них раздвоенных лядвей. Через три года зарежь гнедую, разбей все косточки, даже копыта, и смотри на костный мозг: если он не будет весь белый и хоть капля черноты, то отпусти рыжую лошадь еще на год в табун. По прошествии четырех лет на пятый привяжи ее к веревке у юрты, давай один только раз сорвать траву и один глоток воды, но все не сзди; лошадь будет как нагайка. Через несколько времени ты почувствуешь боль в голове; пройдет — хорошо; если же станет все увеличиваться, садись на рыжую лошадь и скачи ко мне. Не забывай». Друзья простились. Жигит приехал в свой аул, видит: татары торгуют, у них две лошади, как говорил друг его, — гнедая и рыжая. Он стал просить продать ему гнедую, дает за нее две лошади, караванчи просит три. Дал. Стал торговать рыжую. Караванчи сам был испытатель, потребовал пять лошадей. Кунил. На три года пустил в табун, как говорил друг; на четвертый убил гнедого и в копытах нашел черноту в ноготь большого пальца. Еще год держал рыжую лошадь в табуне. На пятый год стал держать ее у юрты на веревке. Однажды

¹ Келиншек — молодая невестка.

заболела голова и не поправляется. Жигит тайну свою никому не говорил — ни отцу, ни матери, ни друзьям и сверстникам: знал ее бог, мертвый друг и он сам, только трое. «Оседлайте-ка рыжку, — сказал он, видя, что болезнь увеличивается, — я порассеюсь». Стал ездить по аулу. «Кош, кош, аман бол»,¹ — сказал он народу и ударил лошадь. Скачет к другу. Друг все это знает, хотя не видит. «Плохо моему другу, — думает он, — рыжая лошадь, тулпар², когда разгорятся бока, пожалуй, унесет мимо и не остановишь». Приказал бабам крутить шелковый аркан в сорок маховых сажений, чтобы им захватить друга. а рыжий тулпар пронесся далее, так разгорячился. Поднял друга и внес в свою могилу. Азраил-Джебраил — душеберущий ангел между тем гнался и был готов бросить курук, но рыжего тулпара не мог все-таки догнать. Вслед за другими пришел в могилу и Азраил-Джебраил, говоря: «Давай беглеца моего! Здесь он, беглец мой». «Не дам, — сказал мертвый друг, — я божий сайд, и бог обязался до трех раз исполнять мою просьбу. Ступай отсюда». Азраил-Джебраил пришел к богу и сказал: «Твой приказанный от нас убежал, и один человек не дал: «Не дам, — сказал, — я сайд божий, и бог обязался до трех раз исполнять мою просьбу». — Что нам теперь делать?» Всевышний сказал: «Правда, правда! Он мой сайд! Взял, так взял, пусть будет по его просьбе». Таким образом, они стали с другом жить вместе и достигли всех надежд своих.

¹ Кош, кош, аман бол — прощайте, будьте здоровы

² Тулпар — боевой конь, скакун.



далекие времена жил хан. У него была красавица дочь. В нее были влюблены все ханы, все батыры и все дивы. Влюблен в нее был и сам величайший Див. Он решил сосватать эту девицу и послал к хану сватов: «Пусть хан выдаст за меня дочь свою».

— Дочь я свою не выдавал за ханских сыновей, — сказал хан сватам Дива, — а за вашего Дива и подавно не выдам. Кроме того я дал полную волю дочери самой выбирать жениха: за кого она захочет, за того и выйдет.

Вернулись сваты от хана с таким ответом к Диву. Див разгневался, собрал большое войско и пошел войной на хана. Когда он подошел к городу, где жил отец красавицы, то увидел многочисленное войско. Хан предвидел гнев Дива и на всякий случай приготовился к встрече. Несколько дней шло кровопролитие. Победу одержал Див. И когда дочь хана узнала об этом, она послала своего человека к Диву сказать, что готова идти за него замуж, пусть он не истребляет население ее города. И поставила ему одно условие: праздновать ее свадьбу сорок дней и для народа устроить веселье тоже на сорок дней. Див согласился и приступил к свадебному торжеству. Долго веселился народ. И когда все торжества подходили к концу и Див собрался обвенчаться по обычаю с ханскою дочерью, приехал в город батыр по имени Кызыл со своими друзьями и приближенными. Он подъехал к ханскому дворцу и вызвал красавицу. Див узнал об этом, надел доспехи, сел на коня и — прямо ко дворцу, чтоб снести голову ханской дочери и батыру.

Когда он подъехал ко дворцу, то увидел дочь ханскую с батыром.

— О Кызыл-батыр! — сказал Див. — Оба мы любим эту девицу. Я не хочу застрелить тебя врасплох, а горю нетерпением помериться с тобою силой.

— Это дело ты говоришь, — сказал Кызыл-батыр.

— Так как я старше тебя, — сказал Див, — то и стрелять буду первый.

— Стреляй! — сказал Кызыл.

Когда Див выстрелил, то боевой конь батыра подско-чил к небу, и стрела пролетела под ним, не причинив вреда Кызылу.

Настала очередь Кызыла. Он выстрелил и убил Дива. И после победы над Дивом Кызыл был обвенчан с ханской дочерью.

Оказывается, дочь хана выговорила восемьдесят дней у Дива для того, чтобы дождаться своего возлюбленного Кызыла, который только и мог ее спасти. Благодаря своему уму она добилась себе счастья, и народ спасен от гибели Кызыл-батыром.

ИДИ ТУДА — ПРИНЕСИ СЮДА



ил хан. У него был умный визирь. Он много занимался делами хана, переутомился и умер. После его смерти хан выбрал двух визирей на его место, иначе и не справиться со всеми делами. У покойного визиря остался сын. Как-то раз хан

спросил его, не смог бы он заменить своего отца — быть визирем.

— Если хан найдет меня способным, то думаю, что справлюсь с такой задачей,— ответил умный юноша.

Хану понравился такой ответ, и он сделал юношу визирем. Молодой человек был страстным охотником и каждый день приносил хану по девяносто уток.

Однажды, охотясь, он увидел на озере утку, красивую в своем разноцветном оперении. Молодой охотник собрался убить утку, но она заговорила человеческим голосом:

— Визирь, не убивай меня! Я одна из трех дочерей могущественного царя. Играя с двумя своими сестрами, я заблудилась и теперь одинока. Если ты оставишь мне жизнь, то я сделаюсь твоей женой.

Сказав это, утка превратилась в красавицу. Оказалось, что она была из царства пери. Визирь женился на ней и долго не являлся к хану. Хан никак не мог объяснить отсутствие визиря и послал за ним слуг. Они нашли его дома. Как только слуги пришли, жена визиря обернулась золотым ящиком. Посланные донесли хану, что юноша нашел себе золотой ящик и не хочет уходить от него.

Хан приказал сейчас же позвать визиря к себе. Но жена визиря велела мужу сказать ханским слугам, что он болен и огорчен, что хан не осведомляется о здоровье своего верного слуги.

Наконец визирь явился к хану. Тот спросил его, почему он не был во дворце так долго. Визирь отвечал то же, что слуги хана.

— Неправда,— сказал хан.— Ты нашел золотой ящик, который тебе дороже, чем я.

И хан решил известить визиря.

— В одном городе есть замечательный орел,— сказал он визирю,— который имеет перья девяти цветов. Достань мне этого орла, если не достанешь, то я сниму с тебя голову.

Визирь возвратился домой и передал жене, что ему сказал хан. Жена что-то прошептала в свой платок и выпустила его из рук. Платок исчез и через час был на месте. Развернув платок, жена выпустила из него орла. В назначенный день орел был доставлен хану.

Хан дал новое задание визирю:

— В таком-то городе есть медведь. У него шерсть девяти цветов. Доставь его в неделю мне, не то сниму с тебя голову.

Пришел визирь домой, сообщил жене и это приказание хана. Жена опять достала чудесный платок, и через час медведь был у визиря. В назначенный день отвели медведя к хану. Хан молча принял его.

После ухода визиря хан позвал своих двух старых визирей и сказал им:

— Было два задания, послав на которые, я хотел погубить ослушавшегося меня визиря, но он вернулся невредимым. Теперь найдите вы какое-нибудь трудное дело, которое он не мог бы выполнить. Если он не исполнит моего приказания, я велю его казнить, если же вы не найдете неисполнимого, то велю вас казнить.

Оба визиря с мешками золота пошли по городу и спрашивали каждого прохожего, не знает ли он такого дела, которого бы нельзя исполнить. Никто не знал такого дела. Наконец один слепой сказал:

— Дело, которое нельзя исполнить,— это: «Иди туда — принеси сюда».

Визирь пришел к хану и сказал, что слышали они про такое невыполнимое дело. Хан позвал молодого визиря и сказал ему:

— Найди мне «Иди туда — принеси сюда». Не найдешь — снесу голову.

Визирь передал задание хана своей жене.

— Какой хитрец нашел ему это? — сказала она. — Этого ты не найдешь среди людей, а найдешь среди пери.

Затем она дала мужу свой чудесный платок и сказала, чтоб во время пути он не вытирал лицо и руки чужим платком, а вытирал бы только этим.

— В твое отсутствие, — сказала она, — я обращусь в печь в этом доме и буду ждать твоего возвращения. О смерти твоей меня известит этот платок.

Молодой визирь попрощался с женой и пошел в далекий путь. Вот приходит он в неизвестный ему город. А в нем ни одного человека. Визирь ходил по всем улицам, наконец увидел мальчика и пошел к нему. Как только он приблизился к мальчику, тот вскрикнул и упал.

Визирь спрятался. На крик мальчика слетелись пери и стали гадать: отчего мальчик упал в обморок? Явился их мулла и сказал, что его задел человек. Пери стали искать человека и нашли визиря. Они повели его к своему царю, который хорошо принял его и спросил, откуда он, куда и зачем идет.

— Я путешествую, — сказал визирь, — по приказанию своего хана хожу и ищу «Иди туда — принеси сюда».

Царь пери велел хорошенько угостить путника и отпустить. Когда визирь был в гостях у царя пери, он вынул платок, чтоб утереть свое лицо. Жена царя заметила это и спросила:

— Откуда, путник, ты достал этот платок?

— Платок мой собственный, — сказал путник.

— Скажи мне правду, а то я велю казнить тебя, — сказала ему жена царя пери.

— Платок этот моей жены, — сказал визирь.

— Но этот платок, — продолжала жена царя пери, — принадлежит моей сестре, которая, купаясь однажды в озере, исчезла.

Потом она стала подробно расспрашивать о том, с какой целью ее зять путешествует. Визирь рассказал ей о своей встрече с уткой, ее сестрой.

— Я ищу «Иди туда — принеси сюда», — закончил свой рассказ визирь.

— Если это здесь есть, — сказала сестра его жены, — то мы поможем тебе взять, если нет, то укажем, где искать.

Но в этом городе не оказалось «Иди туда — принеси сюда». Визирю указали, куда следует идти. Он отправился в путь и прибыл в другой такой же город, где жила вторая сестра его жены. Она обещала помочь зятю. Муж ее объявил, что он даст много золота и серебра тому, кто укажет или расскажет, где находится «Иди туда — принеси сюда».

Но никто на его просьбу не явился и ничего не указал. Только одна слепая лягушка, которая жила на дне глубокого колодца, сказала, что она готова указать просимое, если ей дадут золото. Царь велел насыпать в колодец золота. Тогда лягушка сказала:

— Теперь надо построить из драгоценных камней корабль.

Царь и это исполнил. Когда корабль был готов, лягушка и визирь отправились в плавание.

Плывут они и видят город.

— Этот город, — сказала лягушка, — принадлежит большому царству. Царь этого города никогда не видел чужеземца. Выйдет он на берег, а ты и явись к нему. Царь тебя примет хорошо как чужеземца и скажет слугам: «Иди туда — принеси сюда». Один жигит принесет тебе большую чашку с мясом и чашку чаю. Возьми только одну чашку, другую предложи жигиту. Если он примет ее, то ты спасен, если нет, то тебе будет конец.

Сказав это, лягушка исчезла.

Визирь вышел на берег. Его встретил сам царь и приказал отвести во дворец. Царь сказал одному из своих жигитов:

— Иди туда — принеси сюда!

Жигит принес две чашки — одну с чаем, другую с мясом. Путник выпил чай, а чашку с мясом передал «Иди туда — принеси сюда» — жигиту, принесшему угощение. Это было его имя. Жигит принял угощение, возвратился к царю и сказал:

— Столько лет я служу тебе, царь! Но ты меня ни разу не сажал за свой стол, а путник из предложенного ему угощения одну чашку сам выпил, а другую предложил мне. И обратился он ко мне, как к равному. Я иду с ним.

И он уехал с визирем. Так была выполнена и третья задача хана: Иди туда — принеси сюда был найден.

Трогательна была встреча визиря с женой, они оба плакали от радости. Доволен был и народ возвращением молодого визиря. Убили старого хана за несправедливое отношение к визирю, а молодого визиря избрали вместо него.

СПОР БРАТЬЕВ И РЕШЕНИЕ ШУЮТЕ



ил богатый казах, и было у него три сына. Когда отец состарился и пришло время ему умирать, он призвал сыновей и сказал им:

— Дети мои! Вот я умираю и все мое богатство завещаю вам поровну. Каждый из вас на доставшуюся ему часть наследства может купить то, что он найдет для себя самым лучшим.

Старик умер. Сыновья его, поделив между собой наследство, разбрелись в разные стороны для того, чтобы каждому для себя купить то, что он найдет лучшим.

Старший купил себе волшебное зеркало,— такое чудесное, что в нем можно было видеть все, что делается на белом свете.

Средний брат приобрел у какого-то волшебника склянку с жидкостью, которая могла не только излечивать больных от всяких болезней, но и оживлять умерших.

А младший брат — он был хороший наездник — купил себе верблюда Желмая, который мог мчаться по земле с быстротою стрелы.

После этого братья опять сошлись все вместе, как это было условлено между ними раньше, и стали друг другу рассказывать о своих покупках.

Когда они все трое разглядывали волшебное зеркальце старшего брата, то увидели в нем, что во дворце у хана, живущего за тридевять земель, умирает его любимая дочь-красавица.

Тотчас же сели они все трое на верблюда Желмая и с быстротою стрелы домчалась до города, где жил хан.

Явились они во дворец, где лежала больная ханская дочь, и дали ей волшебного лекарства.

Красавица сразу ожила и побежала к своему отцу. Хан очень обрадовался, позвал он братьев и объявил:

— Кто из вас вылечил мою дочь, за того отдам ее замуж.

Братья стали между собою спорить, кому из них должна достаться в жены ханская дочь.

Старший брат говорит:

— Если бы не было моего зеркальца, мы бы не узнали, что красавица больна. Поэтому красавица должна быть моею женой.

Второй брат, средний, на это возразил:

— Правда, зеркальце показало нам, что красавица больна. Но ведь не оно исцелило ее, а мое волшебное питье. Поэтому красавица должна выйти за меня.

— Нет, красавица должна быть моею женой,— сказал им на это младший брат.— Ведь если бы не было моего Желмая, мы не приехали бы сюда вовремя!

Услыхал их спор хан и сказал:

— Вас может рассудить только мудрейший старец Шуюте, что проживает в здешнем городе.

И хан велел позвать во дворец мудрого старца. Мудрец явился по ханскому зову и, выслушав спор братьев, сказал:

— Старший из вас не прав. Хоть зеркало и показало вам, что красавица при смерти,— но не в нем сила. Ведь солнце и месяц видны всем на земле, но никто не может взять их руками.

— И ты не прав,— обратился мудрец к среднему брату: хоть твое лекарство действительно может исцелять больных и воскрешать мертвых, но ведь оно не действует на расстоянии, и, находясь в другом городе, вы не могли бы возвратиться к жизни красавицу. Ведь так? Вся сила — в верблюде Желмая,— закончил мудрец.— Не будь верблюда, вы не домчались бы так быстро в столицу. Поэтому хозяин Желмая по праву может стать мужем красавицы.

Так младший брат сделался ханским зятем. Старшие братья остались жить при нем, и зажили они все дружно. А верблюда Желмая младший брат всю свою жизнь берег и холил.

КЕБИС, ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО И ВЕТОЧКИ



Как-то раз шел жигит по степи, очень долго шел. Его мучил голод и томила жажда, но вокруг ничего не было. И вот он увидел глубокую яму, в которую шел спуск по лестнице. Жигит решил, что в яме живут люди, и спустился в нее. Пройдя не-

сколько шагов, он увидел огромную дверь, возле которой лежал камень. Жигит перешагнул его, дверь открылась. Он перешагнул порог, и дверь закрылась. Оказался он в узкой длинной комнате. Жигит пошел по ней. В конце комнаты была большая яма, наполненная человеческими костями, оторванными руками и ногами. И среди всего этого валялись вырванные глаза. Жигит пришел в ужас, страх одолевал его, но дальше идти некуда, да и назад не было уже хода: дверь за ним закрылась и не открывалась больше.

Вдруг жигит заметил вверху небольшое отверстие, через которое пробивались лучи света. Отверстие было очень высоко. Чтобы добраться до него, жигит стал складывать человеческие кости. Так три дня и три ночи складывал он эти кости. Наконец добрался до отверстия. Хотел пролезть в него, вдруг появился какой-то человек в золотых кебисах и загородил ему путь. Жигит ухватился за ноги человека, и тот вдруг стал подниматься вверх, все выше и выше увлекая за собой и жигита. Они поднялись высоко-высоко, потом человек в золотых кебисах стал опускаться. Жигит оторвался и упал на землю. Человек, который его таскал, превратился в тучу, стал подниматься выше и выше и наконец исчез. Остался от него один кебис. Жигит спрятал кебис под рубаху и пошел. Пришел он в неведомый город. Видит, жители этого города собираются отко-

чевывать.

— Почему вы уходите из города? Зачем бросаете его? — спросил у них жигит.

И ответили на это ему жители:

— Посредине города находится маленькая лужа. В неделю один раз она разливается и заполняет город водой. Если мы бросим в воду красавицу дезушку и барана, то вода входит в берега, перестает разливаться. А если мы

ничего не даем луже, то вода уносит и разрушает все. Сегодня день разлива. Вот мы и уходим из города.

— Я пойду и сделаю так, что вода не будет разливаться,— сказал жигит,— обещаю только мне то, что я захочу.

Жители согласились.

— Сделай только так,— сказали они,— чтобы лужа не разливалась больше.

Жигит прождал три дня, на четвертый день лужа разлилась. Жигит взял с собой кинжал, сел в лодку и поплыл на середину разлившейся лужи. Плышет он в лодке и видит: из воды торчит указательный палец, а на нем золотое кольцо. Он ухватился за палец, и завязалась борьба. Три часа шла борьба. Вода остановилась на одном уровне. Наконец палец вырвался, и у жигита осталось золотое кольцо. Он спрятал его вместе с кебисом.

Вода быстро стала убывать, и в конце концов исчезла даже лужа. Тогда юноша и говорит жителям города:

— Вы обещали дать мне то, что я захочу.

— А что ты хочешь? — спросили жители города.

— Постройте мне хороший дом, найдите мне хорошую невесту. Я останусь здесь жить.

— Нет,— сказали люди,— мы не сможем тебе построить дом, мы не сможем тебе найти невесту. Дать можем только деньги.

— Если вы не дадите мне то, что я хочу,— сказал жигит,— то я уйду от вас. Денег мне ваших не надо.

И молодой путник пошел дальше.

Через девять дней он попал в другой город. Жители и этого города собрались перекочевывать.

— Зачем вы это делаете? — спросил жигит.

— Уж третий день, как умер сын хана,— ответили ему жители.— Каждый день в двенадцать часов ночи мертвец приходит в город, носится по улицам в виде верблюда и кричит — пугает женщин и детей. Вот мы и решили покинуть эти места.

— Я пойду на могилу ханского сына,— сказал жигит,— и сделаю так, чтобы он не мог выйти из нее. За это вы должны дать мне то, что я попрошу.

Жители согласились.

Солнце еще не закатилось, а жигит уже пришел на могилу и стал ждать. Вдруг раздался грохот, шум, в ушах загудело. Оглянулся жигит вокруг — ничего нет. Долго он

так сидел. От нечего делать взглянул на небо и увидел: прямо к нему летела черная туча. Жигит неподвижно сидел и наблюдал. А туча прилетела, превратилась в человека, и стал этот человек железной лопатой и мотыгой раскапывать могилу. Разрыл он могилу, побрызгал какой-то водой, и сын хана ожил. Человек-туча поставил лопату и мотыгу в углу могилы, а сам превратился в красивую девушку. И бросилась эта девушка к ханскому сыну, стала его целовать и ласкать.

Жигит воспользовался этим, взял лопату и мотыгу. Девушка исчезла. Лопата и мотыга обратились в две маленькие веточки. Сын хана остался живым.

Жигит спрятал веточки, не показав их сыну хана, и сошел к нему в могилу. В ней он пробыл до утра. Взошло солнце. Оба они пошли в город, прямо к отцу покойного. Жигит оставил ханского сына на дворе, а сам вошел в дом. Поклонился отцу покойного и попросил разрешения говорить. И когда получил его, то сказал так:

— Я привел вашего сына живым.

— Ты шайтан! — сказал хан. — Как ты мог привести умершего? Ты шайтан! Уходи от меня!..

— Если ты не веришь, — сказал жигит, — то пойдй во двор и посмотри. Он там стоит.

Вышел хан во двор и удивился: перед ним стоял его сын. Обнял он его, заплакал. Вошли они в дом. Хан позвал и жигита, угостил его, велел собрать весь народ, чтобы всех угостить в честь возвращения сына. Был устроен большой той. После пира жигит и говорит жителям:

— Теперь выполните мое желание.

— Чего же ты хочешь? — спросили они.

— Я хочу быть вашим ханом, — сказал жигит.

Хан у них был, и они не согласились на просьбу жигита.

Рассердился жигит и ушел от них.

Идет он по голой степи. Прошло четыре дня. Хочет жигит есть и пить. А день был жаркий. На небе появилась туча. Казалось даже, что пойдет дождь. Жигит обрадовался, что сможет напиться. Посмотрел на небо и что же видит: на небе огромная туча, а в ней дом из золота и серебра.

«Как бы подняться в этот дом?» — подумал жигит, но ничего не смог придумать. Тогда он вспомнил про свои волшебные веточки: «Вот если б эти веточки превратились в большое дерево, по нему бы я смог влезть туда». Только

он достал эти веточки, бросил на землю — сразу же перед ним появилось роскошное дерево, уходившее своей вершиной к воздушному дворцу. Вошел в него по дереву жигит, и дерево опять превратилось в веточки. Он спрятал их.

Идет жигит по комнатам дворца, рассматривает. Зашел в последнюю комнату. В ней стояли три кровати с пуховиками, покрытыми белыми покрывалами. Посредине комнаты стоял стол, покрытый белой скатертью с кисточками. На столе лежали книги, зеркало и коль-бака (озерная лягушка). На стенах висели картины. На одной из них был нарисован пророк Магомет с войском — он воевал с пери. Тут же висели картины, на которых были нарисованы разные пери.

Жигит сел за стол и подумал: «Кто может прийти сюда? Кто-то обязательно придет, но кто? Скроюсь я». И он залез под одну из трех кроватей. Лежит и ждет. Прележал так он несколько часов. Вдруг через окно влетели три лебедя. Прилетели они и сели на стол. Оглянулись кругом, сбросили с себя лебединый покров и — превратились в красивых девушек.

Причесались они перед зеркалом и стали рассматривать картину войны пророка с пери. Смеялись над ней... Одна из них стала готовить чай, остальные две уселись за стол и стали рассматривать книги. Скоро и чай появился на столе. Девушки пьют чай с конфетами и фруктами, беседуют между собой, делятся новостями.

— Хочу вам рассказать свое приключение, — сказала одна из них, — да не знаю, поверите ли вы мне.

— Говори, говори, — просят девушки, — мы тоже тебе расскажем — и у нас были приключения.

— Я выстроила под землей себе дом, — начала свой рассказ девушка. — В этом доме была только одна дверь. Эта дверь закрывалась, как только человек переступал ее порог. Сама же я спускалась сверху в небольшое отверстие и съедала пришедшего туда. Но однажды, когда я опускалась в свое подземелье, меня кто-то схватил за ноги. Как я ни старалась не давать свои ноги, он снял с меня один кебис. Не знаю этого человека, но кто бы он ни был, я пошла бы за него замуж.

Стала рассказывать другая девушка:

— И со мной было приключение. Я устроила в одном городе лужу, которая по моему приказанию разливалась и

покрывала весь город, если жители этого города не давали мне одну красавицу девушку и барана. Но кто-то снял с меня волшебное кольцо, и я лишилась власти. Не знаю этого человека, но кто бы ни был он, я бы пошла за него замуж.

Наконец третья девушка рассказала.

— Я любила ханского сына, но он меня отвергал. Я усыпила его, прежде чем он должен был умереть. Отец решил, что он умер, и похоронил жигита. Я прилетала к его могиле, раскапывала ее и наслаждалась его ласками. Но однажды кто-то отобрал у меня две волшебные веточки, которыми я разрывала могилу жигита. Я бы пошла замуж за этого смелого человека.

Жигит выскочил из-под кровати и сел к столу. Девушки испугались, бросились к лебединым покрывалам, но жигит остановил их.

— Не бойтесь! — сказал он им. — Узнаете ли вы эти вещи? И он положил на стол кебис, золотое кольцо и две веточки. Девушки, увидев свои вещи, оставили лебединые покрывала, подошли к столу.

— Я искал вас, — сказал им жигит, — и вот нашел. Берите свои вещи, но не изменяйте своим обещаниям.

И стали жить они все вместе. И до сих пор живут.

БАТЫР, ПОБЕЖДАЮЩИЙ ЗЛЫХ ДУХОВ



ил в старину один бай. Много добра у него было: и табуны лошадей и стада баранов, и никто в той стране не мог сравняться с ним в этом богатстве. И была у бая кобыла, которая наполовину была из золота, а наполовину из серебра. Каждый год кобыла

приносила по жеребенку — такому же, как она сама. Но каждый год, на заре, когда она жеребилась, спускалось с неба облако и уносило жеребенка. Так продолжалось много лет.

У бая было три сына. Сыновья выросли, и как-то раз отец позвал их к себе:

— Я стар и при жизни хочу определить, кому и что дать в наследство. Теперь из жеребят, похищенных облаком, составились бы целые табуны лошадей, но облако по-прежнему похищает их. Кто из вас узнает, куда прячет облако эти табуны, которые должны быть наполовину из золота, а наполовину из серебра, тому они и достанутся.

Сыновья согласились караулить то облако. И вот старший из них пошел в табуны в тот день, когда пришло время жеребиться кобыле. Поймал он ее и ждет, что будет. Вдруг является облако и похищает жеребенка. То же самое произошло и при среднем брате во второй год.

Наконец отправляется младший брат. Идет он в табуны, а сам думает, что это облако не простое, а какая-то нечистая сила. Поймал он кобылу, стреножил ее и ждет, что будет.

Поутру кобыла жеребится. Как только жеребенок начал расправлять ноги, с неба спустилось на землю облако. Как только оно схватило жеребенка, младший брат выстрелил в него. Облако взвизгнуло по-женски и уронило что-то на землю. Младший брат прибежал на то место, где был жеребенок, и видит: на земле лежит женский палец. Он взял его, завернул в тряпицу и ушел домой.

Пришел он к отцу и стал проситься у него пойти поискать то место, куда облако прячет жеребят.

Отец благословил его, и жигит отправился в путь-дорогу.

Долго он скитался по белому свету и наконец пришел в одно место, где было большое скопище народа. Жигит вошел в толпу, спросил, почему здесь такое сборище? И народ рассказал ему, что они собрались принести жертву аллаху, чтобы он избавил их хана от страшных мучений, которые он терпит в своей могиле. Каждый вечер на его могилу прилетает на белой лошади какой-то человек в белом одеянии и перепрыгивает через могилу. После этого хан встает из могилы и бьется в страшных муках. И так мучается до белой зари, пока человек в белом одеянии не исчезает. У хана осталась красавица дочь, она дала слово выйти замуж за того, кто избавит умершего отца от неизвестного посетителя его могилы.

Жигит просит указать ему, где похоронен хан, и отправляется на его могилу. В сумерках появился человек в белом одеянии, перескочил через могилу и крикнул: «Встань!» Хан очнулся. Жигит схватил незнакомца за

концы его одежды и вырвал у него из рук нагайку. Человек в белом что-то произнес женским голосом и исчез. Поутру жигит пошел к ханской дочери и сказал ей, что незнакомец больше не явится. И действительно, хан не вставал больше из могилы. Человек в белом одеянии и на белой лошади исчез.

Ханская дочь предложила жигиту свою руку, но он попросил ее подождать и отправился дальше в путь-дорогу.

Долго шел он по пустынным местам и наконец видит: опять народ собрался на берегу большой реки. По реке плывет корабль, а народ на берегу плачет. Жигит попросил объяснить: почему народ плачет, что у него за горе? И ему рассказали:

— Много погибло народу в этой реке. Только корабль доплывает до середины реки, как из воды показывается рука и топит корабль.

Жигит сел на этот корабль. Когда корабль дошел до середины реки и из воды показалась рука, чтобы схватить корабль и потопить его, жигит наклонился и схватил эту руку. Рука взвизгнула по-женски, вырвалась, а в руках у жигита остался перстень. С тех пор народ благополучно переправлялся через реку.

Пошел жигит дальше. Шел, шел — утомился, изнемог и решил отдохнуть. Вдруг видит, в стороне от дороги три белые кибитки стоят. Вошел жигит в одну из них — никого, вошел в другую — никого, входит в третью — слышит разговор девушек.

Говорит одна из них:

— Каждый год я похищала у одного бая жеребят наполовину из золота, наполовину из серебра, и сейчас у меня целые табуны лошадей, они пасутся за высокими горами. Но однажды, когда я явилась за жеребенком, какой-то жигит выстрелил в меня и отшиб у меня палец. За этого жигита я охотно бы вышла замуж.

Стала рассказывать вторая девушка:

— Жил по соседству с нами один хан, который постоянно сватался за меня и до своей кончины не переставал свататься. Я дала слово отомстить ему. Вот и летала каждую ночь на его могилу, воскрешала его и причиняла страшные муки. Но однажды какой-то жигит поймал меня за полы моей одежды, вырвал у меня волшебную нагайку. За этого жигита я непременно бы вышла замуж.

— Я б охотно вышла замуж за жигита, который у ме-

ня сорвал с пальца перстень,— сказала третья девушка.— Я топила много народу в реке, когда корабль выплывал на середину реки. Но какой-то жигит поймал меня за руку и сорвал с меня волшебный перстень. Встретить бы этого смелого жигита!

Как только проговорила это третья девушка, жигит вышел из укрытия и сказал им, что он тот самый жигит, которого они разыскивают.

Девушки стали просить жигита убить их братьев — дядю. Без их разрешения они не смогут выйти за него замуж, а братья не согласятся. Девушки обещали помочь ему в борьбе с дядю.

К вечеру пришли дядю. Их было трое. Жигит вступил с ними в поединок: убил одного, другого, но третьего победить было трудно. Стали драться жигит и дядю, не уступают друг другу. Наступил вечер — они борются. Устали оба. Вот уже полночь, а они дерутся. Вдруг прибегает одна из сестер дядю и бросает под ноги брата просо, а под ноги жигита золу. От проса дядю поскользнулся и упал. Жигит убил его. Потом он забрал с собой девушек, за горами нашел табуны, погнал их домой. Долго шли они и наконец дошли до ханской дочери. И ее взял с собой жигит.

Так жигит благополучно вернулся к отцу.

КРАСАВИЦА МИРЖАН И ВЛАДЫКА ПОДВОДНОГО ХАНСТВА



ила на свете бедная вдова. Была у нее единственная дочь, первая в тех краях красавица. Звали ее Миржан.

Раз в жаркий день пошли девушки к реке купаться, позвали с собой Миржан. Разделись, вошли в воду. Девуш-

ки говорят:

— Какая ты красивая, Миржан! Если бы хан увидел тебя, он сказал бы: «Свет мой, Миржан, я отдам тебе все свои сокровища, только будь моею!»

Застыдилась Миржан, потупила взор.

— Зачем вы так шутите, подружки? Хан и не глянул бы на меня. Ведь я беднее всех в ауле.

И едва она это сказала, как вдруг забушевала в реке вода и послышался из пучины чей-то могучий голос:

— Свет мой Миржан, я отдам тебе все свои сокровища, только будь моею!

Перепуганные девушки с визгом кинулись на берег, схватили свои одежды и понеслись толпой в аул. А про Миржан и забыли.

Стоит красавица на берегу и видит: на ее платье, свернувшись в семь колец, лежит огромный змей, высоко поднял голову, глаз с нее не сводит.

— Свет мой Миржан! — говорит змей. — Я владыка подводного ханства. Люблю тебя больше жизни. Будь моей женой! Подарю тебе свой хрустальный дворец. Решайся! Дашь слово выйти замуж за меня — верну тебе платье, нег — унесу его на дно. Что тогда делать будешь?

Растерялась Миржан, не помня себя от страха, дала слово. И вот уже змея нет как нет, лишь круги побежали по реке, волны о берег плещутся. Одедась девушка кое-как и пустилась бежать вслед за подружками. Вбежала в юрту, упала перед матерью и разрыдалась.

— Что с тобой, душа моя? — встревожилась вдова. — Кто тебя обидел?

Рассказала Миржан, что с ней приключилось, ломает руки.

— Как теперь быть? Дала я слово. Разве можно от слова отступить?

Гладит ее мать по голове, прижимает к груди, утешает:

— Успокойся, дитя мое. Страшный змей тебе, видно, почудился. Не бывает такого на свете. Сиди дома, не выходи никуда.

Прошла неделя. Повеселела Миржан. Мать ее на воровний шаг из юрты не пускает, и сама далеко не уходит.

Вот однажды выглянула старуха за дверь и схватилась за голову:

— Ойбай, конец нам приходит! Сколько видит око, ползут от реки черные змеи к нашей юрте!..

Побледнела Миржан:

— Это за мной!..

Заперли дверь, заложили ее всем скарбом, спрятались под кошму и не дышат от ужаса.

А змеи ползут и ползут, все ближе и ближе — шум стоит над степью. Подползли к юрте — нет входа. Зашипели гады, свернулись клубками, прыгнули на юрту, рассекли хвостами кошмы, изломали кереге, ворвавшись внутрь, подхватили бесчувственную Миржан и понесли к реке. С громкими воплями бежала вдова следом, протягивая руки к дочери, — не догнала. Погрузились змеи в воду, и с ними исчезла красавица Миржан.

Шатаясь от горя, возвратилась старуха к своему разоренному жилищу, повалилась на землю, запричитала:

— Погибла моя дочь Миржан! На век обездолил меня проклятый змей!..

Катилась луна за луной, шло время. Совсем одряхла одинокая вдова, согнулась ее спина, побелели волосы. А все чего-то ждет, все смотрит потухшими глазами в степную даль, куда унесли дочь черные змеи.

Вот как-то сидит она в печали у порога своей нищей юрты и вдруг видит: идет к ней молодая женщина, нарядная, как ханша, правой рукой ведет мальчика, а на левой держит девочку.

Затрепетала старуха.

— Ойпырмай! Миржан! Дочь моя! Ты ли это?

Обнялись, поцеловались, вошли в юрту. Смотрит старуха на дочь, на внучат и глазам своим не верит.

— Откуда же ты пришла, Миржан?

— Я пришла из подводного ханства. Мой муж — его владыка.

— Хорошо ли тебе живется под водой?

— Нет никого счастливее меня. Но я соскучилась по тебе, мать, и захотела показать тебе наших деток.

— Неужели же, дочка, ты уйдешь назад к проклятому змею? Неужто снова покинешь свою горемычную мать? — спросила вдова, а про себя подумала: «Никогда не бывать этому! Ни за что теперь не расстанусь со своей Миржан...»

— Милая мать, — отвечала Миржан, — прости меня, но я не могу долго у тебя гостить. К вечеру мы должны быть дома, в подводном дворце. Муж ждет нас. Я люблю его, мать. Он отец моих детей. И он лишь на земле принимает облик змея, в своих же владениях — это прекрасный богатырь, каких нет меж людей.

Задумалась мать, долго молчала, а потом и говорит:

— Что ж, видно, участь наша такая. Но как же ты снова найдешь дорогу в подводное ханство?

— А вот как. Я подойду к реке и крикну: «Ахмет, Ахмет, я твоя жена, приходи, мой свет, поднимись со дна!» — И муж тотчас явится передо мной и отведет нас во дворец.

«Хорошо, — подумала старуха, — знаю теперь, что мне делать». Тут она заплакала и стала умолять дочь:

— Не хочешь жить со мной всегда — переночуй в родном жилище хоть одну ночьку!..

Пожалела Миржан старую мать, согласилась остаться у нее до утра. Рада старуха, сразу помолодела.

А день уже на исходе. Ночь наступила. Заснули дети, заснула и красавица Миржан. Тогда старуха поднялась потихоньку с постели, отыскала в потемках топор и крадучись выбралась из юрты.

Подошла она к реке, встала над обрывом и крикнула громким голосом:

— Ахмет, Ахмет! Я твоя жена, приходи, мой свет, поднимись со дна!

В тот же миг змей появился из воды и, положив голову на берег, ласково сказал:

— Наконец-то ты пришла, моя Миржан! Заждался я тебя, истосковался по детям...

Не стала медлить старуха, взмахнула топором и отсекла голову... Покатилась голова по берегу. А река сделалась красная-красная от крови.

Наутро проснулась Миржан, собрала детей и стала прощаться с матерью:

— Прощай, мать, приду к тебе через год.

Приближается красавица к реке, — мальчика за руку ведет, девочку на руках несет. Стала над водой, зовет мужа:

— Ахмет, Ахмет! Я твоя жена, приходи, мой свет, поднимись со дна!

Нет никого. Подождала Миржан, кличет снова:

— Ахмет, Ахмет! Я твоя жена, приходи, мой свет, поднимись со дна!

Все не выходит из темных глубин владыка подводного ханства. Заныло сердце у Миржан, присмотрелась она к реке — а вода-то вся красная-красная от крови... и голова змея рядом в камыше лежит.

Все поняла Миржан, заплакала, стала детей целовать:

— Умер родитель ваш!.. Я виновата в его гибели... Нет у вас отца, не будет и матери!

Глянула она в последний раз на детей и говорит:

— Ты, дочка, ласточкой будь,— низко летай над водой! А ты, сын, будь соловьем,— на заре рано песни пой! Я же, мать ваша, кукушкой стану, с места на место кочевать стану, по мужу тосковать буду, печально куковать буду!..

Сказала— и обернулись все трое птицами, взмахнули крыльями, разлетелись в разные стороны.



ГАНИ И АЛИМ

былые времена в одном ауле жил с матерью жигит Гани. Каждый день он уходил в лес, стрелял птиц и зверей, шкуры продавал, а мясо, если оно было съедобно, шло в пищу. Тем и жили.

Однажды Гани принес с охоты зайца, разрубил его и говорит:

— Свари, мать, заднюю часть сегодня, а переднюю припрядь до завтра.

Только сказал — соскочила с пня передняя часть и наутек, а задняя за ней следом. И скрылись вдали.

Гани остолбенел:

— Что за диво, мать! Никогда бы не поверил, что может такое случиться. Не сон ли это?

Мать отвечает:

— Нет, мой сын, это не сон. Случаются в жизни чудеса еще и помудренее. Сходи-ка к старому Алиму, он тебе кое-что порасскажет...

Пошел Гани. Входит к Алиму, почтительно отдает салем. Алим приветливо встретил жигита и стал спрашивать, по какому делу он к нему явился.

— Говорят в народе,— отвечал Гани,— вы, дедушка, много удивительных историй знаете. Вот я и пришел послушать, набраться ума.

Понравился Алиму жигит, усадил его старик рядом с собой и начал рассказ.

— Давно это было. Был я тогда молод, строен и силен, как ты, Гани. Приглянулась мне одна красавица — женился я. Хорошо, весело мы жили с женой первое время. И не думалось мне, простаку, что подстерегает меня великое горе.

Стала жена чаще и чаще из дому уходить, по целым дням пропадать. Подозрительно мне это показалось. Говорю ей раз: «Ты где все бродишь? Что дома не бываешь? Смотри, привяжу тебя арканом!» Сверкнула глазами, переменилась в лице, вижу — крепко рассердилась. «Что так глядишь? — спрашиваю. — Разве я тебе не муж?» Молчит, а в глазах — лютая злоба. Стоим друг против друга. Вдруг выхватила она откуда-то тоненький прутик, хлестнула меня трижды и проговорила быстро: «До сих пор ты мне мужем был, теперь псом будь!»

Хотел я прикрикнуть на нее за такие речи, раскрыл рот — нет человеческого голоса, а вместо слов только — гав! гав! гав! Превратила меня жена в собаку. Колдунья она была.

Горькие дни наступили. Каких только мук не вытерпел я от бессердечной: в дом не пускала, кормить не кормила, сто раз на день палкой колотила да ногой пинала. — «Что, — спрашивает со смехом, — хочешь теперь знать, где я бываю, почему дома не сижу?» Невмочь мне стало. Чувствую — смерть приходит. Решился я и убежал от жены.

Шел, шел, пришел в лес. Там на поляне пастух стадо стережет. Приблизился я несмело к человеку. Он не прогнал меня, а накормил и приласкал. Остался я здесь, стал верно служить пастуху. Забредет корова в чащу — я тотчас заворочу ее, волк ли, чужой ли кто покажется — никого к стаду не подпускаю. Пастух так на меня полагался, что совсем за стадом глядеть перестал. Пригонит поутру коров в лес, а сам уйдет и только к вечеру явится снова.

Как-то раз бай увидел пастуха в ауле среди дня и говорит ему в сердцах: «Ты вот слоняешься здесь, как купец по базару, а коровы в лесу без надзора, кто захочет, тот и угонит стадо. Не годится так делать: взялся пасти, так паси!»

Пастух в ответ: «У меня в лесу есть такая собака, что ни вора, ни зверя к стаду не подпустит и коровам не дает разбрестись. Нет ей цены. Надежнее всякого пастуха».

Бай говорит: «Давай биться об заклад! Если я не уведу от собаки из стада корову, плачу тебе триста рублей, а если уведу,—ты что мне дашь?» «Если уведешь корову, бай,—отвечает пастух,—весь век бесплатно у тебя батрачить буду».

Согласились. Отправился бай в лес, начал подбираться к коровам. Да не тут-то было: налетел я на него, как шайтан, поднял лай, изорвал на непрошеном госте всю одежду.

Вернулся бай назад ни с чем, перепуганный, в лохмотьях. Пришлось ему отдать работнику обещанные триста рублей.

После этого случая пастух меня еще больше полюбил. Но все же гяжко мне было оставаться бессловесной тварью. «Неужто,—думаю,—жена не забыла свой гнев? — Небось она и сама уже жалеет о том, что натворила».

Ободряя себя надеждой, поспешил я на родину. Подхожу к дому, скребусь под дверь. Открылась дверь: на пороге жена, нарядная и красивая. Я с мольбой глядел ей в лицо и жалобно взвизгивал. А у нее в глазах по-прежнему была одна только ненависть. «Зачем явился? — спросила она грозно.— Не хочешь ли все-таки проведать, куда я ухожу и где пропадаю? Так вот же тебе!» И, выхватив волшебный прутик, она хлестнула меня, приговаривая: «До сих пор ты собакой был, теперь дятлом будь!» В то же мгновение я превратился в птицу и с печальным криком полетел в лес.

Вскоре зима наступила. Холодно, голодно стало в лесу. Перелетаю с ветки на ветку в тревоге: того и гляди, в когти хищной совы попадешь... Жизнь не мила, и погибать страшно.

Однажды в чашу пришли дети. Болтают между собой, смеются. Сжалось у меня сердце, заплакал бы, кажется, если б птицы плакать умели,—так потянуло меня к людям!

А ребяташки расставили силки для птиц и убежали. Не долго думая, я слетел с дерева и — будь что будет! — нарочно запутался в силке. Слышу: опять идут сюда дети. Увидев в силке добычу, они обрадовались, зашумели, раскричались и, счастливые, понесли меня в аул. Тут они дали мне творогу, чистой воды и все любовались моими пестрыми перышками, усевшись в кружок.

В это время в хижину вошел старый человек с бородой, белой, как туман. Он посмотрел на меня пристально и спросил детей: «Что это у вас?» Дети наперебой закричали: «Это дятел! Мы поймали его в лесу».

Старик покачал головой и сказал: «Нет, внучата, не дятла вы поймали...»

Понял я: мудрый это человек, много знает. Я замер и жду, что будет дальше.

Старик же достал из потайного места тонкий прутик и, дотронувшись до моей спины, произнес: — «До сих пор ты дятлом был — снова человеком будь!»

И я стал человеком, таким, каким был прежде. Чуть не лишился я рассудка от радости. Не помню, что говорил, не помню, какими словами благодарил своего избавителя.

Когда же я опомнился, добрый старик угостил меня, точно самого близкого родича, и приказал рассказать о себе всю правду. Долго я говорил, ничего не утаил, а старик внимательно выслушал меня и сказал: «Смело возвращайся, Алим, в свое жилище, отныне жена не властна над тобой. Возьми в подарок от меня волшебный прутик. Он поможет тебе отомстить колдунье».

Простился я с мудрым старцем почтительнее, чем с отцом, и направился в свой аул. Долог ли, короток ли был мой путь — не заметил я.

Стучусь в дверь дома. Выходит жена, все такая же нарядная и красивая. Увидела меня — и отшатнулась. Взмахнула волшебным прутиком, но я опередил ее и ударил своим, говоря:

— Ты женой мне была, теперь зайцем будь! Хотела меня запугать — живи сама в вечном страхе!

Не успел я произнести свои слова, как жены уже не было рядом: превратившись в зайца, она умчалась в степь.

С той поры и живу один. Много лет миновало. По правде сказать, я давно простил жену и рад был бы снять с нее заклятие, да не могу узнать, куда она запропала, нигде не встречаю заколдованного зайца.

Услышав про заколдованного зайца, Гани насторожился и в волнении начал рассказывать Алимину о том странном происшествии, которое его привело к старику. Алим ударил ладонями по коленям и вскочил с места:

— Что ты наделал, Гани! Ведь заяц, которого ты зарубил, — моя жена. Иду искать ее!

И только Алим с жигитом перешагнули порог, как ви-

дят: скачет на двух ногах передняя часть разрубленного зайца, а задняя ее догоняет. Вот догнала — и заяц сросся вдруг и кинулся, дрожа, к ногам Алима. Старик хлестнул зайца прутиком и проговорил:

— Была ты зайцем — женой мне будь! Про то, что минуло, навек забудь!

Смотрит Гани: стоит перед ними красавица, каких не много на свете отыщешь. Даже зажмурился юноша от такой красоты. А когда открыл глаза, то еще больше поразился: и Алим, что только что был седобородым стариком, стал тоже молодым, стройным и сильным!

Обнялись муж и жена. Много тут радости было. На другой день Алим богатый той справил на весь аул. И первыми его гостями на тое были Гани с матерью.

В скором времени и Гани женился. Хорошую жену взял. И все, о ком рассказано в этой сказке, жили долго, дружно и счастливо.

ТРИ БРАТА И ПРЕКРАСНАЯ АЙСЛУ



или в одном ауле три кровных брата. Были это такие силачи и удальцы, что все сверстники гордились ими, все девушки заглядывались на них, все старики их хвалили. Крепкая дружба связала братьев с младенческих лет: никогда они не разлучались, никогда

не ссорились, ни о чем не спорили.

В какой-то из дней выехали братья в степь на охоту с беркутом. Долго не попадались им на глаза ни зверь, ни птица. Уже готовы были они повернуть коней к аулу, как вдруг видят: бежит по степи, прижимаясь к земле, лисица, красная, как огонь, — много денег дадут за шкурку такого зверя! Кинул старший брат беркута вверх — расправил крылья беркут, взмыл в поднебесье и пал с высоты молнией на лисицу.

Погнали жигиты коней, вихрем примчались к месту, где опустился беркут, глядят и дивятся: лисицы нет, будто ее не бывало, а птица сидит на камне, и камень тот не прос-

той — рука и резец великого мастера изобразили на нем девушку, прекрасную обликом. А внизу надпись:

«Кто найдет этот камень и принесет ко мне, тот будет моим повелителем и супругом».

Молча и недвижимо стояли жигиты перед удивительным камнем, и у каждого в сердце все жарче разгоралась любовь к той, что, как живая, смотрела на них с портрета.

Старший брат сказал:

— Как нам быть и что предпринять? Ведь мы втроем нашли чудесный камень.

Средний брат сказал:

— Бросим жребий: пусть судьба укажет, кому идти за красавицей.

А младший молвил:

— Брагья, мы вместе нашли чудесный камень, так давайте же вместе разыскивать и прекрасную. И если мы будем так удачливы, что увидим ее наяву, пусть она сама выберет себе мужа.

На том и порешили. Подняли камень, а под ним в кожаном мешке лежит драгоценный клад — три тысячи старинных червонцев. Разделили находку поровну и, не заезжая в аул, пустились в странствия на поиски невесты.

Всю степь изъездили молодцы из края в край, истерли седла, изорвали сбруи, насмерть загнали скакунов, — нигде нет девушки, подобной той, что вырезана на камне. Наконец прибыли путники в столицу хана. Тут же на окраине встретили они старую женщину и, показав ей камень, спросили, не знает ли она, в какой земле живет красавица, изображенная на портрете.

— Как же мне не знать? — отвечала женщина. — Это дочь нашего хана. Ее зовут Айслу. Нет на свете девушки, равной ей красотой и достоинствами.

Поблагодарив старуху, братья, не чужая усталости, поспешили во дворец хана. Стража, видя в их руках заветный камень, пропустила жигитов.

Представ перед прекрасной Айслу, юноши застыли в оцепенении: красавица носила имя луны, а сама была как солнце.

— Кто вы? — спросила Айслу. — И какое дело вас привело ко мне?

Старший брат ответил за всех:

— Госпожа, охотясь в степи, мы нашли камень с твоим изображением и вот, исходив полсвета, принесли его тебе.

На камне есть надпись — ты знаешь ее содержание. исполни обещанное, Айслу! Выбери себе в мужья одного из нас.

Красавица поднялась с драгоценных ковров и, приблизившись к братьям, сказала:

— Доблестные жигиты, велик ваш подвиг, и я не отрекаюсь от обещания. Но как мне поступить по справедливости, если вас трое и все вы равны передо мной? Как отличить достойнейшего? Хочу испытать вашу любовь. Я стану женой того из вас, кто добудет для меня самый диковинный подарок. Согласны ли на такое условие?

Поклонились ей братья и тотчас снова отправились в дорогу, не ведая того, что дочь хана уже полюбила всей душою младшего из них. И так велика была ее любовь, что с этого дня и часа стала она бледнеть и таять, точно от тяжкого недуга, а вскоре слегла в постель и перестала узнавать даже родного отца. Хан был в отчаянии. Он созвал лекарей и бахсы со всего света, посулив тысячу верблюдов тому, кто исцелит его дочь. Полный дворец набилось знахарей и колдунов, но прекрасной дочери хана с каждым днем становилось все хуже и хуже.

А три брата в это время были далеко от столицы. Долго шли они общим путем, но вот дорога разделилась, и жигиты разошлись в разные стороны, договорившись при прощании через тридцать дней вновь встретиться на этом месте.

Старший брат пошел вправо и через некоторое время достиг большого города. Обойдя все лавки, он увидел в одной из них удивительной работы зеркальце в золотой оправе.

— Что стоит это зеркальце? — спросил юноша.

— Зеркальце стоит сто червонцев, а тайна его — пятьсот.

— В чем же его тайна?

— Это зеркальце таково, что если на утренней заре поглядеть в него, то увидишь все совершающееся на свете.

— Вот такая-то вещь мне и нужна! — сказал себе юноша.

Без раздумья отсчитал он деньги, спрятал на груди покупку и зашагал назад к условленному месту.

Средний брат двинулся прямо, по средней дороге. Вот он вошел в незнакомый город. На базаре, где торговали иноземные купцы, бросился ему в глаза яркий ковер, вытканый причудливыми узорами.

— Какова цена ковра? — спросил он у продавца.

— Ковер стоит пятьсот червонцев и тайна его столько же.

— О какой тайне ты говоришь?

— Да ведь это ковер-самолет! Он может доставить человека в один миг в любое место.

Юноша отдал продавцу все свои деньги и, свернув ковер в трубку, с торжеством покинул город.

Младший брат на распутье повернул влево. Придя в какой-то город, он долго скитался по улицам, заглядывая во все лавки, но нигде не попадалась ему вещь, достойная возлюбленной. Он совсем уже потерял надежду и пал духом, когда в грязной лавчонке безобразного старика заметил некий блестящий предмет.

— Что это? — спросил жигит.

Торговец подал ему золотой гребень, — усыпанный самоцветными камушками. Глаза у юноши загорелись.

— Что просишь за гребень?

Торговец хрипло засмеялся и проговорил со злобой:

— Проваливай лучше отсюда! Где тебе купить такую редкость? Тысячу червонцев стоит гребень и две тысячи его тайна.

Сердце у юноши упало: у него не было таких денег. Но он все же спросил:

— Какая же у твоего гребня тайна, что ты ценишь ее столь дорого?

Старик отвечал:

— Если этим гребнем расчесать волосы больного, он обретает здоровье, а если расчесать волосы умершего, он оживет.

— У меня есть всего тысяча червонцев, — сказал печально юноша. — Сжался, отдай мне гребень за эти деньги. В нем мое счастье.

— Ладно, — зловеще скривив рот, прошамкал старик, — бери гребень за тысячу червонцев, если согласен дать в придачу кусок своего мяса.

Понял тут юноша, что перед ним не торговец, а кровожадная Жалмауыз-кемпир, но не дрогнул и не отступил. Он молча высыпал из кармана деньги, потом вытащил из-за голенища нож, вырезал из своей груди кусок мяса и подал кровавую плату страшилищу. Так гребень стал его собственностью.

Ровно через тридцать дней братья снова сошлись на

распутье. Они крепко обнялись, расспросив друг друга о здоровье, стали хвалиться своими покупками.

— «Чей же подарок больше понравится Айслу? — думал каждый про себя.— Все одинаково хороши: и зеркальце, и ковер, и гребень...

Ночь прошла в разговорах, а утром, когда поднялась зеленая звезда Шолпан и восток запылал зарею, братьям захотелось узнать, что творится на свете, и они взглянули в зеркальце.

Весь мир проплыл перед их глазами, и наконец показалась столица хана. Но что это? Улицы перед дворцом запружены печальной толпой: там кого-то хоронят. Вот на богатых носилках несут покойника, а следом весь в слезах, согнувшись от горя, идет хан. И братья в ужасе догадались: прекрасная Айслу умерла.

В ту же минуту средний брат развернул волшебный ковер, и все три жигита ступили на него, держась друг за друга. Ковер взвился под облака, а через мгновение опустился перед раскрытой могилой ханской дочери. Народ расступился. Хан глядел сквозь слезы на внезапно слетевших с неба трех жигитов, не соображая, что происходит. А младший брат кинулся к мертвой красавице и расчесал ее длинные волосы золотым гребнем.

Вздохнула Айслу, встрепенулась и встала на ноги, прекрасная, как прежде, даже прекраснее. Хан прижал дочь к груди. Народ шумел ликуя. В радости и веселье все направились к дворцу.

В тот же день хан устроил щедрый той, созвав на него всех жителей столицы. Был приглашен даже нищий старик, что питался отбросами на базаре. На почетном месте сидели три брата, и сама Айслу подносила им кушанья и кумыс. И тут жигиты вновь обратились к красавице с вопросом, кого из них она намерена избрать в мужья.

Опечалилась Айслу, слезы набежали на ее глаза.

— Я люблю одного,— но все вы трое и после испытания равны передо мной, ибо каждый из вас принес мне невиданный подарок.

Она рассказала все отцу, просила дать ей совет и благословение. Подумав, хан произнес:

— Не будь зеркальца, что добыл старший брат, вы, жигиты, не узнали бы о смерти Айслу; без ковра, который купил средний брат, вы не успели бы вовремя на похороны; а без гребня младшего брата вы не вернули бы жизнь

моей дочери. Я охотно отдам вам половину моего богатства, но не в силах решить, кому отдать в жены Айслу.

Внезапно раздался в толпе голос старика нищего, что питался на базаре отбросами:

— Великий хан, позволь мне сказать слово.

Хан был счастлив в этот день.

— Говори,— разрешил он.

— Взвесив все обстоятельства, я рассудил бы братьев так: пусть Айслу принадлежит тому, кто дороже заплатил за свой подарок.

Хан кивнул:

— Да будет так!

— Я отдал за зеркальце шестьсот червонцев,— сказал старший брат.

— Я отдал за ковер тысячу червонцев,— сказал средний брат.

— Я отдал за гребень тысячу червонцев и... кусок своего тела,— сказал младший брат.

— Не может быть! — вскричал хан.— Говори правду!

Тогда младший из братьев распахнул халат, и все увидели на его груди зияющую рану.

Айслу вскрикнула и закрыла глаза руками. А хан обнял героя и сказал:

— Отдаю тебе в жены свою дочь! Будь моим зятем и наследником. И, повернувшись к гостям, он объявил во всеуслышание, что двух старших братьев назначает своими визирями, а старика нищего, давшего мудрый совет, верховным бием.

После этого вновь зашумел веселый той. И длился он тридцать дней, да провожали его сорок дней, а память о нем сохранилась до нашего времени.

КУРАЙ-ДЕД



огда — не помню, где — не знаю, жил-поживал Курай-дед. Он от ветра шатался, от росы сгибался, всех на свете боялся. Звякнет поутру его старушка пустым ведром, а а уж он ни жив, ни мертв: в кошму завернется, в комочек сожмется, трясется весь.

А жили они в тростниковом шалаше, на зеленой лужайке, у синего озера.

Всякий день выходил Курай-дед на рыбную ловлю, но сыт не бывал со старушкой ни разу: что ни попадало в его сети, все доставалось рыжей лисе.

Закинет дед сети — рыба в них так и валит. Он на берег улов вытащит, лоб бородой вытирает, а сам радуется: — Вот рыбы-то сколько! На сто дней хватит. Будет теперь моя старушка по горло сыта!

А рыжая лиса уж тут как тут, — на пригорке станет, ногами топчет, зубы скалит. Как же деду не испугаться!

Бросается он со всех ног к шалашу, вопит во весь голос: — Спрячь меня, спрячь поскорее, старушка! Опять лиса за рыбой пришла. Я ее боюсь.

Забьется Курай-дед в уголочек, горько плачет, бородой глаза трет, а старушка его утешает:

— Не плачь, Курай-дед, не горюй — ты завтра еще больше рыбы поймашь.

А на завтра та же беда.

Раз шел Курай-дед берегом озера. О траву спотыкается, по сторонам озирается — страшно ему.

Время к вечеру было. Вдруг слышит дед над собой стон и звон. Ноги у него подкосились, малахай с головы свалился. А это комариный рой летел. Опустились комары деду на лысину, стали шалить.

Терпел, терпел Курай-дед и не вытерпел: хлопнул ладонью по лысине, — вся ладонь в крови, всех комаров убил.

Расхрабрился тут дед, расхвастался:

— Вот какой я батыр, вот какой удалец! Сто врагов победил. Ста недругов кровь пролил!

И решил он отправиться в дальние странствия, попытать удачи, поискать славы.

Раздобыл посошок, бородой подпоясался, со старушкой простился и двинулся в путь.

Шел, шел, нашел утиное гнездо и в нем двенадцать яиц. Зарыл он яйца в песок и думает: «На обратном пути возьму. Порадую старушку подарочком». И пошел дальше.

К вечеру устал Курай-дед. Лег отдохнуть до рассвета. Полбороды под себя подостлал, другой половиной укрылся и заснул, да так крепко, что и утро проспал.

Проходил мимо дядю — одноглазый великан. Видит, спит на земле старичок, а рядом лежит палка. Вдруг Курай-дед потянулся, чихнул и проснулся.

— Долго же я спал, — говорит, — солнце уже высоко поднялось. Пора мне в дорогу!

— А ты кто такой? — спрашивает одноглазый великан.

— Я Курай-дед, батыр-удалец. Я сто врагов одним ударом истребил. А ты кто?

— Я дядю — одноглазый великан. Пальцем погрожу — бурю осажу, пальцем постучу — гору сворочу, пальцем ткну — улетишь ты, Курай, на луну!

Испугался дед, но виду не подал.

— Если так, — говорит, — давай с тобой померимся силой.

Великан:

— Ладно, давай!

Вот привел Курай-дед одноглазого великана к тому месту, где были зарыты утиные яйца, и спрашивает:

— Можешь ли ты, одноглазый великан, мозг земли вышибить?

— Я все могу! — отвечает одноглазый великан. Брюхо надул, глаз свой выпучил, с горы разбежался, да как хватит пятками оземь — погнулась земля на сто верст, пыль поднялась до небес, а мозга земли не видно.

А Курай-дед лишь легонько наступил на утиные яйца, и брызнул из земли желток.

— Вот он — мозг земли! — говорит. — Где тебе, одноглазый великан, со мною тягаться!

Задрожал одноглазый великан всем телом.

— Победил ты меня, Курай-дед! Будь моим гостем.

Пошли они степью. Впереди забелела гора.

— Что за гора? — спрашивает Курай-дед.

— Это не гора, — отвечает одноглазый великан, — это моя юрта.

Подходят они к великановой юрте. Хотел Курай-дед через порог переступить, да запутался в бороде. Говорит:

— Внеси-ка меня в юрту, приятель, а то как бы мне невзначай дверь не своротить.

Внес его одноглазый великан в юрту, посадил у очага на почетное место.

Осмотрелся Курай-дед по сторонам: вот юрта так юрта — от стены до стены день верхом скакать, три дня на арбе ехать!

— Хороша ли у меня юрта? — спрашивает одноглазый великан.

Курай-дед:

— Юрта хороша, только чуточку тесновата!

Тем временем сварилось мясо. Подает одноглазый великан гостю бычью ногу:

— Ешь, Курай-дед, на здоровье!

Курай:

— Спасибо, рахмет. Съел я вчера за обедом десять быков, так и сейчас еще сыт. Мне бы водицы испить...

Схватил одноглазый великан свое великанье ведро и к колодезю, а Курай-дед кричит ему вслед:

— Постой, постой, ты куда с ведром? Неси сюда весь колодец!

Ночь пришла. Легли спать. В полночь шепчет великан своей великанше:

— Не будет мне радости, пока жив Курай-дед. Он всех на свете сильнее. Нужно его убить!..

Курай-дед не спал, все это слышал. Положил он потихоньку на свое место деревянную ступу, а сам притаился за сундуком. И вот слышит: поднялся одноглазый великан с подушек, отыскал топор, подобрался к дедовой постели, да как хватит обухом по ступе — ступа в щепки.

Смеется одноглазый великан:

— Хоть ты, Курай-дед, и батыр-удалец, а пришел, Курай-дед, и тебе конец! — Повалился на подушку и захрапел.

А утром проснулись одноглазый великан и великанша и глазам не верят: лежит дед как ни в чем не бывало на белой кошме, будто от скуки в бороде волоски пересчитывает, зеваает да почесывается.

— Ты бы, — говорит, — блох повывел. Они мне, проклятые, ночью спать не давали.

Побелел одноглазый великан от страха, глазом моргает, а сказать ничего не может.

Стал тут Курай-дед в обратный путь собираться. Зовет с собой одноглазого великана:

— Погостил я у тебя, одноглазый великан, и довольно. Пойдем-ка теперь ко мне, — я тебя еще и не так угощу!

Вот и пошли они — Курай-дед впереди, одноглазый великан — следом за ним.

Дошли до синего озера, добрались до зеленой лужайки, виден уже и тростниковый шалаш.

Выбегает из шалаша старушка и прямо деду на шею:
— Жив ли ты, здоров ли ты, Курай-дед? Где бывал?
Что видел?

Курай-дед ей:

— После все, старушка, расскажу, а сейчас готовь-ка ты нам угощение получше. Я приятеля с собой веду.

Глянула старушка на одноглазого великана и только руками всплеснула.

— Да чем же мне вас угощать? Нет ведь у нас в шалаше ни крошки.

— Как так нет?— говорит Курай-дед.— Я же, уходя, оставил тебе семь одноглазых великанов. Неужто ты их всех прикончила?

Как услышал эти речи одноглазый великан, так и обомлел.

«Ну,—думает,— не будет мне здесь, видно, добра!» — Повернулся — да бежать. Шагнул раз — и скрылся с глаз. На полпути встречается ему рыжая лиса.

Лиса:

— Здравствуй, дядя — одноглазый великан, откуда бежишь?

Великан:

— Бегу я от Курай-деда. Он всех на свете сильнее! Хотел меня убить!

Рассмеялась рыжая лиса:

— Да я у этого деда каждый день весь улов отнимаю! Он ведь всех на свете боится. Пойдем-ка к нему вдвоем. Мы его проучим!

И верит и не верит лисе одноглазый великан. Однако подумал и поплелся за лисой. Идет злой-презлой, страшно так глазом ворочает.

Дошли они до синего озера, добрались до зеленой лужайки, показался уже и тростниковый шалаш. А возле шалаша стоит дед Курай, бороду поглаживает, будто от радости приплясывает и еще издали кричит:

— Ай да и молодец же ты у меня, рыжая лиса, спасибо за службу! Я уж было думал, что одноглазый великан совсем ушел из моих рук. Вдруг смотрю: ты его назад тащишь. Веди, веди его скорее! Мы со старушкой давно проголодались.

Рассвирепел одноглазый великан:

— Так вот что ты задумала, рыжая лиса!

Схватил лису за хвост — да об землю. Из лисы и дух вон. А сам бежать что было сил. Шагнул раз — и скрылся с глаз.

Захлопал в ладоши Курай-дед, запел от радости:

— Ай, жаксы! Ай, хорошо, вот любо! Будет у старушки лисья шуба!

Подошел Курай-дед к рыжей лисе: лежит лиса, не шевелится, ноги вытянула и зубы оскалила.

— Скалься, скалься,— говорит дед,— я теперь тебя не боюсь!

Начал он с рыжей лисы шкуру сдирать. Один бок ободрал, нужно бы ему лису на другой бок перевернуть, да как с ней сладишь! Тяжелая лиса, отъелась дедовой рыбой. Трудился-трудился, тужился-тужился,— пуп трещит, по бороде пот бежит, а лиса все ни с места. Махнул Курай-дед рукой.

— Зачем,— говорит,— старушке лисья шуба, она и в овчинной лучше всех!

И стали они жить по-прежнему. Только Курай-дед никого больше с тех пор не боялся. И рыбы у них теперь всегда было вдоволь.

СОРОК СЫНОВЕЙ АУЭЗ-ХАНА



старину жил хан по имени Ауэз. Было у него сорок сыновей. Мечтал хан встретить такого человека, у которого было бы сорок дочерей и которые могли бы быть невестами его сыновьям. И вот однажды он узнал, что есть такой человек, у которого со-

рок дочерей. Послал хан к нему своих людей. Приехали они и стали сватать сорок дочерей этого человека за сорок сыновей хана Ауэза. Отец девушек сказал людям хана:

— Я отдам своих дочерей сыновьям хана без калыма, но пусть хан проложит прямую дорогу от моего дома до своего дворца; пусть он по обеим сторонам этой дороги разведет цветущие сады с ручьями, фонтанами и арыка-

ми. И пусть в этих садах всегда поют соловьи. И все это он должен сделать за один год.

Вернулись люди и рассказали все хану. Выслушал повелитель слуг своих и сказал:

— Хорошо!..

Вызвал хан к себе всех сыновей. При себе оставил только младшего сына, а остальных тридцать девять сыновей и много слуг отправил строить дорогу и сады. Долго трудились они, но дороги все не было, не расцветали и сады. Тогда младший сын заявил хану:

— Отец, отпусти меня к братьям. Я построю эту дорогу и рассажу сады.

— Где тебе, милый, одному сделать, когда все тридцать девять твоих братьев не смогли этого сделать,— сказал хан.— Они не сделали и сотой части.

Младший сын не отставал от отца, и хан согласился. По дороге младший сын хана встретил старца в белой одежде. Сын хана низко поклонился ему. Старец спросил:

— Куда и зачем идешь ты?

Сын хана все рассказал старцу. Тогда тот сказал ему:

— Я помогу тебе.

Потом старик задумался, помолчал немного и сказал:

— Закрой глаза, мой мальчик.

Сын хана закрыл глаза. Потом старец велел ему открыть, и сын хана увидел: прямая дорога идет от дома того человека, у которого сорок дочерей, ко дворцу хана, по обеим сторонам ее — цветущие сады, а в них журчат ручьи, бьют фонтаны, поют соловьи. И слышит сын хана голос старика:

— Возвращайся, милый, домой. К невесте своей не спеши. А братья твои пусть едут. Когда они будут возвращаться, подымется сильный буран, им трудно будет ехать. Тогда предстанет перед ними большой красивый дом. Скажи им, чтобы они не останавливались в этом доме.

Проговорил это старец и исчез.

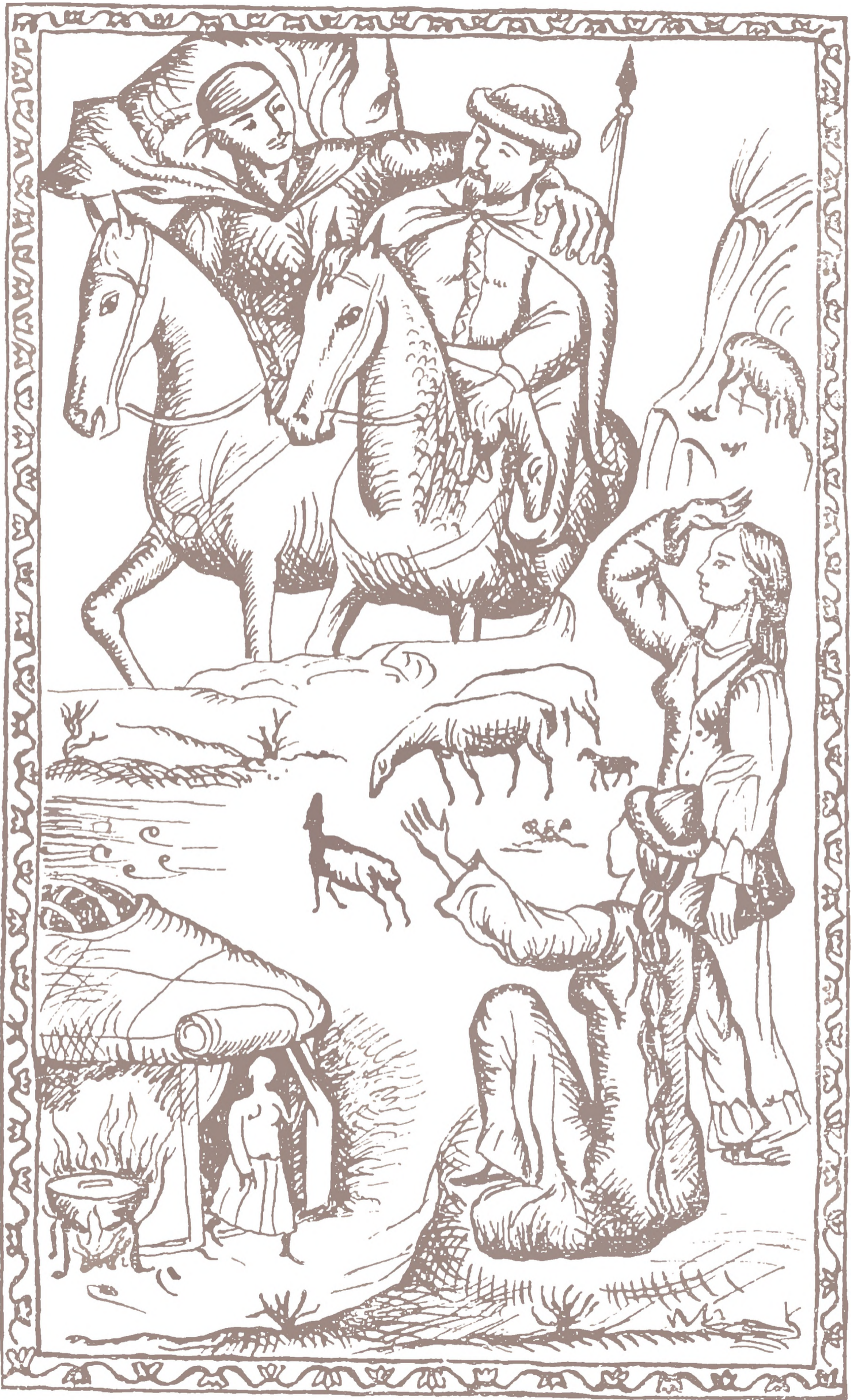
Вернулся сын хана домой. Братья спросили его:

— С чем вернулся?

Он ответил им:

— Я работу закончил.

Хан снова оставил при себе младшего сына, а старших отправил за невестами. Младший рассказал братьям о завете старца. Приехали братья к своим невестам, пожили у них несколько месяцев и наконец повезли их к себе до-



мой. Дорогой их застиг буран. Все продрогли и устали. Вдруг перед ними вырастает большой белый дом. Они вспомнили завет старца — не вошли в него, а проехали мимо. Но сопровождавшая их свита не знала об этом завете и вошла в дом. Тогда и те, которые проехали мимо, вернулись и вошли погреться. В доме лежал дракон. Он сказал вошедшим:

— Я вас всех проглочу. Если же хотите жить, то привезите мне своего младшего брата.

Братья подумали и сказали дракону:

— Хорошо, мы доставим тебе его.

И благополучно поехали домой.

Младший брат все это видел во сне. Он переоделся нищим, взял посох, вышел навстречу своим братьям. Они не узнали его и, не обратив никакого внимания, проехали мимо. Младший брат продолжал свой путь и наконец пришел к дракону. Тот увидел его, обрадовался и сказал:

— Хорошо, сынок, что ты пришел. Садись-ка мне на спину.

Младший сын хана сел на спину дракона. Дракон велел ему закрыть глаза. Потом сказал:

— Открой глаза и скажи, что ты видел?

Младший сын хана открыл глаза и ответил дракону:

— Я видел высокое дерево. На том дереве сидела красивая девица.

— Тогда слезай! — сказал дракон.

Младший сын хана слез. Тогда дракон сказал ему:

— Доставь мне эту девицу, и я тебя отпущу, если не доставишь, проглочу.

Пошел сын хана искать девицу. Шел он, шел, встретил царя-лисицу. Она по лесу бежала, себе ногу сломала и теперь сидела, плакала. Младший сын хана выправил ей ногу. Лисица вырвала пучок своей шерсти, сказала:

— Когда я тебе нужна буду, спали один волосок, я мигом предстану перед тобой.

И младший сын хана пошел дальше. Встречает он по дороге раненого царя-муравья. Сын хана вылечил рану царя-муравья. Муравей дал ему камень и сказал:

— Когда я тебе буду нужен, положи камень в огонь, и я мигом предстану перед тобой.

Сын хана наконец пришел к девице. Спрашивает девица его:

— Откуда ты идешь и как сюда попал? Никогда здесь не ступала человеческая нога.

Сын хана ответил ей на это:

— Я сын хана. Отец во сне увидел тебя и полюбил. Он велел найти и привести тебя. Я много лет бродил, искал. И вот сегодня нашел.

Задумалась девица и ответила:

— У меня есть два желания. Если ты исполнишь их, я пойду с тобой.

— Хорошо,— сказал ханский сын,— я исполню твои желания.

Тогда девица сказала:

— У меня есть две лисицы — ты слови их; я высыплю в песок два мешка пшеницы — ты ее собери, чтоб ни одного зерна не осталось в песке.

И она выпустила двух лисиц и рассыпала в песок два мешка пшеницы.

Сын хана спалил один волос, и тут же явилась царица-лисица. Она сейчас же поймала двух лисиц. Потом сын хана положил в огонь свой камень, и тут же явился царь-муравей. Сын хана попросил, чтобы муравей собрал ему зерна пшеницы. Муравьи мигом собрали все зерна, и два мешка были наполнены пшеницей.

И девица пошла с сыном хана. Они шли несколько дней. По дороге сын хана рассказал девице всю правду. И девица на это сказала ему:

— Я раньше это знала, но пошла с тобою по своей воле. Теперь надо спастись от дракона.

— А как спастись? — спросил сын хана.

— А вот как,— ответила девица: — ты к дракону придешь на день раньше и скажешь, что девица идет, что она уже в дороге. Когда он выйдет во двор и начнет от радости шипеть, ты открой его сундук. Там сидят два голубя, ты их убей. Тогда дракон тут же умрет.

Сын хана пошел к дракону.

— Привез девицу? — спросил дракон.

— Да,— сказал сын хана,— она скоро будет здесь.

Дракон вышел во двор, зашипел от радости. В это время сын хана открыл сундук и убил голубей. Дракон тут же издох.

И привел сын хана красавицу домой. Женился на ней и на первой своей невесте и стал жить, счастливый и богатый.



давно прошедшие времена среди казахов жил охотник по имени Кара-Мерген. Не было у него ни богатства, ни детей. Он охотился на маралов, куланов² и других зверей. С первых снимал рога, со вторых — саур³, с последних — шкуры. Все это он про-

давал, тем и кормился. Если он уходил на охоту летом, то возвращался зимой, если зимой — возвращался летом. Ходил он на охоту всегда один, без товарищей. Однажды охотник взял ружье и отправился в путь, чтобы поохотиться в дальней местности, где летом и зимою не бывает аулов и где не был человек. Пробыв в дороге несколько дней, он приехал к одной большой горе и видит — нет никого, нет и следов человека. Он слез с лошади, взял ее за повод и пошел по ущелью. С большими трудностями достиг он вершины горы и остановился. Кругом было много зверей и птиц. Кара-Мерген сроду не видел такого изобилия и разнообразия трав и деревьев. Всюду распевали разноперые соловьи, воздух был пропитан запахом мускуса и гвоздики. Охотник построил себе жилище, лошадь пустил в травы. Через несколько дней лошадь так поправилась, не узнать было прежнюю худую клячу.

Охотник убивал зверей, снимал с них шкуры и рога, сушил и связывал в тюки.

Однажды вечером он варил мясо в медном котелке. Вдруг ему послышался какой-то шорох. Охотник удивился. «Что за шорох? Ведь здесь людей нет!» В это время в жилище охотника вошла женщина в синей рубахе и, ничего не говоря, села, подогнув ногу. Охотник посмотрел на женщину: лицо желтое, глаза пестрые. Она пристально глядела на охотника. Охотник удивился и подумал про себя: «Человек ли это, в молодых годах оставшийся на безлюдье и одичавший, или другое какое вредное существо?» Вскоре мясо сварилось. Охотник снял котел с огня,

¹ Кара — черный; мерген — стрелок.

² Кулан — дикая лошадь.

³ Саур — кожа с крупа.

воткнул кончик большого охотничьего ножа в кусок мяса, подал женщине и крикнул громко:

— На!..

Женщина, не высовывая рук из рукавов, молча приняла мясо и съела. Охотник достал кусок мяса побольше, подал ей и еще громче крикнул:

— На!..

Женщина так же молча взяла мясо и так же съела его. Тогда охотник убедился, что перед ним существо вредоносное, а потому все время, пока ел мясо, с опасением посматривал на женщину. Когда же кончил есть, взял в руки большой нож и громко закричал:

— Уходи! Я спать хочу...

Женщина произнесла: «Абую! Абую!» — и уселась поудобнее, подогнув и вторую ногу. Охотник взял в руки ружье и опять закричал:

— Уходи! Я спать хочу...

Тогда женщина со словами «Абую! Абую!» встала с места, попятилась к выходу и вышла. Охотник видел в щелку, как она пошла тихим шагом и скрылась за бугром. Охотник хотел разобрать жилище и уйти на новое место, но потом раздумал: «Так нельзя! Побегу я, устану и где-нибудь засну, а она придет по следу моему и убьет. Лучше я придумаю какую-нибудь хитрость, подстерегу ее и убью из ружья». Он собрал в кучу ууки¹, положил на них потники с седлом, сверху закрыл своей одеждой и на один конец ууков надел шапку. Как будто человек лежит. Сам Мерген отошел в сторону на ружейный выстрел и спрятался в яме.

Через некоторое время небо покрылось тучами, пошел снег и покрыл всю землю, а затем небо прояснилось. Вдруг лошадь охотника, стоявшая на приколе, чего-то испугалась. Потом слышался какой-то топот. Охотник подумал про себя: «Наверное, идет. Как мне быть?» Он глянул в ту сторону, откуда слышался топот, и увидел женщину. Она шла прямо на него.

Охотник сделал выстрел и припал к земле. Женщина со словами «Абую! Абую!» бросилась на кучу ууков. Слышался треск палок. Потом она поднялась, озираясь по

¹ Ууки — длинные палки в юрте, одним концом прикрепленные к нижним решеткам (кереге), а другим концом к верхнему кругу (шанраку).

сторонам. И, убедившись, что вокруг никого нет, стала рвать одежду охотника, которой были покрыты ууки.

Охотник решил, что это жалмауыз¹, помолился аллаху и выстрелил. Жалмауыз проговорила: «Да, так!» — и ударила рукой по тому месту, куда попала её пуля, некоторое время постояла в недоумении, озираясь кругом, а потом пошла назад своим следом. Мерген снова выстрелил, жалмауыз сделала прыжок, снова ударила кулаком по тому месту, куда попала пуля, сказала «так! так!» и бросилась бежать.

Когда она скрылась за бугорком, Мерген подошел к уукам — они были перерезаны, слезно ножом, а одежда была вся в дырах и разрезах. Мерген некоторое время стоял пораженный. Затем он решил проверить то место, где стояла жалмауыз. «Если пуля задела ее, то должна быть кровь», — подумал про себя охотник.

Осмотрел он то место, где жалмауыз стояла при первом выстреле, и заметил кровь. А на месте второго выстрела кровь текла ручьем. Мерген немного успокоился. Когда стало светло, он отправился по следу жалмауыз и пришел к пещере. Держа ружье наготове, он устроил шум, но жалмауыз не показывалась. Тогда Мерген подошел к пещере, заглянул в нее и увидел мертвую жалмауыз, лежащую ногами к выходу. Мерген слез с лошади, вытащил труп за ноги из пещеры и увидел, что она вся как человек, только ладони у нее из синего железа и похожи на лезвие ножа, а ногти острые, как пики, и легко вонзаются в камни.

Мерген подумал, что у жалмауыз может быть муж и он может прийти на место происшествия, поэтому поспешил убраться из пещеры. Он отрезал одну руку жалмауыз, сел на лошадь и поехал назад. Мерген собрал шкуры и рога убитых зверей и переехал в другие горы, где также было много зверей — маралов, оленей. Здесь, на новом месте, Мерген увидел одного оленя, подкрался, прицелился, но у него вдруг задрожали руки, и он не смог сделать выстрела. «Что за диво?» — подумал он, оглянулся и увидел возле оленя что-то белое. Мерген сделал выстрел в это белое, оно исчезло, а на этом месте осталась железная голова змеи. Пуля оторвала голову змеи. Охотник

¹ Жалмауыз — мифическое существо, пожирающее людей; баба-яга (Жалмауыз-Кемпир).

взял эту голову и положил к себе в кожаную сумку, полагая, что тут есть ок-жыланы¹, и отправился дальше, чтобы продолжать свою охоту в других горах. В пути Мерген почувствовал боль в боку. «Что такое?» — он посмотрел на свой бок и увидел: змеиная голова повертела дыру в сумке, шубе, халате, рубахе и штанах и вонзилась в бедро. Мерген испугался и выбросил эту голову. К вечеру он добрался до одной горы и остановился на ночлег. Утром Мерген проснулся и увидел много аулов и много привязанных к юртам кобыл. Юрты были так белы, что на них играли и отражались лучи солнца. Мерген удивился: «Откуда это? Здесь никогда не было людей. Демоны это или люди? Поеду к ним. Они, наверное, уже заметили меня». Сел он на лошадь и поехал к аулам. Подъехал и видит: табунщики ловят лошадей, укрючины у них из золота и серебра, а арканы из шелка. Никто не обратил внимания на Мергена. Возле привязанных кобыл он заметил старика, подошел к нему и поздоровался. Но старик лишь прошептал что-то. Неожиданно густой туман покрыл всю землю. Стало темно. Мерген стоял и читал про себя отходную, ожидая смерти. Вдруг какая-то невидимая сила потянула его лошадь за повод. Лошадь пошла. Мерген проехал некоторое время, и ему показалось, что кто-то тянет его за руку, как бы прося слезть с лошади. Мерген повиновался. Затем кто-то его потянул за полу одежды. Мерген пошел вперед и вошел в большую юрту. В юрте были золотые и серебряные шесты, атласные и шелковые ковры, одеяла из парчи и манглунга².

Откуда-то появилось шелковое одеяло и постлалось у передней стены в девять слоев. Ничего живого не было. Мерген хотел было сесть возле двери, но какая-то невидимая сила приподняла его и потянула в передний угол.

Через некоторое время появился самовар, постлалась скатерть, и на ней появились разные фрукты. Затем появились две чашки, и в них стал наливать чай. Из одной пил Мерген, а из другой чашки чай исчезал сам собою.

Потом появился кумыс в серебряной миске с золотым ковшом. Кумыс пенился сам собою и наливался в золо-

¹ Ок-жыланы — змея со стальной головой. Она, по народным преданиям, летает, как стрела, и может пробить камень.

² Манглунг — китайская шелковая материя с вытканными драконами.

тую чашку. Мерген пил да пил и наконец сказал: «Напился». Тогда кумыс убрался сам собою и на смену ему появилась целая тарелка казы¹ и карты².

Мерген подумал: «Наверное, хотят меня зарезать, предварительно откормив. Все равно буду есть досыта». И ел.

После появились фрукты с приятным запахом. Мерген опять стал есть. Но скоро он наелся. «Что за чудеса, кто это сделал? — подумал он. — Накормили меня вкусными кушаньями. Теперь бы посмотреть, кто это сделал, и тогда хоть умирай». Но никто не появлялся. Скатерть убралась сама. Появился кувшин с водою и полотенце. Вода полилась, и Мерген стал мыться. Вымыл он руки и вытер их полотенцем, расшитым золотом. Мерген посидел некоторое время, потом сказал:

— Хочу спать!

Появилась постель. Потом отворилась дверь и вошла девица, да такая красивая, что нет краше ее на свете. Красота девицы, как у полной луны. Одежда вся блестит — из золота, от лица светло вокруг. Мерген испугался и хотел встать, но девица остановила его и сказала:

— Не роняй своего достоинства и не унижайся.

Она поздоровалась с ним за руку, уселась рядом и прислонилась к нему. Мерген сказал ей:

— Госпожа! Не садись ко мне так близко: я грязный, от меня идет дурной запах.

Девица на это заметила ему:

— Перестань, не унижай себя.

Тогда Мерген сказал:

— Я бедный странник, сильно устал. Прикажи дать мне кошму, и я пойду спать около своей лошади.

— Хорошо! Постель уже готова, ложись.

Мерген встал. Встала и девица. Она стала снимать с него одежду.

Мерген говорит ей:

— Перестань издеваться надо мной.

Тогда девица сказала:

— Для тебя приготовлена эта постель, ложись, не стесняйся.

¹ Казы — колбаса из конины.

² Картá — жирная колбаса из конины.

Она завела его за занавеску и уложила в постель. Потом прилегла рядом и говорит:

— Не бойся... Лежи спокойно.

Мерген спросил:

— Скажи, радость моя, кто ты такая, и что это за аулы?

Девушка ответила:

— Мы — кочующие пери. Наш народ обитает в таких местах, куда не проникают люди. Если же они случайно попадают к нам, и наши люди увидят человека, то за него дают девушку, а отец этой девушки становится царем пери. Из числа восемнадцати тысяч видов божьих творений человек — лучшее создание. Теперь лежи до солнца и не смыкай глаз. Завтра весь наш народ придет приветствовать тебя. Если уснешь, лишишься меня и останешься без ничего. Лежи без опасения.

Мерген обнял девушку. Через некоторое время он захотел выйти во двор. Девушка принесла драгоценную шубу, накинула на него и повела во двор. Мерген увидел свою лошадь, а возле нее свое седло и ружье. Мерген опять вошел в юрту и лег в постель. Он шутил и играл с девушкой, а затем снова вышел во двор. Туман исчез. Начало светать. Мерген обрадовался наступлению утра, вернулся в юрту, снова лег в постель, обнял девушку. Девушка шепчет ему:

— Не усни, до утра осталось совсем немного.

— Ой, душа моя, — сказал Мерген, — как я могу заснуть?

Но, к несчастью, веки у него сомкнулись, и он заснул. А когда проснулся, то ни юрты, ни девушки не было. Мерген впал в отчаяние:

— Что это такое? Не сон ли это?

Оглянулся он вокруг — лошадь ходит одна на приколе, ружье стоит, прислоненное к седлу, а сам он лежит на остатках шелкового одеяла.

Мерген стал рыдать:

— Куда ты, моя радость, ушла?

Но как он ни плакал, ничего не выплакал. Тогда Мерген говорит:

— Сначала, когда увидели меня пери, я боялся, что они убьют меня. Теперь же я, наверное, умру с горя.

Прожил здесь Мерген несколько дней и вернулся домой. Распродал он рога и шкуры убитых зверей и выручил

за них в десять раз больше, чем прежде. Продал он и куски шелковой материи, что остались у него, и выручил за них столько, сколько стоят шестьдесят кобыл. Жена его вдруг забеременела — а раньше не рожала детей. Мерген стал богатым. Но ничего его не радовало. Он скучал.

Однажды Мерген пошел на то место, где встретился с девицей.

— О аллах,— сказал Мерген, обращаясь к небу.— Зачем ты мучаешь меня? Показал мне девицу и отнял. Лучше не создавал бы меня совсем. С девицей я разговаривал до утра, и каждое слово ее было мне милее всей моей прошлой жизни.— Он колотил себя кулаком в грудь и говорил: — Зачем только я уснул?

Вдруг Мерген услышал крик:

— Кара-Мерген! Кара-Мерген!

Мерген оглянулся, но никого не увидел. Вдруг снова голос:

— Бельмо тебе в глаз. Теперь ты меня не увидишь, как ни плачь. Ты лишился меня. Не трудись искать, напрасно. Вот твой прошлогодний аминат. Воспитай его хорошо!

Голос умолк. И видит Мерген: сверху спустилась золоченая колыбель, а в ней мальчик. Мерген снова закричал:

— Скажи, моя душа, хоть еще несколько слов.

Но ответа не было. Мерген взял ребенка и вернулся домой. На радостях он устроил большое пиршество.

ВЕЛИКАН АЛПАМЫС



минувшее давно время жил именитый богач Чурабай. У него был сын Алпамыс. В один из дней табуны лошадей Чурабая угнали калмыки.

— О дитя мое, я уже сторбился под тяжестью своих лет. Можешь ли ты отправиться в погоню за табунами,

отбить их и отомстить врагу? — сказал в большом волнении Чурабай сыну.

Алпамысу было шесть лет, но он разгневался, как подобает батыру, поймал в табуна коня Байчубара, сел на него, стегнул и, не говоря никому ни слова, пустился в путь.

Калмыцкий хан увидел во сне этот выезд Алпамыса, и когда проснулся, то собрал свой народ и сказал:

— Видел я сон... Настали, знать, тяжкие времена: предстоит тяжелая борьба, ханство мое омрачится несчастьем. А чем оно вызвано? Враг предстал передо мною, словно черный самец-верблюд, и хочет ринуться на меня с разбегу. Он оборвет мои косы, он уничтожит мою челку, а статного и гибкого сына моего затопчет, превратит в прах.

— Да, надо полагать, что ханство твое будет взято сыном Чурабая — шестилетним Алпамысом, — сказали почтенные старики, истолковав сон хана.

— А можно ли при помощи обмана изловить этого молодца, пока он не доехал до нас? — спросил хан.

— Прикажи поставить на его пути одну юрту и дай мне сорок девиц, — сказала хану одна старуха.

Хан велел выставить юрту и приказал собрать сорок девиц. Старуха раздала девицам по чашке вина, усадила их в юрте, а сама отправилась навстречу Алпамысу. Села на дороге и ждет.

Показался Алпамыс. Лошадь его, завидя старуху, стала. Тогда Алпамыс, охваченный гневом, ударил Байчубара нагайкой. Лошадь легла.

— О дитя мое, если лошадь твоя не идет, стало быть, она устала. Здесь ожидают тебя с нетерпением сорок девиц. Не медли, иди к ним, — сказала старуха Алпамысу.

Узнав, что его ждут девицы, Алпамыс стреножил лошадь и вошел в юрту. Смотрит, сидят девицы, и каждая держит в руках кесе¹ со сладким вином.

Девицы по очереди, одна за другой, стали подавать Алпамысу вино. Алпамыс опьянел и упал. Тогда сорок девиц подняли его и снесли в зиндан, а лошадь отвели к хану.

Сидит Алпамыс в темнице, мучается. Видит, летят мимо гуси. Алпамыс позвал их. Прилетел один гусь, спросил:

— О узник, кто ты?

— Я Алпамыс.

¹ Кесе — чашка.

— Если ты Алпамыс,— сказал гусь,— то не выйди тебе из этой темницы.— И гусь улетел.

Через некоторое время пролетал над Алпамысом одинокий гусь. Алпамыс окликнул его.

— Что тебе нужно? — спросил гусь.

— Отчего ты слеп на один глаз? — спросил Алпамыс.

— Когда я был маленьким,— стал рассказывать гусь,— мать мою застрелил мерген. Я остался сиротой и хотел примкнуть к чужим гусям. Но они узнали, что я сирота, и выклевали мне один глаз, чтобы я не мог есть вместе с ними. Теперь я держусь от них подальше, чтобы не лишиться другого глаза. С тех пор и летаю один.

— Я напишу письмо и прикреплю к твоему крылу,— сказал Алпамыс.— Ты полетишь на озеро Кугалыкуль, Там сестра моя Карлыгаш охотится с соколом. Сокол тебя схватит, но сестра увидит письмо и сохранит тебе жизнь. Предупреждаю, когда будешь лететь над аулами, не кричи.

Гусь взял письмо и полетел.

Пролетел он над одним аулом, позабыл наставления Алпамыса и закричал. Хозяин аула поймал гуся. Когда он собрался резать его, то заметил под крылом письмо. Хозяин прочитал письмо и отпустил гуся. И гусь полетел дальше. Вот он прилетел и сел на озеро Кугалыкуль.

В это время сын Алпамыса, увидя в руках у другого ребенка птичье крыло, стал просить сестру Алпамыса Карлыгаш, чтобы она ему добыла такое же крыло. Карлыгаш села верхом на лошадь и, взяв сокола, поехала на Кугалыкуль. Увидя там одиноко летящего гуся, она метнула сокола. Гусь забился под соколом, письмо оторвалось и выпало. Прочитав письмо, Карлыгаш зарыдала, села на лошадь и поехала домой. Слезы ее лились на гриву коня. По дороге домой Карлыгаш свернула в аул своего приятеля Карабая.

Завидя едущую Карлыгаш, Карабай спрятался под кучу дров, боясь, что она будет у него что-нибудь просить. Но услышал Карабай, о чем говорила Карлыгаш его жене, вылез из-под валежника и сказал, что поедет отыскивать Алпамыса. Захватив с собою на десяти верблюдах провизии и шелковый аркан в сорок кулачей¹, он поехал. Через несколько дней он приехал к зиндану.

¹ Кулач равен приблизительно трем аршинам.

— О Алпамыс, где ты? — начал звать Карабай своего друга.

Никакого ответа. Карабай подумал, что друг его умер, и стал горько рыдать. Слезы его стали падать на дно зиндана.

Алпамыс спал, но от холодных капель вздрогнул и проснулся. Поднял голову и видит — друг его Карабай сидит наверху у зиндана. Он пролил уже целое озеро слез и смочил себе усы и бороду. Алпамыс окликнул его и стал спрашивать о здоровье своих родных. Карабай спустил в зиндан шелковый аркан в сорок кулачей. Алпамыс ухватился за аркан и уже поднялся наполовину зиндана, но потом вдруг подумал: «А что если Карабай впоследствии станет попрекать меня тем, что он спас мне жизнь? Ведь будет зазорно». Алпамыс обрезал аркан и полетел обратно вниз.

Карабай подумал, что аркан сам оборвался от тяжести Алпамыса, заплакал от досады горькими слезами и направился к дому.

Теперь речь пойдет об Алпамысе.

У дочери хана был любимый козленок. Как-то раз козленок резвился у зиндана и упал туда.

Пастух начал просить у Алпамыса козленка. Алпамыс не отдавал.

— Если ты мне не отдашь козленка, — сказал пастух, — я убью тебя камнем величиною с котел.

— Что ж, убивай, — сказал Алпамыс.

Тогда пастух толкнул в яму камень величиною с котел. Алпамыс подхватил его на лету и выбросил обратно на сорок аршин вверх.

— Меня убьет дочь хана, — умолял пастух. — Что тебе от меня надо, скажи? Требуй все, только отдай козленка.

— Ты должен ежедневно доставлять мне по барану, — приказал Алпамыс.

Пастух каждый день приносил Алпамысу по одному барану, а когда баранов не стало, он отдал Алпамысу и козленка.

— Что мне делать теперь, ведь меня ожидает смерть, пожаловался пастух.

— Не горюй, пастух, вот тебе домбра — поиграй на ней вечерком, — сказал Алпамыс. — Услышит ханская дочь твою игру и придет к тебе, но ты не сказывай ей, откуда домбру взял. И если даже разрежет она тебе подошвы и

насыплет туда соли, молчи. Но если она будет уж очень приставать к тебе и умолять, ты скажи, что домбру подарил тебе узник из зиндана.

Пастух в точности выполнил совет Алпамыса. Он заиграл на домбре, и ханская дочь пришла к нему.

— Откуда ты взял домбру? — спросила она.

Пастух молчал. Ханская дочь разрезала подошвы и насыпала туда соли. Но пастух молчал. Что тут делать? Тогда она стала умолять пастуха, чтобы он сказал ей.

Пастух наконец сказал, что домбру дал ему Алпамыс.

— Поведи меня к нему, — приказала дочь хана.

— Я не могу идти, — сказал пастух.

Дочь хана посадила его себе на шею и притащила к зиндану.

— О друг, я тебя очень люблю, только вот не знаю, как извлечь тебя из зиндана! — воскликнула ханская дочь.

— Меня может достать только мой конь, — сказал Алпамыс.

— Скажи, как его освободить, — попросила девица.

— Переоденься в плохую одежду, какую надевают юродивые, — сказал Алпамыс, — приди к хану и начинай восхвалять его величие и справедливость. Он тебе за это от избытка чувств посулит тысячу рублей, но ты денег не бери, а скажи ему, что конь его Байчубар тоскует, не ест корма и может погибнуть, что ты с раннего возраста воспитывала этого коня и знаешь, как заставить его есть корм.

Ханская дочь все это исполнила. Когда она освободила коня Байчубара, он прямо примчался к зиндану, увидел на дне колодца лежащего Алпамыса и горько заплакал. Слезы капали на лицо Алпамыса и разбудили его.

— О мой конь Байчубар, — сказал Алпамыс, — как я тебя долго ждал!

Тут Байчубар, присев на задние ноги, спустил свой длинный хвост в зиндан, Алпамыс ухватился за него; когда конь вскочил на ноги, узник с быстротой стрелы очутился на поверхности земли.

Когда настал вечер, Алпамыс сел на Байчубара и в течение ночи перебил всех врагов своих, а скот в сопровождении ханской дочери и пастуха угнал на родину.

У ОДНОЙ НЕВЕСТЫ ТРИ ЖЕНИХА



огат, страшно богат Абдулгалим: пастухи его табунов и гуртов не знали даже, сколько было крупного скота, а сосчитать овец для них было делом прямо непосильным, и если иногда нужно было сосчитать овец хотя бы приблизительно, то для этого загоняли их поочередно — гурт за гуртом — в особый загон, и полный загон овец считался за тысячу. А сколько стояло в просторных кибитках Абдулгалима громадных сундуков, окованных железом, сколько было в этих сундуках бархата, шелка, ковров и драгоценных вещей! При одной мысли об этом у бедного казаха кружилась голова.

Премудрый аллах не всех одинаково награждает благами. Вот дряхлый старик, у него уже давно трясутся ноги, но по богатству и роскоши он подобен хану — таков был Абдулгалим, а какой-нибудь знаменитый жигит и батыр по целому году не имеет своего собственного кумыса.

Славился Абдулгалим своим богатством чуть ли не на всю орду, но весь свой долгий век не пригрел ни одной сироты, не бросил мяса голодному байгушу, так как был очень скупой и корыстолюбивый. В его роскошных кибитках никогда не раздавался шум пиров, его котлы никогда не окружала толпа кунаков, вблизи его летовок ни разу не гарцевали удалые жигиты на лихих аргамаках и не слышно было звуков домбры. Все знали скупость Абдулгалима, никто его не любил, и всякий сторонился его негостеприимного аула.

Так продолжалось до тех пор, пока не выросла его единственная дочь Шехезахита и не превратилась в невесту изумительной красоты. Ей не исполнилось еще и четырнадцати лет, а стоустая молва уже всюду разнесла по степи весть о ее ослепительной красоте. Красота эта описывалась такими заманчивыми словами, что у многих жигитов и батыров явилось желание побывать в ауле Абдулгалима и попытаться счастья — посватать Шехезахиту; иные же не решались рассчитывать на удачу — для них было большим счастьем просто взглянуть на красавицу.

Но одно дело посватать Шехезахиту, другое — добиться согласия ее отца. Абдулгалим долгое время даже не хотел видеть искателей руки его дочери и приказывал всем им отвечать, что Шехезахита еще очень молода, и он пока не думает выдавать ее замуж ни за кого — приди хоть сам сын хана.

Между тем время шло, и Шехезахите минуло шестнадцать лет. Красота ее стала еще пышнее, и слава о ней распространилась по степи даже больше, чем молва о богатстве самого Абдулгалима. Услышал о ней и знаменитый среди жигитов и батыров Илентай. Он решил во что бы то ни стало добиться руки Шехезахиты, хотя мать Илентай, почтенная старушка, и уговаривала его отказаться от своего решения.

— Знаешь, — говорила она, — Абдулгалим имеет несметные богатства. Хотя и мы богаты, но всего нашего богатства недостаточно на уплату того калыма, какой требует жадный старик за свою дочь.

Однако сына нельзя было разубедить. Тогда мать попросила его дожидаться весны и перекочевать по соседству к аулу Абдулгалима, а там, говорила она, будет видно, что делать. Сын согласился. Наступила весна, и Илентай со всем своим скотом и имуществом двинулся к заветной цели. В одно прекрасное утро он наконец достиг летних пастбищ, расположенных близ аула Абдулгалима, и тотчас же захотел поехать к нему, но умная мать и тут остановила нетерпеливого сына и посоветовала поступить иначе: сначала найти женщину, которая имела свободный доступ к Шехезахите, и уговорить ее при помощи подкупа устроить свидание с красавицей. Такая женщина скоро нашлась, звали ее Зямал. Золото сделало свое дело, и Зямал согласилась устроить свидание.

Однажды Зямал пришла к Шехезахите и таинственно спросила:

— Милая Шехезахита, ты ничего не знаешь?

— Что случилось? — спросила Шехезахита. — Или отец просватал меня за старого жениха?

— О нет, не беспокойся, — сказала ей Зямал, — я сейчас узнала, что к нашему аулу прикочевал такой красивый жигит, каких ты и во сне не видела.

— Ты что-то, Зямал, скрываешь от меня, — с любопытством сказала Шехезахита, — не бойся, говори всю правду, я никому не скажу.

— Дело вот в чем,— начал Зямал,— к нашему аулу прикочевал Илентай, красивый собою, прикочевал издалика и именно для того, чтобы познакомиться с тобою и просватать тебя. Кроме красоты своей и знатности рода, Илентай очень богат, и, думаю, что отец твой останется доволен таким женихом. Но прежде чем сватать, Илентай желает видеть тебя и поговорить с тобой. Что ты скажешь на это?

Шехезахита едва устояла на ногах от охватившего ее волнения и долго молчала. Как быть? Страшно, ох как страшно прогневить сурового отца, да и как робкой и неопытной девушке идти на свидание с совершенно незнакомым жигитом?

— Ну, Шехезахита, решайся скорее,— торопила ее Зямал.— Такого жениха не найдешь. А тут вдруг явится какой-либо старик или урод, но богатый... Неужели тебе все равно?...

— Как же, Зямал, мне быть? — спросила робко Шехезахита.— А если кто узнает?

— Не бойся,— подбадривала ее Зямал,— положишься на меня. Завтра, чуть заря, пока еще в ауле спят, мы выйдем из юрты и пойдем к озеру, где в густом камыше переодетый оборванным байгушем будет ждать нас Илентай. Согласна?

— Согласна,— чуть слышно проговорила девушка.

Утром, лишь только занялась заря, Шехезахита и Зямал вышли из юрты и направились к озеру.

— Иди скорее, Шехезахита, нас могут увидеть,— торопила ее Зямал.

— Ой, боюсь! — шептала Шехезахита.— Не воротиться ли назад?

— Поздно! Слышишь, пастухи просыпаются и выгоняют скот из аула,— пугала ее Зямал.— Дадим им подальше отойти от юрт, тем временем нам нужно как можно быстрее спуститься к озеру, где уже ждет тебя Илентай.

Зямал схватила растерявшуюся от страха красавицу за руку, и они бегом пустились к озеру. Вот и озеро, и высокий камыш стоит как стена, не колышется. У девушки забилось сердце, как у пойманного зайца. Зямал тихо хлопнула в ладоши, и камыш затрещал, зашевелился, и из него сначала вынырнула шапка-малахай, а затем Илентай.

— Ты, жигит? — спросила Зямал.— Ты хотел видеть Шехезахиту. Она перед тобой. Смотри: хороша?

— Если бы у меня даже было полглаза... — начал Илентай, но Зямал перебила его:

— Илентай, не теряй времени на пустые слова! Скажи лучше, желаешь ли ты сватать Шехезахиту?

— Желаю ли?! — сказал Илентай. — Если на то будет согласна...

— А тебе, Шехезахита, нравится этот жигит? — спросила Зямал девушку. — Да говори же скорей!..

Вместо ответа девушка кивнула головой.

— И ты согласна стать моей женой? — уже решился спросить сам Илентай.

— Согласна, — был тихий ответ Шехезахиты.

— А будешь ли ты согласна бежать со мной, если твой отец не даст разрешения на наш брак? — спросил опять Илентай.

— Буду, — последовал ответ.

Илентай от радости подпрыгнул, подбросил малахай и быстро исчез в камыше, а Шехезахита с Зямал возвратились в свою юрту.

На другой день к аулу Абдулгалима на великолепнейшем аргамаке в роскошном халате лихо подъехал Илентай в сопровождении десятка нарядных и статных жигитов. Одного из них Илентай отрядил к отцу красавицы с просьбой о гостеприимстве, а остальные с ним стали дожидаться возвращения посланного. Сверх ожидания Абдулгалим просил гостей немедленно к нему пожаловать. Он уже успел проведать, зачем явился к нему Илентай, и знал о знатности его рода, красоте, а главное — жадного старика интересовало его богатство: таким женихом брезговать не приходится даже ему, Абдулгалиму. Да и то нужно сказать, что Шехезахита уже на возрасте, а тут еще вокруг аула бродят бесшабашные жигиты — того гляди похитят невесту.

Неприятная дрожь пробежала по телу Илентая, когда он увидел лежащего на ворохе подушек Абдулгалима, без бровей, с брюзглым лицом и отвислою нижней губою; беззубый рот его шевелился и издавал какие-то невнятные звуки. Пришлось объясняться при помощи толмача.

— Я знаю, Илентай, зачем ты пожаловал ко мне. Но так ли велико твое богатство, чтобы ты мог рассчитывать на мое согласие? — спросил Абдулгалим.

— За твою дочь, Абдулгалим, я готов отдать более половины всего своего богатства, — сказал Илентай.

— Не дурна твоя речь, Илентай,— сказал Абдулгалим,— сразу видно умного жигита... Я согласен.

Чтобы старик не передумал, Илентай в тот же день уплатил ему калым. Но вот беда: вскоре явился другой жених и предложил за Шехезахиту еще больший калым. Не устоял жадный старик — и просватал свою дочь и за этого жениха. Вслед за ним приехал в аул третий жених и стал давать вдвое больший калым. Долго упирался Абдулгалим, но страсть к наживе заставила его согласиться отдать свою дочь и за этого жениха.

Что теперь делать, как быть? Нельзя же одну невесту отдать трем женихам сразу. Удивительнее же всего было то, что Абдулгалиму и не приходила в голову мысль отдать два калыма обратно. Крепко задумался старый скряга, затосковал, перестал есть, лишился сна и даже стал мешаться умом. Между тем пришло время, когда женихи съехались в его аул, чтобы взять Шехезахиту. Тут-то они и узнали, что сделал с ними Абдулгалим.

Сначала женихи хотели отомстить Абдулгалиму, но дружно действовать не могли, так как сами перессорились из-за того, кому из них должна принадлежать Шехезахита: один кричал «моя!», и другой кричал «моя!», и третий — «моя!». Ни один не соглашался ни за что уступить другому. Наконец Илентай предложил решить спор судом. Отправились они к бию и потащили с собой Абдулгалима.

На суде Илентай доказывал, что он первый посватал Шехезахиту и первый получил согласие отца, следовательно, она должна принадлежать ему. Второй жених говорил, что он о сватовстве первого жениха не знал, а потому, раз Абдулгалим согласился выдать дочь свою за него, то он имеет полное право требовать ее себе. Третий жених говорил, что он также не знал о сватовстве первых двух, заплатил калым больше их, пусть они возьмут свои калымы обратно, он готов и еще на больший калым, только бы получить невесту.

Бию первый раз приходилось разбирать такое запутанное дело, тем более, что женихи не соглашались на взыскание с Абдулгалима своих калымов, и каждый из них желал завладеть невестой. Как бий ни был умен и справедлив, но примирить трех женихов чрезвычайно затруднялся: все они имели совершенно одинаковые права на невесту, и решить дело в пользу одного из них значило поступить несправедливо по отношению к двум остальным.

Между тем бий уже много лет славился по степи как один из самых мудрых судей, и потерять эту славу для него было бы очень прискорбно.

После долгих размышлений он было надумал рассудить так: пусть все три жениха получают свои калымы обратно и все вместе явятся к отцу невесты вторично сватать ее; на этот раз он, конечно, не посмеет просватать ее двоим или троим, а только одному из них. Но умный бий был дальновиден, он отлично понимал, что такое решение, хотя и будет беспристрастным, однако поведет к непримиримой вражде со стороны двух искателей руки невесты к ее отцу и будущему мужу, и вражда эта послужит причиной долголетних смут и обид между несколькими родами, а в роде и без того много неурядиц. Думал, думал бий, даже пот выступил на лбу. Наконец надумал:

— Видите,— обратился он к женихам,— я очень затрудняюсь рассудить ваш спор и прошу вас самих помочь мне. Вообразите себя на моем месте и будьте сами судьями вашего дела, но так, как будто бы это дело вас не касается. Скажите же мне, каким бы образом вы его решили?

Третий жених, надеясь на свое богатство и рассчитывая на корыстолюбие отца невесты, решил:

— Я бы присудил отдать невесту тому, кому согласится отдать ее отец.

— Пусть будет так,— подтвердил второй жених, я согласен на это, но с тем условием, чтобы передача невесты кому-либо из нас случилась не раньше двух недель.

За это время он решил во что бы то ни стало похитить невесту.

— Ну, а ты, Илентай, что же молчишь? — спросил бий первого жениха.

— Я бы отдал невесту тому, в чьей юрте она сейчас находится,— сказал Илентай.

Бий подозрительно и испытующе посмотрел в глаза Илентая и понял, что невеста уже принадлежит третьему жениху, но не подал виду, что знает это. Соперники же были уверены, что Шехезахита находится в юрте своего отца, и выразили полнейшее удовольствие по поводу глупого, как им казалось, решения Илентая.

— Вот, жигиты,— сказал бий,— вы сами добровольно и по общему соглашению решили ваш спор. Решение это я признаю справедливым, и пусть никто из вас не вздумает его нарушить. Теперь же отправляйтесь и беспрекослов-

но отдайте невесту тому, кому она должна принадлежать по единодушному вашему приговору.

При этом он многозначительно взглянул на Илентая и одобрительно кивнул ему головой. Нужно ли говорить, что в ауле Абдулгалима Шехезахиты не оказалось: жигиты Илентая при помощи хитрой Зямал сумели увести тайно красавицу в аул ее избранника в то время, когда судьба ее решалась на суде бия. Таким образом, остальные два жениха, следуя своему же приговору, должны были, хотя и с затаенной злобой к счастливому сопернику, покориться и ни с чем отправиться восвояси. А Илентай, опасаясь их мести, вскоре откочевал в родные края.

КУБУГУЛ И АКБЕЛЕК-СЛУ



ак-то батыр Кубугул видел сон: в стране калмыков на реке Хоргосом стоит богатый дом калмыка-батыра. У него есть дочь — красавица Акбелек-слу, которую отец держит в неволе. И эта красавица обратилась к Кубугулу с просьбой — вызво-

лить ее из неволи. Если он это сделает, то она выйдет за него замуж.

На другой же день Кубугул выехал из своего аула и после долгих странствий достиг берега реки, за которой стоял аул отца Акбелек-слу. Подъехав к реке, он увидел на другом берегу ту самую девицу, которую видел во сне. Возле нее была только одна старуха. Увидела девушка приближавшегося молодого всадника и быстро ушла домой.

Кубугул поздоровался со старухой. Потом стал просить ее, чтобы она устроила ему свидание с ее госпожой. Старуха сначала отказывалась, но когда Кубугул перекинул ей мешочек золота, то она сказала, чтоб он вечером ждал их.

Было уже темно, когда Кубугул заметил двух женщин, приближающихся к нему, это были Акбелек-слу и старуха.

Кубугул схватил девицу в свои объятия и нежно прижал ее к груди. Акбелек-слу сказала, что если он искал

ее и желает увезти, то пусть не медлит, так как в доме могут заметить ее отсутствие, и тогда им не сдобровать, так как отец ее считается самым сильным батыром во всем крае. При этом девица указала на лежащий недалеко от них камень и рассказала, что под этим камнем, за железными дверями стоит батырский конь и что взять его может тот, кто сдвинет этот огромный камень и разломает железные двери. Отец ее приходит сюда каждый день, но камень сдвинуть не может.

Выслушал Кубугул девицу, подошел к камню, взял его и отбросил на далекое расстояние, затем разломал железные двери и вывел оттуда коня. Кубугул посадил девицу на своего коня, а сам сел на батырского. Простились они со старухой и отправились в путь.

Всю ночь мчались они, перескакивая через реки и овраги. Утром подъехали к громадному озеру и остановились отдохнуть. Кубугул осмотрел все кругом, но никого не было видно, лишь дикие кони и сайгаки резвились на равнине вокруг озера да над озером носились тучи птиц, и их крик нарушал тишину летнего утра.

Кубугул хотел уже расседлать коней, как вдруг задрожала земля, и затем вдали показалось несколько всадников. С тревогою и испугом взглянула девушка на Кубугула. Несмотря на далекое расстояние, отделяющее их от всадников, Акбелек-слу узнала, что это едет ее отец со своими слугами. Кубугул успокоил девушку, а сам сел на своего могучего коня и помчался навстречу всадникам.

Девушка не успела еще опомниться от испуга, а Кубугул побил уже всех слуг отца своей невесты, а самого батыра, обезоруженного, привел на свой стан.

Акбелек-слу бросилась к отцу в ноги, стала просить у него прощения за самовольное бегство и за причиненное ему горе. Она стала просить благословения на вступление в брак с Кубугулом.

Отец поднял дочь свою и сказал, что если нашелся такой сильный и еще молодой жигит, который сумел выкрасть его Акбелек и вывести из-под земли коня, то против этого брака он ничего не имеет, да и не в силах был бы бороться с ним. Кубугул и Акбелек поблагодарили старого батыра и отправили домой.

После этого Кубугул оставил невесту, а сам пошел на озеро, чтобы убить на завтрак лебедя. Подошел он к бе-

регу и увидел лебедицу с малыми лебедятами. Взял Кубугул лук и прицелился, но в этот момент лебедица закричала человеческим голосом:

— Жигит, не стреляй в меня, одинокую, и не дай погибнуть моим малым детям, а спеши скорей к своей невесте и спаси ее от злого духа, который живет в этом озере. Знай, что на случай нужды я тебе буду полезна.

Кубугул быстро побежал к стану и увидел, что невеста его уже мертва.

Кубугул сейчас же отправился к лебедице и рассказал ей о своем горе. Лебедица на это сказала:

— Теперь злой дух улетел за море. Подводное свое жилище он запер, а ключ поручил хранить большой черной птице, которая летает над облаками над этим озером. И вот, если ты хороший стрелок, то высмотри в вышине эту птицу и застрели ее, а я возьму у нее ключи, отопру дом и найду там пузырек с живой водой, тогда и оживим девушку.

Кубугул долго смотрел вверх, наконец увидел в безоблачном небе черную точку. Натянул он лук и пустил стрелу. Послышался страшный шум — это пораженная стрелой птица неслась вниз с быстротою падающей звезды. Птица упала на середину озера, и вода затопила берега.

Лебедица быстро подлетела к птице, взяла ключ, нырнула на дно и свободно вошла в дом злого духа. Отыскав пузырек с живой водой, она всю ее забрала себе в рот, а вместо взятой воды налила из другого пузырька смертельного зелья и поставила на прежнее место. Затем заперла снова дом, повесила ключи на птицу, а сама тотчас же полетела к Акбелек-слу. Увидел это Кубугул и быстро побежал к стану, но не успел он добежать до него, как увидел, что невеста сама идет к нему.

Через несколько дней Кубугул с невестою благополучно прибыл в свой аул и справил большой той.

ПОХИЩЕННАЯ КРАСАВИЦА



прежние времена жил хан. У него была красавица дочь. В одну из ночей она исчезла. Встал хан утром, а дочери нет. Разослал он глашатаев, собрал свой народ, но никто не знает, куда делась его дочь.

Жила в эти времена одна старуха, было у нее семь сыновей — молодые жигиты, храбрые, находчивые. Если и мог кто отыскать дочь хана, так это только они. Хан знал про них. Вот он позвал их к себе.

— Если вы отыщете мою дочь, — сказал хан, — я вам уступаю свой трон, а если не отыщете — сниму с вас головы.

Делать нечего — пообещали братья отыскать ханскую дочь. Вышли они в степь на поиски, стали искать следы похищения. Долго искали и наконец попали на эти следы.

В те времена жил и другой хан, который был влюблен в красавицу. И этот хан обладал особым искусством: он надевал на себя шкуру беркута-великана и совершал полеты. А когда сбрасывал с себя шкуру, снова превращался в хана.

Братья и заподозрили этого хана в похищении красавицы. Они отправились в город, где жил хан-беркут. Пришли братья в город. Один из них обладал редкой ловкостью.

Вот этот жигит и решил отправиться за красавицей к хану-беркуту. Вошел он во дворец и видит: сидит птица-хранитель, а сам хан спит с девицей. Подошел он к птице-хранителю и начал ее гладить. Потом уселся под шест, на котором сидела эта птица, и не дает ей заснуть. Как только птица задремлет, он сейчас начинает трясти камыш. От шелеста камыша птица и просыпается. Так продолжалось почти до утра. Изнуренная птица наконец заснула. Жигит осторожно взял девицу и, подложив хану в объятия намавленную свернутую кожу, скрылся с девицей. Добрался он с ней до своих братьев. А оттуда все семеро с ханской дочерью отправились домой, к своему хану.





Проснулась птица-хранитель, смотрит — девицы нет. Тотчас же полетела она за семью братьями. Догнала их около берега реки. Братья сидели и ничего не замечали. Птица-хранитель стремглав опустилась, подхватила девицу и поднялась к небесам.

— Застрели, пожалуйста, эту птицу, — сказали братья Мергену, своему младшему брату.

— Пусть немного отлетит дальше, — ответил им охотник.

— Но ведь она улетит тогда совсем, — сказали шесть братьев.

Когда птица со своею ношей стала скрываться с глаз, охотник выстрелил и попал прямо в птицу, не причинив вреда красавице. Птица стала падать в озеро. Тогда братья сказали брату — ловчому:

— Как бы девица в озере не утонула. Ты схвати ее. Как только девица погрузилась в воду, ловчий подхватил ее.

Проснулся хан, глядит, девицы нет, птицы-хранителя тоже нет. Тогда он надел на себя шкуру беркута и полетел в погоню за братьями.

Увидели братья хана-беркута.

— Ты ведь хороший нырок, — сказали они одному своему брату. — Нырни, а мы последуем за тобой.

Ловкий нырок бросился с обрыва в воду и нырнул, за ним нырнули остальные шесть братьев. Заметив это, последовал их примеру и хан-беркут, но от сильного удара грудью о подводный камень разбился и умер.

Ловкий нырок вынырнул как раз против дворца своего хана. За ним вынырнули остальные братья. Явились они к хану и доложили, что привезли его дочь.

Хан выполнил свое обещание: дочь-красавицу отдал в жены одному из братьев, другому уступил свой трон, а остальных оставил при дворе.



ил некогда один богач. У него был единственный сын. Когда он достиг совершеннолетия, отец стал ежегодно посылать его одного на ярмарку. Первый раз он дал сыну тысячу рублей. Сын богача был неопытный в торговле и купил на эти деньги кошку.

Когда возвратился сын, отец спросил его:

— Сын мой, что ты купил?

Сын ответил:

— Я купил, батюшка, интересное животное, которое уничтожает мышей.

Ни слова не сказал на это богач.

Прошло время. Опять богач отправляет сына на ярмарку. На этот раз дал ему две тысячи рублей. Сын на эти деньги купил орла. Возвратился домой и говорит отцу:

— Отец мой, я купил такую птицу, которая, как ее выпустишь, не оставит в воздухе ни одной птицы.

Отец и на это ничего не сказал сыну.

В третий раз посылает он сына на ярмарку и дает три тысячи рублей. На это раз сын привел гончую собаку. И тут отец не стал упрекать сына за его глупую покупку. В четвертый раз отец посылает сына и дает ему четыре тысячи рублей. На этот раз сын купил большой ящик. Продавец предупредил, что ящик с секретом, и посоветовал вскрыть лишь в самом безвыходном и затруднительном положении: если ящик вскрыть ради любопытства, он принесет много вреда.

На этот раз купец окончательно убедился, что сын его глуп, и, не поинтересовавшись, что это за ящик, за который уплачены такие большие деньги, выгнал сына из дому.

Сын богача взял все свои покупки и пошел куда глаза глядят.

Долго ли коротко шел юноша, устал и сбросил ношу на землю. Вспомнил он слова продавца и вскрыл ящик. К его ужасу, на дне ящика лежала большая змея. От испуга купе-

ческий сын упал в обморок. Когда он очнулся, змея заговорила человеческим голосом:

— Купеческий сын, я рада, что ты купил меня. Я принесу тебе пользу. Слушай: унеси меня к моим родителям, и они наградят тебя. Животных и птицу оставь пока здесь.

Змея рассказала, где находятся ее родители, и сын купца решил испытать свое счастье. Дошел он до норы, где жили змеи, остановился и открыл ящик. Змея выползла, заползла в большую нору и вскоре воротилась с зеленым камнем в пасти. Отдала она камень купеческому сыну и сказала:

— Вот, родитель мой награждает тебя этим камнем за твою услугу, оказанную мне. Этот зеленый камень волшебный. Он будет исполнять все твои желания. Теперь воротись к своим животным, оставленным по дороге.

Сын купеческий решил тут же проверить силу волшебства и крикнул камню:

— Доставь меня к моим животным!

Едва успел он это сказать, как невидимая сила моментально домчала его по воздуху невредимым на место. Обрадовался сын купца, снова приказал камню:

— Унеси нас теперь в дальние страны, где меня никто не знает.

И только сказал это, как приказание его было выполнено: он очутился с животными в неизвестной стране. Зашел он в первую бедную хижину — его с радостью встречают старик со старухой. Стал он жить у них за сына, каждый день ездил на охоту и добычей кормил стариков.

Однажды выезжает он на охоту рано утром и видит: всходят два солнца. Удивился купеческий сын, поскорее вернулся домой и рассказал о виденном. Выслушала его мать и ответила:

— Это дочь известного хана Рустема сегодня встала рано, вместе с солнцем. Она первая красавица в нашем ханстве, и ее пленительная красота озарилась солнечными лучами.

Потерял покой купеческий сын, решил он во что бы то ни стало увидеть эту красавицу и жениться на ней. Стал он просить мать сходить к хану и посватать его дочь. Долго не соглашалась старуха, наконец уступила сыну.

Сын велел ей рано утром пойти к хану и подметать около его юрты. Когда ее увидят и спросят, зачем она тут, то пусть скажет, что пришла сватать дочь хана за своего

сына. Хан прикажет бросить ее в яму. Но пусть она не боится, волшебный камень не даст ей упасть на дно ямы, и она благополучно вернется домой.

Старушка на следующий день еще до восхода солнца отправилась к юрте хана. Когда она пришла, все спали. Спала и красавица. Но вскоре все проснулись. Проснулся и сам хан. Он заметил старуху. На вопрос хана, зачем она здесь, старуха сказала, как ее учил сын. Оскорбленный хан приказал рабам отвести старуху в яму-темницу. Рабы исполнили приказание хана, но, к счастью старухи, вместо того, чтобы упасть в пропасть, она сразу очутилась дома. На другой день рано утром она опять пошла к хану сватать его дочь за своего сына. На этот раз хан приказал своим женам отравить старуху. Но на третий день старуха опять пришла сватать дочь хана. Хан удивился настойчивости старухи и приказал казнить ее. Старуху разрубили на части и сожгли. Но благодаря зеленому камню она снова ожила и в четвертый раз пошла к хану. Увидел ее хан, испугался. Он убедился в чудодейственной силе старухи и согласился отдать дочь за ее сына, но сначала она должна доставить ему калым: сорок вороных белоногих иноходцев, сорок таких же бегунцов, сорок одногорбых верблюдов одной масти, сорок таких же коров, сорок баранов, сорок коз одношерстных и в одну ночь построить золотой дворец между землей и воздухом, без устоев, и вырастить два тополя: один из драгоценных камней, другой — серебряный, и оросить арыком. Тогда только он согласится выдать свою дочь за сына старухи.

Бедная старушка с поникшей головой воротилась домой и рассказала обо всем сыну. Сын накормил ее и уложил спать, а сам вышел на улицу, поговорил с волшебным камнем, воротился в юрту и улегся спать. На другой день утром проснулся хан и видит перед собой дворец, золотой, воздушный, так и сияет весь, а вокруг скот пасется. Тут хан посылает визирей за женихом и венчает свою прекрасную дочь с купеческим сыном.

Вскоре хан умер. Его место занял зять и стал управлять народом. Но, несмотря на все это, молодой хан не оставил привычки охотиться. Каждый день рано утром он ездил на охоту, и вот однажды на охоте хан встретил незнакомую старуху. Она стала просить хана взять ее к нему в услужение. Молодой хан из жалости привез ее к себе. Старуха заметила, что в доме вовсе нет слуг, но всю до-

машнюю работу исполняет какая-то невидимая сила. Тогда старуха спросила ханшу, что это значит. Та рассказала ей, что у мужа есть волшебный камень, который все выполняет. Тогда старуха попросила ханшу, чтоб она уговорила мужа не брать с собой камень, оставить его дома. Ханша упростила мужа. Он оставил камень дома, а сам уехал на охоту. Тут старуха, воспользовавшись отсутствием хана, взяла камень и приказала ему отвезти за тридцатое царство золотой воздушный дворец вместе с ханшей. Приказание старухи было исполнено, и молодая ханша очутилась в чужой стране. Она вышла замуж за другого хана, который нарочно посылал хитрую старуху. За свою хитрость она получила от хана много золота.

Когда хан возвратился с охоты, то ничего не нашел на месте дворца. Он понял, что это дело рук старухи. Бедный, без жены и волшебного камня, тайком от своих подчиненных скрылся он и поселился около одной реки, где занимался ловлей рыбы и кормил этой рыбой орла, кошку и гончую собаку.

Однажды собака с кошкой разговорились: хозяин наш купил нас за такую большую сумму, а мы вместо пользы приносим ему вред. Постараемся разыскать ему волшебный камень. И вот, когда их хозяин спал, они отправились разыскивать волшебный камень. Долго они искали, наконец очутились в стране, где проживала жена их хозяина. Тогда они стали обдумывать, как добыть этот камень. Они явились во дворец хана и стали ласкаться к хану. Хану понравились животные, и он оставил их при дворце: кошка во дворце, а собака на дворе. Узнала кошка, что волшебный камень постоянно находится во рту хана. Однажды, когда хозяин ужинал, кошка поймала мышонка и живо проглотила его. Хан заметил это и толкнул кошку. Тогда кошка выбросила мышонка обратно. Хан увидел это, плюнул и выплюнул камень. Кошка быстро схватила его и выскочила во двор. Там она передала камень собаке, и они помчались к своему хозяину.

Бежали они, бежали — добежали до реки, где жил их хозяин. Надо переправляться через реку. Кошка говорит собаке:

— Я сяду на твою спину, передай мне камень, ты при переправе можешь устать, и волшебный камень выпадет из пасти в воду.

Собака не дала и во время переправы уронила камень в воду. В это время летела утка над ними, она схватила камень и полетела дальше. Но орел заметил это. Он полетел за уткой, поймал ее и принес хозяину.

Так камень возвратился к владельцу. Тут рыбак приказал волшебному камню немедленно доставить его жену и дворец золотой. Золотой дворец с женой, ханом и хитрой старухой были доставлены. Купеческий сын убил хана, старуху и свою жену, а сам со своими животными и с волшебным камнем отправился странствовать.

О ЖЕНСКОМ ХАНСТВЕ



то было давно... Это было тогда, когда и земля, и небо, и люди, и обычай — все было не такое, как теперь.

Большое на земле ханство было. Только оно одно и было такое, и никогда оно уже больше не повторится.

В этом ханстве ханом была женщина. Визири были тоже женщины. Хана звали Занай. И сидела Занай в городе Самирам.

Чудный это был город. Совсем не такой, как нынешние города. Стоял он не на земле, а высоко над нею на тридцати семи тысячах столбах. И никто не мог в него войти своею волею. Может быть, потому и держался он так долго. Были в нем и мужчины, но было их немного. Они сидели дома взаперти, убирали да малых детей нянчили — и не всех детей, а только мальчиков: девочки все были собраны в одно место и жили во дворце хана Занай, пока не вырастали.

А женщины делали все: и совет держали, и народ судили, и на войну ходили, и на охоту...

Новорожденных девочек всех оставляли, а мальчиков собирали вместе, клали в ряд, оставляли только одного живого из ста, а остальных сбрасывали вниз волкам, тиграм, львам и птицам хищным на растерзание. Выбирала того мальчика, одного из ста, счастливого, кому жить, вы-

растать можно было, старая и слепая старуха. Сама судьба, без ее воли, руками ее правила.

Раз пришло время родить самой Занай, хану этого города...

Когда осенью небо снимает свой халат и надевает серый, оно начинает плакать над землею, и много слез падает сверху на землю, вздуваются реки, наполняются до краев озера, а на небе слез все не убывает. Точно так начала плакать слепая старуха, когда пришло время родить Занай. И долго она плакала; целые реки слез вытекли из глаз старухи.

Собрался народ вокруг плачущей. Стали спрашивать:

— Чем вызваны у тебя эти слезы?

— Горе великое собирается над нашими головами, — сказала старуха, — и это горе сидит теперь во чреве нашей Занай. Она родит не девочку, а мальчика, и погубит этот новорожденный наше бабье ханство.

Старуха заплакала еще сильнее, так вся слезами и изошла, растаяла. Осталось от нее только место сырое, и то скоро на солнце высохло.

Задумалась Занай, а народ весь женский задумался еще больше. Собрался большой совет из старейших. Думал этот совет тридцать семь дней и тридцать семь ночей и ничего не выдумал.

Собрали тогда совет из молодых. Думал этот совет тридцать семь дней и тридцать семь ночей и ничего не придумал.

Решили собрать самых маленьких детей, и самая меньшая из них девочка — от земли только две ладони — говорит Занай и всему народу:

— О чем же вы грустите и задумались так? Когда Занай, наш хан, родит мальчика, возьмите его и сбросьте вниз волкам, львам, тиграм и птицам хищным на растерзание. Не кладите его в ряд, чтобы судьба его в живых не оставила.

Сказала это она, и всем в городе стало веселее. Узнали, как легко от злой беды-погибели отделаться. Только Занай, мать злополучная, еще больше прежнего задумалась, сидит на ковре золотом и глаз на народ поднять не хочет.

Догадались тогда, какой змей гложет ханское сердце. Отобрали двух приставниц, самых злых, самых зорких, и к хану сторожить роды приставили. Заперли Занай в ее

женском дворце вместе с злыми, зоркими приставницами. Наказали им строго следить, как бы Занай, ради своего материнского сердца, ханство все не погубила.

Долго мучилась, крепилась Занай, а пришло уже последнее время, до родов только два раза должно было солнце подняться и два раза за землю опуститься.

Заговорила тогда Занай, мать злополучная, со своими слугами, зоркими приставницами.

— Дам вам золота столько, сколько с собою унести сможете, халатов цветных столько, сколько до ваших домов по земле уложить сможете... Спасите, сберегите моего сына.

— Нет! Этого мы сделать не сможем,— отвечали ей злые, зоркие приставницы.

— Позволю вам мужей выбирать по себе, не по жребью, а кого хотите. Позволю вам у других жен отбирать мужей, только спасите мне мое детище,— упрашивала Занай.

— Нет! Этого мы сделать не сможем,— отвечали ей злые, зоркие приставницы.

Только три часа до родов осталось. Подошли к ней, к Занай, ее злые, зоркие приставницы. Заиграло у Занай сердце радостью. Стали приставницы между собой перешептываться.

— Не хотим мы себе мужей брать из здешних,— сказали они,— а дай нам мужей из тех, что внизу ездят, кому в город наша дорога запрещается.

Долго крепилась Занай, не давала этого позволения, а в последних муках, когда голос новорожденного услышала, согласилась и говорит злым, зорким приставницам:

— Берите себе мужей из тех, что внизу ходят, только спасите, сберегите мое детище.

Тогда взяли новорожденного злые, зоркие приставницы, спрятали его, а к Занай девочку положили. Потом вышли к народу и говорят:

— Обманула вас слепая старуха. Оттого она и умерла, что позволила своему языку на старости лет неправдою ворочаться. Родила Занай девочку, а не мальчика. Вот она, эта новорожденная. Идите все поздравлять своего хана, несите подарки родильные.

И пошли радость да веселье по всему городу, по всему ханству женскому, и понесли со всех сторон хану подарки

родильные: адрассы¹, платки индийские, золото, сапар и нан²; погна́ли к хану лошадей, овец и верблюдов, каждого скота по тысяче, а злые, зоркие приставницы давно себе мужей высмотрели: два туркмена там ездили — шапки на них черные, глаза из-под тех шапок горят, как звезды из-за туч ночных, халаты золотом шитые, а кони все с головы до копыт каменьями дорогими обвешаны. Спустили они им лестницы и подняли в город вместе с их конями разукрашенными.

Каждый день солнце поднималось на небо, каждый день спускалось оно за землю, шло чередом время — за днями недели, за неделями месяцы, за месяцами годы. Растет да вырастает ханский сын у чужой матери, подрастает и ханская дочь-подкидыш. Всласть утешается Занай, издали на своего сына гляючи, всласть утешаются со своими мужьями злые, зоркие приставницы.

Прошло десять лет. Никакой беды не было над ханством, ниоткуда ее и не чуяли. Стала тогда Занай и ее злые, зоркие приставницы про себя посмеиваться над старухою-предсказательницей. Вырос ханский сын, краше всех мужчин в городе стал, и назвали его Искандером. Только одно такое имя и было во всем городе.

И стали на небе тучи скапливаться, и нависли эти тучи как раз над городом женского ханства. И недобрым духом от этих черных туч веяло. Большая беда-горе в степном ветре чувствовалась. И настало время тяжелое, беда горькая, откуда ее и не ждали.

Стали мужчины между собой поговаривать, стали они между собой перешептываться, стали они на женщин косо посматривать. А после собрались все посреди города на большой площади, стали в круг, и среди этого круга сын Занай. Заговорили тогда мужчины. Все заговорили, а только один голос слышался. Все головы думали, а бодро одна голова за всех думала. Это голова Искандера. Вот и говорят мужчины женщинам:

— Не хотим мы больше вашего порядка, старого, бабьего. Не хотим больше вашего хана-женщину. Выбрали мы себе хана нового, хана Искандера. А с новым ханом и время для нас пришло новое. Сами мы будем и народом править, и на войну ходить, и на охоту — сами будем жен

¹ Адрассы — полущелковая узорная ткань.

² Нан — хлеб.

себе выбирать. Вы, женщины, идите на наши места, во дворы ступайте детей качать да варить плов, шить нам халаты. Не позволим больше сыновей наших вниз бросать волкам, тиграм, львам и птицам хищным на растерзание. Отдайте нам ваши шлемы, шапки железные, а себе возьмите котлы чугунные и кумганы медные. Отдайте нам клычи¹ острые, пики длинные, арканы тягучие, крепкие луки и стрелы, волосом оперенные, а сами возьмите иглу да лопату, кочерги, ложки, чтоб в котлах мешать. Не хотите волею отдать, возьмем силою. Выходите все женщины на бой с нами. Чья сила возьмет, того и верх будет.

Собралось женское войско. Сама ханша мечом опоясалась. Бились с мужчинами тридцать семь дней и тридцать семь ночей. Залили кровью все улицы, все площади, и взяли верх над мужчинами женщины. А потому взяли, что у мужчин были одни кулаки да руки голые, а у женщин пики, стрелы, клычи. Да мужчин было мало: по одному на сто женщин.

Окружили женщины мужчин тройною железною цепью, а их хана с головы до ног волосяными арканами опутали. Собрался суд. Стали судить непокорных. Судить того, кто всему ханству горем был, кто среди круга стоял, кто сильнее всех с женщинами бился.

Присудили хана Искандера к смертной казни, к злой, лютой смерти, и такой, чтоб всем, глядя на нее, страшно было. Присудили судьи вырезать у него сердце кривым острым ножом и высоко сердце это на длинной пике над городом выставить, а потом снять с него кожу с живого, и снимать эту кожу медленно, каждый час по одной ладони. И казнить его, Искандера, должна сама Занай.

Вывели Искандера на высокое место, чтобы всем в городе было видно. Чтоб все видели эту лютую казнь и радовались.

Подошла Занай к приговоренному, смотрит на него, а сама ничего не видит. Не видит она ни сына своего злополучного, ни народа, что вокруг толпился, ни города своего, ни двора ханского, и неба не видит. Солнце глаза не слепит ей. Все затянуло перед ней слезами, туманом. И текут эти слезы двумя реками широкими по бокам, обе на запад, к морю далекому, песками окруженному².

¹ Клыч — сабля.

² Легендарное происхождение рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи.

Тяжело матери поднять нож кривой острый на свое дитя, и рука у нее стала словно железом окована. И заговорила тогда Занай со своим народом женским. Стала признаваться, каяться:

— Обманула я вас, погубила и себя и ханство все женское, а помогли мне в том мои слуги верные — злые, зоркие приставницы. Родила я сына, а не дочь и от вас его спрятала. Вот он, сын мой. Правду сказала слепая старуха. И над правдою той мы смеялись. Легче мне кривой нож на себя поднять и ханство погубить, чем ударить им сына своего. Мое родное детище... Я виновата, пусть и погибну первая...

И ударила себя Занай ножом этим заостренным прямо в грудь, в самую середину сердца. Пала она мертвая на свой ковер, золотом вышитый. Дрогнуло небо, черною тучею затянулось, и пошатнулись столбы высокие города. Как одна, вздохнули все женщины, а мужчины все обрадовались. Страх напал на женщин, разбежались они по своим домам от страха, спрятались, а оружие свое бросили на площади.

Подняли то оружие мужчины, наложили замки тяжелые на двери домов, где женщины спрятались, и стали городом управлять по-своему.

ЗНАЯ СКАЗКИ, НЕ УТАИВАЙ ИХ



оехал жених с друзьями к своей невесте. По обычаю, в эту ночь все должны были рассказывать сказки друг другу. Наступил вечер. Друзья жениха, невеста и ее сестра рассказывали сказки. Пришла очередь жениха: он отказался, отговариваясь незна-

нием сказок. Ему не хотелось терять из-за сказок весеннюю ночь, и без того короткую; хотелось скорее остаться наедине с невестой. Удивились гости. Недовольны были и родители и сестра невесты.

Легли спать. Жених остался с невестой. Не спалось сестре невесты. Ей хотелось послушать сказки, которые

рассказывает, как она думала, теперь жених своей невесте. Она стала подкрадываться к юрте, где были молодые. Вдруг видит: с двух сторон к этой же юрте приближаются два привидения. Они были сердиты на жениха и сговорились наказать его за то, что он не стал рассказывать сказки.

— Завтра после венчания,— говорит первое привидение,— они поедут к жениху. Я на дороге сделаюсь ручейком. Так как будет стоять сильная жара, то жених направится ко мне и будет пить воду. Я обращу его в насекомое.

Это привидение было сказкой о насекомых.

— А я обращусь в золотой нож с серебряной шейкой,— сказало второе привидение,— и буду лежать на дороге, на дневном расстоянии от тебя. Когда жених возьмет меня в руки, то я обрежу ему пальцы, и он обратится в нож.

Это привидение было сказкой об оружии.

Так решили наказать жениха привидения за то, что он знал сказки, но утаил их от гостей.

Утром было венчание. В полдень новобрачные навьючили приданое на верблюдов и отправились от невесты к жениху.

Сестра невесты стала проситься, чтоб они взяли ее с собой. Но жених отказал ей в этом. Тогда она поймала лучшего бегунца из стада и поехала за ними следом.

День был жаркий. Караван искал воды. Жених ехал впереди и высматривал, нет ли где колодца или ручейка. И вот видит он ручеек. Направился к нему, чтобы узнать, какая вода в нем, можно ли повернуть к ней караван. Заметила это сестра невесты, помчалась на своем бегунце, обогнала жениха, приехала к ручью и опоганила в нем воду. Рассердился на нее жених, поругала и сестра, но она не обратила на это никакого внимания.

Поехали дальше. Прошли день. Вдруг жених видит, что-то блестит на дороге. Это лежал нож золотой с серебряной шейкой. Жених поскакал туда, а сестра невесты обогнала его, схватила нож и разломала на мелкие части. Рассердился жених. Поругала и сестра. Стали ее спрашивать, почему она так поступила?

— Что я ни делаю — за все мне выговор,— сказала она.— Вот я и поступаю так.

Когда приехали к жениху, то рассказали обо всем ро-

дителям. Отец жениха позвал сестру невесты к себе и спросил, почему она так поступала?

Рассказала она обо всем. И когда все узнали, стали ее благодарить и преподнесли ей богатые подарки.

ТРИ ДЕВУШКИ И ПРОЖОРЛИВАЯ СТАРУХА



прежние времена жил один богач. У него было три дочери. Они очень много ели, и богач не любил их за это. Вот он решил от них избавиться.

— Любезные мои,— сказал он им,— сегодня возьмите по ведру и сходите в лес за ягодами.

А ведра он им дал с худым дном. Девушки не знали этого. Взяли они ведра и пошли в лес. Долго пробыли там, собирая ягоды. Отец в это время откочевал в другое место. Возвратились девушки домой, а там пустое место. И нашли они на прежнем месте, где стояла их юрта, зеркало, гребень и иголку. Переночевали они, а наутро отправились на поиски своих родителей. Шли, шли они — и пришли наконец к одной жулаймейке¹, в которой жила жалмауыз-кемпир. Когда они вошли, то застали там маленькую девочку — дочку жалмауыз-кемпир. Девушки спросили ее:

— Где хозяйева этого дома?

— Хозяйка этого дома я да мать моя — жалмауыз-кемпир,— ответила им девочка.

Перепугались девушки, но остались ждать до вечера. К вечеру пришла жалмауыз-кемпир. Увидела она девушек, обрадовалась:

— Будет мне не один обед!

Утром она собралась уходить.

— Свари и приготовь мне младшую,— сказала она старшей из девушек и ушла.

К вечеру вернулась жалмауыз-кемпир. Девушки сварили ей в котле маленькую девочку, а сами убежали. Котел

¹ Жулаймейка — конусообразная кибитка из войлока.

кипел. Жалмауыз-кемпир подошла к котлу и стала есть мясо. Когда уже все кончилось и осталась одна голова, она узнала, что это была ее дочь. Погналась жалмауыз-кемпир за девушками. А те увидели ее, старшая из них бросила гребень — сделался большой лес. Вырвала свой зуб жалмауыз-кемпир, сделала из него топор и стала рубить деревья. Порубила и стала опять догонять девиц. Средняя сестра тогда бросила иголку — поднялись высокие горы. С трудом через них перебралась жалмауыз-кемпир и снова побежала вдогонку. Тогда младшая сестра бросила зеркало — образовалось озеро. Не могла переплыть это озеро жалмауыз-кемпир и спрашивает девушек:

— Как вы переплыли?

— А мы привязали к шее камни и плыли, — сказали они ей.

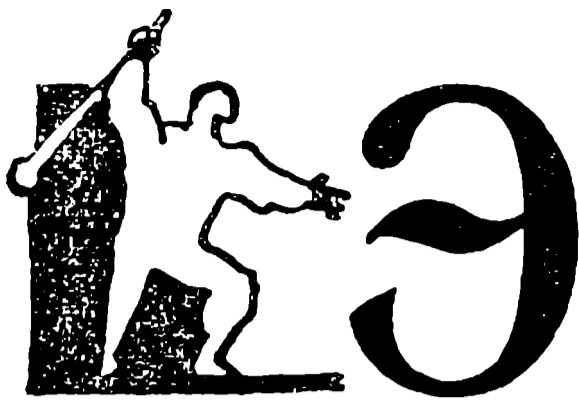
Привязала старуха большой камень к своей шее, спустилась в воду и утонула. А девушки отыскали свой дом.



СКАЗКИ
О
ЖИВОТНЫХ







то было давно, когда звери сами выбирали себе царей и судей. И вот однажды звери выбрали царем льва, а лисицу бием. Ворона согласилась быть караульщиком, сойка — доставлять вести, а кошка пожелала быть благочестивым монахом, суфием.

— Что ж, — сказала лисица, — если против меня ничего не имеете, я согласна быть бием, наставлять уму-разуму и доносить обо всем льву. Я согласна, но при условии: если вы дадите гарантию, что моя шкура уцелеет от беркута, если я буду ходить невредимой от охотников и, наконец, если за моим хвостом не будут гоняться собаки.

Тут все решили дать лисе право распорядительницы, так как она умная и все знает.

После выборов лиса ежедневно стала доставлять льву на обед по одному животному из какой-либо породы зверей. Сама она пользовалась остатками со стола льва.

Как-то лисица встретила верблюда, отставшего от каравана, и уговорила его пойти ко льву, показаться. Верблюд сейчас же был растерзан, и его мяса хватило на несколько дней. После этого лисица встретила быка. Она предложила ему бросить свою работу на пашне и присоединиться к их компании. Она сказала быку, что если он будет служить у льва, то ни один человек его не сможет заставить трудиться на пашне, он будет постоянно жиреть и жить в свое удовольствие. Бык согласился.

— Я ваша слуга, — сказала лисица льву, — и привела к вам быка. Он не щадит своей жизни ради вас и пожелал быть вашим подданным.

Лев причислил быка к своей свите третьим лицом. Первым лицом был носорог, а вторым слон.

Уже лиса доставила к столу льва из каждой породы зверей по две туши. Дошла очередь до лисьего рода. Что делать? Лиса пустилась на хитрость. Вот она и говорит быку:

— Слушай, бык! Лев как будто переменял к тебе свое отношение. Видимо, он сердится на тебя. Ты зареви громче, и всех напугаешь. Лев тоже испугается тебя.

И действительно, когда бык заревел во все горло, то лев сильно перепугался. Он не знал, что это кричал бык, и подумал, что ревет сильный зверь, который, чего доброго, может у него отнять царскую власть. Но в это время к нему прибежала лиса, приветствовала его и сказала:

— О мой повелитель! Я вижу, печальны вы! Поведайте причину своей печали. Если у вас появился враг, то я уничтожу его.

— Хорошо,— сказал лев.— Я поведаю причину своей печали. Но ты дай слово, что никому не скажешь?

— Если я скажу кому-нибудь,— клялась лиса,— то пусть меня съест беркут, пусть меня укусит за хвост собака и чтоб мне попасть в капкан.

Лев рассказал ей, что слышал рев какого-то сильного зверя. Прежде такого сильного голоса он не слышал.

— Если у кого громкий голос,— сказала лиса,— то это еще не значит, что зверь сильный.

Сказав это, лиса побежала к быку.

— Лев тебя испугался,— говорит она.— Ты должен пойти к нему. Когда подойдешь, ощетишься, рой землю ногами, наклони голову, вытаращи глаза и выставь рога. Если лев на тебя будет сердиться и махать хвостом, ты не бойся, подойди ближе и пырни его рогами. Он сейчас же убежит от тебя, испугается.

Убедилась лиса, что бык ее послушался, побежала ко льву и предупредила его о приходе быка. Посоветовала льву быть с быком осторожней.

— Когда бык станет подходить к вам,— учила лиса,— он непременно ошетинится, будет рыть землю, вытаращит глаза, выставит вперед рога и пойдет на вас. Это будет признаком его вражды к вам. Вы немедленно должны учинить с ним расправу.

И вот бык пришел ко льву: ошетинился, начал рыть землю, вытаращил глаза, выставил рога вперед...

Лев перепугался, зарычал, замахал хвостом, выпустил когти, сделал прыжок и задрал быка.

Лиса торжествовала. Для всех был праздник, мясом быка лакомились несколько дней. Негодовала только мышь:

— Что же это в самом деле такое?.. Все звери из своего рода дали льву на обед по две туши, а лисицы все невинны. Нужно взять и из их рода. Лиса нас всех обманывает, не нужен нам такой бий.

Недовольство зверей дошло до лисицы. Пришла она ко льву и говорит:

— У меня стало очень много врагов, и все это из-за вас. Конечно, вы убьете и съедите меня, но у вас ведь тоже есть враги: носорог и слон. Советую вам их уничтожить, а потом уже есть меня.

Лев сказал ей, что он не знает, как справиться с ними. Лиса предложила свои услуги.

— Я берусь их уничтожить,— сказала она.— Носорога утоплю в реке, а слона спущу в пещеру.

Сказав это, она выкупалась в воде и прибежала к носорогу.

— Я сейчас переплывала реку. На той стороне видела много носорогов. Корма там прекрасные. Они пасутся беззаботно и просили вас перейти к ним. У льва вы ничего хорошего не найдете.

— А там глубоко? — спросил носорог.

— Да, для меня глубоко, а вам вброд можно перейти. Носорог бросился в реку, забежал вглубь и утонул.

Расправившись с носорогом, лиса побежала в сад, набрала винограда и рассыпала его около пещеры. Затем она побежала к слону и сказала, что возле пещеры с неба сыплется виноград да такой сладкий — она мокрая стала и вся засахарилась от него. Слон попросил показать дорогу к пещере. Лиса охотно согласилась.

Когда слон пришел к пещере, то ему показалось, что винограда мало. Лиса на это ему сказала, что виноград боится его взора, и поэтому не сыплется с неба. Она рекомендовала слону собирать виноград с закрытыми глазами. Слон последовал совету лисы и попал в пещеру. Через некоторое время слон погиб.

Лиса обо всем рассказала льву. Царь зверей пришел в восторг и стал говорить лисе, что теперь он сможет ее съесть спокойно.

Услышав это, лиса изменилась в лице, в глазах у нее потемнело, ошетинилось шерсть...

Лев схватил лису, стал спрашивать, почему она никого не дала ему из своего рода и сама не шла.

Лиса оправдывалась занятостью: рыскала по лесу в заботах о его столе. Как-то раз она откормила лисицу и вела к нему, но по дороге ее встретил другой лев и отобрал откормленную лисицу. Сказала это лиса и зарыдала.

Лев сжалился над ней и спросил:

— А где тот дерзкий лев, который отнял у тебя откормленную для меня лисицу?

Лиса взялась проводить льва. Она привела его к колодезю и сказала, чтоб он посмотрел в колодезь.

Лев увидел внизу свое отражение и поверил, что это и есть тот дерзкий лев. Он выпустил когти и бросился в колодезь. А лисица убежала, довольная своей проделкой.

КОТ, ТИГР И ЧЕЛОВЕК



тигр встретил в лесу кота.

— Ты очень похож на меня, но почему ты такой маленький, даже меньше моих детенышей? — спросил тигр.

— Я был в руках человека, — ответил кот.

— Что ж, тебе пить-есть не давали?

— Что ты, что ты! — ответил кот. — Давали, даже от холода на печку прятали, от сильной жары берегли.

— Тогда не понимаю, отчего ты не вырос.

— Наверное, от страха перед человеком.

Захотелось тигру посмотреть на страшного человека. Кот повел его к людям. На лугу встретились коровы. Тигр первый увидел их и крикнул:

— Вот, наверное, люди!

— Нет, это коровы, их человек ест, — сказал кот.

«Действительно, наверное, большие и страшные это звери, если проглатывают таких животных с рогами», — подумал про себя тигр.

Идут дальше. Увидели слонов. Тигр принял их за людей.

— Нет, на них люди ездят, — сказал кот.

Тигр даже немного струсил.

— Вон, вон человек! — крикнул кот.

Тигр стал смотреть выше леса.

— Да нет! Вон, видишь, стоит у дерева старик и рубит, — показывает ему кот.

— Эх ты, трусливый котик, каких ты людей боишься.

И тигр смело пошел к человеку.

— Что ты делаешь? — спросил он его.

— Дерево рублю. Помоги мне, — ответил человек.

— Ишь ты какой! Ты вкусно пахнешь, я тебя съем, — зарычал тигр.

— Тигр, пожалей меня: у меня маленькие внуки, они без дров замерзнут.

— А ты зачем кота обижаешь?

— Да что ты, тигр? — удивился человек.

— Кис-са-нька, кис-са-нька! — ласково позвал старик кота.

Кот вскочил ему на грудь и стал мурлыкать песенку. Кот тоже сказал тигру:

— Не трогай моего хозяина, не будет в доме дров — не будет для меня зимой теплого местечка.

— Ну, хорошо, — прорычал тигр человеку, — я тебе помогу нарубить дров, чтоб кот не замерз, а потом я тебя все равно съем.

И сильный тигр стал помогать старику. Он прямо лапами стал ломать большие деревья. Стали они вместе работать, а старик думает, как бы ему от тигра спастись. Вот стал старик учить тигра, как скорее деревья ломать.

— Вот, вот сюда, рядом с этим клином, засовывай лапу, — сказал ласково старик.

Когда тигр глубоко засунул лапу, старик выдернул клин. На весь лес завизжал зверь.

Кот зажал лапками уши, спрятался в траву. Когда человек топором убил тигра, он нашел кота. Взял его за шиворот и, стегая прутом, приговаривал:

— Не шляйся по лесам, не шляйся по лесам! Сиди больше на печке.

Вот почему тигры бросаются на человека, а кошки не ходят в лес — сидят больше на печке.



лупый верблюжонок убежал в степь. Пока сыт был и солнце грело, он прыгал и весело кричал:

— Крхммс — хх!..

Но когда солнце скрылось и он захотел есть, грустно стало. А как волки в кустах завывали «У-у-у-у!», страшно стало верблюжонку, и он заплакал. Бегает в темноте, слезы роняет на землю, а кричать сильно боится, волки услышат — съедят.

Волки на ветру чуют запах верблюжонка и на все голоса перекликаются:

— Вкусное мя-я-со! Молочный верблюжонок!

Не жалея своих тонких ног, бегал верблюжонок, спасаясь от волков. Эта страшная ночь показалась верблюжонку длиннее всей прожитой жизни.

Но вот наступило утро, и солнце снова взошло. Убежали волки и спрятались в овраге. Обрадовался верблюжонок солнцу. Крик верблюжонка слышали в юртах, и два человека прибежали к нему. Верблюжонок увидел людей и бросился к ним со всех ног. К одному приласкается, к другому бросится — радости нет конца.

— Это мой верблюжонок! — сказал один.

— Нет, мой. Видишь, он ко мне подбежал, — перебил второй.

Заспорили тут два человека о глупом верблюжонке. Тогда решили идти к судье, о мудрости которого говорили по всей степи.

Едыге — так звали этого судью — выслушал их спор и сказал:

— Приведите ваших верблюдиц.

Когда хозяева пригнали верблюдиц, Едыге спрятался за кучу кизяка и завыл волком. Верблюдицы подняли головы, а верблюжонок закричал. На крик верблюжонка из стада выбежала верблюдица и стала облизывать его. А другие верблюдицы с места не сошли. Верблюжонок жадно стал сосать материнское молоко.

Едыге подозвал хозяина верблюдицы и сказал:

— Ну, теперь веди верблюдицу домой.

Хозяин повел верблюдицу. Сытый верблюжонок, ласкаясь, побежал рядом с матерью.

— А ты злой хозяин,— сказал Едыге второму человеку.— Чье бы молоко стал сосать этот верблюжонок у тебя? Иди домой и помни, что жадность — преддверие всякого зла.

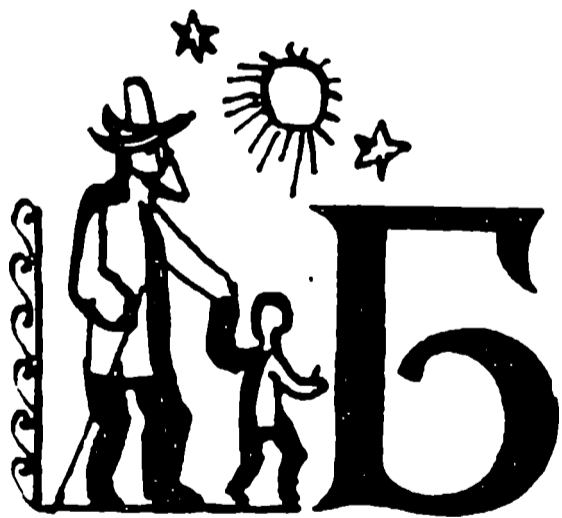
СИНЯЯ ЛИСИЦА



Одна лисица жила около города. Ночью она ходила по базару, собирала обрезки сала и мяса. Раз она забралась в лавку красильщика и вся вымазалась синей краской.

В таком виде лисица явилась в лес. В это время звери выбирали хана. Увидев синего зверя, они его выбрали ханом.

Лисица начала управлять ханством. Даже тигры и барсы покорялись ей. Но ханство лисицы продолжалось очень недолго. Пошел дождь и смыл краску с лисицы. Тогда все узнали рыжую кумушку. Ее не только прогнали с ханского места, но и жестоко избили.



ЛИСИЦА И ОБЕЗЬЯНА

Безала как-то лисица, смотрит — лежит на капкане мертвая рыба. Не осмелилась она сунуться мордочкой и решила хвостом придвинуть рыбу к себе. И так и сяк изловчилась, но ничего не получается: рыба большая, тяжелая,

а хвост лисы мягкий, бессильный.

Облизнулась лиса и побежала дальше, досадуя, что не полакомилась рыбкой. Встретилась ей обезьяна. Лиса низко склонила голову, виляет хвостом, извивается, сладко так улыбается.

Удивилась обезьяна: что это лисица такая приветливая?

— Доброго пути тебе, лисонька,— говорит она ей.— Прежде ты мне такого почтения не выказывала. Чем объяснить то, что ты мне сегодня оказываешь такую честь?

— С тебя суюнши¹,— отвечает лиса.— Все мы, звери, решили избрать тебя нашим верховным властелином — царем. Долго советовались между собой звери. Сначала они мне предложили стать их царем. «Ты, говорят, у нас настоящий мудрец. Царская корона тебе вполне подойдет. Не откажись стать нашим царем». Я им говорю: «Вот обезьяна гораздо умнее меня. Она похожа на человека. Послушайтесь доброго совета: избрать царем надо обезьяну. Она всегда рассудит и малых, и больших, и сильных, и слабых зверей и не станет чинить несправедливости. И ни в коем случае не избирайте царем льва. Он не будет разбираться, кто виноват, кто прав, и начнет убивать всех слабых. Он погубит всех зверей, и никто не наберется смелости пойти к нему с жалобой. Так сказала я, и многие из собравшихся зверей одобрили мое мнение и зашумели:

— Правду сказала лиса. Вот умница! Льва действительно не следует избирать царем. Он может навредить всем. Лучше давайте выберем нашим царем обезьяну. Она будет заступницей слабых. Сама она похожа на человека, у нее должно быть много ума. Пойдемте искать обезьяну.

И все пошли искать тебя. Вот я раньше всех разыскала тебя и с почтением кланяюсь тебе, как нашему царю. Поверила обезьяна лисице, обрадовалась и говорит: — Хорошо; я согласна стать царем. Зачем отказываться, если все звери хотят этого. По мере возможности буду действовать всегда справедливо. А тебя я никогда не забуду. Заверяю тебя — будешь всегда довольна мною. Все твои просьбы буду выполнять, не оставляю без внимания. Вот мое суюнши. Теперь идем туда, где должна состояться церемония избрания царя. Веди меня.

Повела лиса обезьяну к тому месту, где стоял капкан с рыбой. Недалеко от капкана останавливается и обращается к обезьяне:

— О царь! Есть у меня одна просьба. Я очень голодная. Нет сил дальше идти. Ты соверши молитву, а я ска-

¹ Суюнши — вознаграждение за радостную весть.

жу: «Аминь!» Бог примет нашу молитву, и мы найдем что-нибудь поесть.

Обезьяна согласилась и совершила молитву, прося бога ниспослать им еду. Лиса вторила: «Аминь!» После молитвы лиса повела обезьяну вперед и скоро привела ее к капкану с рыбой.

— Вот видишь,— говорит она обезьяне.— Бог принял нашу молитву. Мы наткнулись на готовую еду. «Кому суждено жить, тому хоть мертвую рыбу предписано находить»,— говорится в народе. Вот мы и нашли, бери и ешь.

— Ты ведь хотела есть,— отвечает обезьяна.— Бери и ешь. А я на радостях могу и не есть, я сыта.

— Я слуга царя,— хитрит лиса,— а слуга раньше царя не должен есть. Я хоть и голодная, но умею держаться прилично, как это подобает сану моих предков.

Обезьяна стала брать рыбу и наступила на капкан. Он моментально схватил ее за ногу. Рыба подлетела и упала в стороне. Лиса схватила рыбу и начала есть. Обезьяна умоляет лису:

— Я откажусь от царского престола, только освободи мою ногу от этого проклятого капкана.

— Эй, обезьяна! — говорит ей лиса.— Ты всегда любила шутить. Может быть, и на этот раз ты шутишь? Не роняй своего достоинства, как говорится у людей. Я думала, что ты умнее льва. А ты такая же. Неужели ты не можешь избавиться от простого куска железа? А ты говоришь слова беспомощных. Счастье бывает разное. Одно цепляется за голову, другое за ноги. Обезьянушка, тебе это, наверное, известно. Ты должна терпеть свое счастье, если даже изо рта пойдет кровь. К ногам твоим пристало железное счастье. Я тебя сделала царем над этим капканом. Пока до свиданья будь здорова! Царствуй себе на здоровье долгие годы.

И лисица побежала прочь.



Бежала как-то лиса в поисках добычи и провалилась в глубокую яму. Никак не могла она выбраться. Шла мимо коза, она хотела пить и искала воду. Увидела лису.

— Эй, лиса, что ты там делаешь? — спрашивает коза.

— Что я делаю? Наслаждаюсь прохладой. Там, наверху, и жарко, и душно, и воды нет. А тут, на дне ямы, так прохладно, и кроме того здесь прозрачная, чистая вода.

Обрадовалась коза, что можно прохладиться и напиться холодной воды, и прыгнула в яму. Лиса быстро прыгнула на козу, затем на ее большие рога и выпрыгнула из ямы. А коза осталась в яме.

Этот случай, говорят, послужил основанием для народного изречения: «Не верь лжи — наживешь беды».

НЕУДАЧА ЛИСИЦЫ



Как-то раз лисица отправилась на охоту. В чаще она наткнулась на какую-то сырую шкуру. «Если не рыба, так по крайней мере сорпа»¹, — сказала лисица и поволокла шкуру.

Пробегала она мимо одного аула, заметила индюшат. Лисица затряслась от удовольствия, бросила свою находку и направилась к индюшатам. Встретил лисицу беркут и спросил, куда это она так спешит.

— Разве не видишь, — ответила лиса, — вон пасутся индюшата, я горю желанием полакомиться хоть одним из них.

— О душа моя! Напрасно ты мчишься к ним. Я давно караюлю их, глаза все проглядел. За ними наблюдает бедовый караульщик. Тебе, лиса, я б не советовал бросать

¹ Сорпа — мясной бульон.



шкуру. Вернись к ней, возьми и иди подобру-поздорову.

Но лисица не послушалась беркута и стала все ближе подползать к своей добыче. Зоркий сторож заметил ее и так метко бросил камень, что выбил у нее зубы.

С окровавленной мордой лиса вынуждена была вернуться к брошенной шкуре. Но шкуры на месте не оказалось. Ее похитил беркут.

Пожалела лиса, что вовремя не послушалась доброго совета.

ЛЯГУШКА И СУСЛИК



днажды подружились лягушка и суслик. Вот как-то раз суслик говорит лягушке:

— О друг! Давно я хочу послушать твое пение. Да вот не удавалось свидеться с тобою: все приходится рыскать по степи в поисках пищи. Так вот, дай мне знать, когда те-

бе придет охота петь.

— Хорошо! — сказала лягушка. Она раздобыла длинную нитку, один конец привязала к ноге суслика, а другой — к своей ноге.

— Когда я дерну за нитку, — сказала она суслику, — ты будь готов слушать мое пение.

Сказала это лягушка и нырнула на дно озера.

В один из дней, по знаку лягушки, прибежал суслик к озеру и плотно прильнул к берегу, чтобы послушать пение своего друга. Вдруг откуда ни возьмись появилась в небе птица-мышелов, бросилась она на суслика, схватила его и поднялась вверх. За сусликом потянулась и квакающая лягушка: помните, она была привязана к суслику одним концом нитки?

На этом и кончилась их дружба...



идела однажды мышь у своей норки. Неожиданно пошел град, и одна градина стукнула ее по бедру. Мышь пустилась бежать от страха. По дороге ей повстречался медведь.

— От кого ты так быстро убегаешь? — спросил он.

— На наш аул напал неприятель, — сказала мышь, — я ранена в бедро: вот и убегаю.

— О, если неприятель приближается, — сказал медведь, — то и я с тобой побегу.

И вот бегут медведь и мышь. Навстречу им — тигр.

— От кого вы убегаете? — спросил у них тигр.

— Да вот на наш аул напал неприятель, мы ранены в бедро, — ответил медведь.

— А, если так, то и я с вами побегу, — сказал тигр.

Бегут дальше. На дороге повстречали волка. Тот их и спрашивает:

— От кого вы убегаете?

— Да на наш аул напал неприятель, — ответил тигр, — вот мы и бежим. Мы все ранены в бедро.

— А, если так, то и я бегу с вами, — сказал волк.

Встретились они с лисой. Та спросила их:

— От кого вы убегаете?

— На наш аул напал неприятель, — сказал волк, — вот мы и бежим. Все мы ранены в бедро.

— И я бегу с вами, — сказала лиса.

По дороге они захватили с собой барсука. Много дней и ночей бежали они, проголодались и не знали, как утолить голод. Обратились тогда за советом к мыши.

Она на это им ответила так:

— Ведь дядю тигра все мы почитаем — кто же его тронет; медведь — наш брат — кто же его тронет; волк нам доставляет вести — кто же его тронет; лисица наш рассыльный — кто ж ее тронет; а барсук нам никто, так будем его рвать и есть.

Разорвали они барсука и съели. Идут дальше. Опять проголодались и снова обращаются к мыши за советом.

— Ведь дядю тигра все мы почитаем — кто его тронет; медведь — наш брат, кто же его тронет; волк нам до-

ставляет вести — кто ж его тронет; а лисица нам никто, так давайте ее рвать и есть, — сказала мышь.

Разорвали лисицу и съели. Идут вчетвером еще несколько дней. Опять проголодались и снова за советом к мыши обратились.

— Ведь дядю тигра мы все почитаем — кто же его тронет; медведь — наш брат — кто ж его тронет. А волк нам никто — будем его рвать и есть, — сказала мышь.

Набросились они на волка, разорвали его на части и съели. Идут приятели втроем. Опять проголодались. Обращаются к мыши за советом.

И мышь им ответила:

— Ведь дядю тигра все мы почитаем — кто ж его тронет; а медведь нам никто — так будем его рвать и есть.

Разорвали они медведя и съели. Наконец тигр и мышь остались вдвоем. Отправились они дальше в путь. Прошло несколько дней, и захотелось им есть. Они улеглись спать — вдали друг от друга. Когда обдирали медведя, мышь украла себе про запас медвежьих глаза. И вот теперь стала втихомолку есть припрятанные глаза. Тигр заметил и спросил:

— Что ты это ешь?

— А я не могла больше вынести голода, вырвала себе оба глаза и вот теперь их ем, — ответила мышь.

— В таком случае и я вырву себе глаза, — сказал тигр. Вырвал и съел.

Вскоре тигр подох, а хитрая мышь много-много дней лакомила мясом тигра. А потом благополучно вернулась к себе в норку.



ЗВЕРИ-ТОВАРИЩИ

едведь, волк, верблюд и лиса были товарищами. Однажды они идут все вместе. Вот лиса и говорит волку:

— Давай съедим верблюда!

— Медведь будет серчать, — сказал волк.

Тогда лиса побежала к медведю и сказала ему:

— Волк хочет съесть верблюда.

Медведь не поверил ей. Идут дальше. Лиса подбежала к верблюду и сказала ему:

— Волк и медведь хотят тебя съесть.

— Зачем они меня хотят съесть? — спросил верблюду.

— Ты большой, — ответила лиса. — Твою шкуру и твои ноги можно продать.

Верблюд согласился, чтоб его съели. Лиса сообщила об этом товарищам, и они задрали верблюда. Волк и лисица стали чистить его кишки. Лисица хотела съесть одну кишку, но волк не позволил ей, боясь медведя. Лисица не послушалась волка и все-таки съела кишку. Медведь заметил, что не хватает одной кишки, и спросил:

— Кто съел кишку?

Лисица опередила волка и сказала быстро:

— Волк съел кишку.

Медведь бросился на волка, тот — бежать, медведь за ним. Лиса воспользовалась их отсутствием и спрятала все мясо. Вернулся медведь и спрашивает:

— Где мясо?

— А разве не помнишь? Ты сам его унес.

Так и ушел медведь без мяса. А лисица стала жить да мясом верблюда питаться.

ПАСТУХ И ЗМЕЯ



Как-то раз пастух пас баранов в степи. Недалеко от него случился пожар. И вдруг прямо на пастуха от огня ползет змея. Приблизилась к пастуху и стала просить спасти ее от огня. Пастух, не долго думая, спрятал змею в рукав. Когда кончился пожар, пастух стал вытряхивать змею из рукава. Змея не пожелала покидать теплое места и погрозила, что укусит пастуха, если он будет вытряхивать ее.

Пастух напомнил ей, что за добро не платят злом, и попросил не кусать его, пока он не попросит быка рассудить их.

Бык выслушал обе стороны и сказал:

— Человек — враг мой: сколько я работал на него, а он, неблагодарный, за все это готовит меня на убой.

И он остался на стороне змеи.

Пастух не был доволен этим решением и обратился к коню. Конь, тоже недовольный человеком, поддержал решение быка, признал его справедливым.

Тогда пастух обратился к коту. Кот выслушал обе стороны, расследовал дело и решил, что змея должна покинуть рукав пастуха, ибо за добро злом не платят. Но змея и слушать не стала, проворчала что-то в свое оправдание. Тогда кот сказал ей:

— Говори громче, я не слышу. Стань ко мне поближе да подними голову.

Змея высунулась из рукава, подняла голову. Тут кот схватил ее, вытащил из рукава и убил.

МЫШЬ И ЗМЕЯ



Однажды мышь, возвратясь с прогулки, застала в своей норке змею. Испугалась мышь непрошеной гостьи, но не могла придумать, как выгнать ее, и отправилась к соседям рассказать про свое горе и попросить совета.

Собрались мудрые мыши, обсудили между собой это дело и сказали обиженной:

— Отступись от норки, выкопай себе другую и живи. Несправедливо поступила змея, отняв у тебя жилище, но ничего не поделаешь. А будешь приставать к змее, она тебя съест.

Погоревала мышь и примирилась со своим положением. Но она не могла забыть обиды и все думала, как бы отомстить своей обидчице.

В один жаркий день мышь заметила, что змея, греясь на солнце, уснула около норки, а недалеко от нее, в саду, спал лежа навзничь садовник. Мышь быстро подбежала к садовнику и укусила его за нос. Садовник, проснувшись от боли, погнался за мышью, которая не торопясь бежала к тому месту, где лежала змея. Садовник увидел змею и убил ее. Мышь тем временем убежала.

Так мышь отомстила своей обидчице и стала по-прежнему жить в норке.



огороде поселился суслик и портил овощи. Однажды сторож увидел суслика, ударил палкой и, думая, что он мертв, выбросил за изгородь. Пролежал суслик некоторое время без движения, потом очнулся и кое-как пополз в луга, где жил его

приятель — волк.

Добрался он до волчьей норы, рассказал волку про свое горе и попросил его дать временный приют. Волк обрадовался гостю, побежал в окрестности искать добычу, чтобы угостить друга, но все старания обернулись неудачей — волк вернулся в нору ни с чем. Тогда суслик говорит волку:

— Послушай, дружище: недалеко отсюда, в ауле, живет мой хороший знакомый — осел, я пойду за ним, приведу его сюда, а ты тут его задушишь, и будет нам пища на целую неделю.

— Отлично, — сказал волк, — я узнаю в тебе истинного друга.

Отправился суслик к ослу и видит: бродит тот около аула, щиплет мелкую измятую траву.

— Друг мой, — сказал суслик, — ты, я вижу, совсем изголодался, ешь такую плохую траву. Недалеко отсюда раскинулись роскошные луга, покрытые сочной травой, а какая там вода — просто удивление! Пойдем туда, и ты насытишься на славу, а то просто жаль смотреть на тебя, бедного, изнуренного.

Послушался осел суслика, и отправились они в луга. Прошло немного времени, суслик утомился и попросил осла подвезти его. Осел взял суслика на спину, и пошли они дальше. Идут, и вот взошел осел на один пригорок, вдруг видит вдали в лугах волка.

— Знаешь что, — сказал осел суслику, — надо вернуться в аул.

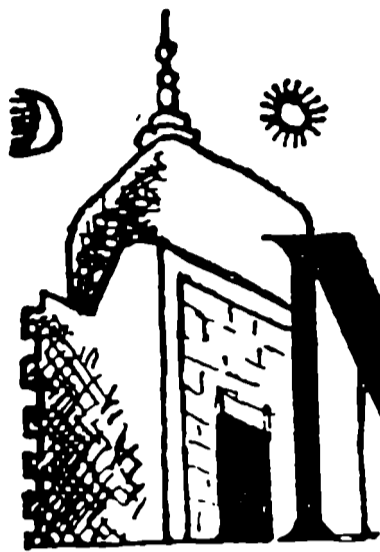
— Зачем? — спросил суслик.

— Я забыл дома родительское наставление, — сказал осел.

Отправились в обратный путь. И осел дорогой рассказал суслику, что отец, умирая, оставил ему наставление,

которое велел брать с собой всегда, когда предстоит опасный путь. Подойдя к аулу, осел громко закричал. На крик стали сбегаться с сильным лаем собаки. Суслик перепугался, соскочил с осла и хотел где-нибудь спрятаться, но не успел, и собаки разорвали его на клочки.

Так осел избежал встречи с другом суслика, с волком, и наказал суслика за обман.



КОТЫР-ТОРГАЙ

Может, было, может, не было,— прыгал по караванной дороге воробышек. Прыгал, скакал, червячков искал, да все понапрасну. Котыр-торгай — вот как его звали.

Зачесалась у воробышка спинка. Стал он тереться о жантак-траву, а злая жантак-трава взяла да и уколола его своими иголками.

Запищал Котыр-торгай жалобно:

— Вот ты какая, жантак-трава! Обидела меня. Не прощу тебе, злодейка, отомщу! Вспомнишь ты Котыр-торгая!

Полетел воробей к козам.

— Козы, козы, жантак-трава обидела меня. Съешьте ее за это!

Козы рожками замотали, копытцами затопали:

— Лети прочь, Котыр-торгай! Не хотим мы тебя слушаться.

Полетел воробей к волкам.

— Волки, волки, козы обидели меня. Загрызите их! Волки рычат:

— Лети отсюда, Котыр-торгай, покуда цел! Не станем мы тебе подчиняться.

Полетел воробей к табунщикам:

— Эй, жигиты, волки обидели меня. Берите соилы, убейте волков!

Табунщики смеются:

— Лети дальше, Котыр-торгай! Мал ты нам указывать.

Полетел воробей к старой байбише. Это ее коней табунщики стерегли.

— Байбише, меня твои табунщики обидели. Накажи их как следует!

А байбише в ту пору овцу стригла. Замахнулась старая ножницами:

— Сгинь с глаз, шелудивый! Вот я тебя!

Вспорхнул Котыр-торгай и заплакал. Куда еще лететь? Кому пожаловаться?

Вдруг ветер пахнул. Котыр-торгай к нему:

— Ветер, ветер, защити меня! Байбише меня обидела.

Рассердился ветер:

— Разве можно маленьких обижать?

Налетел на старуху, подхватил овечью шерсть и унес под самые облака.

Старуха завыла и накинулась с досады на табунщиков:

— Так-то вы, негодные, моих коней стережете! Не видите, лежебоки, что волки близко ходят!

Схватили табунщики соилы, двинулись скопом на волков.

Испугались волки да бежать.

Увидели козы волков-разбойников, кинулись и они наутек.

— Это Котыр-торгай,— кричат,— на нас беду наслал!

Прибежали туда, где росла жантак-трава, да и съели злую колючку.

Доволен Котыр-торгай. Прыг-прыг! Скок-скок! Чирикает грозно:

— А ну, кто на свете такой храбрый, что осмелится обидеть могучего Котыр-торгая?!

СЕГИЗБАЙ И ДЕВОЧКА-МЫШКА



ил когда-то старый охотник, по имени Сегизбай. Жена и дети у него давно умерли. Скучно было жить на свете одинокому старику.

Раз вышел он в степь на охоту и видит, кружит в небе коршун, а в когтях держит какого-то зверька. Вскинул Сегиз-

бай лук и пустил в коршуна стрелу. Уронил раненый хищник свою добычу. А была это серая мышка.

Поднял ее сердобольный старик, стал гладить и ласкать. Превратилась вдруг мышка в девочку. Обрадовался Сегизбай.

— Вот и у меня теперь есть дочка.

Прижимая малютку к сердцу, прибежал в юрту, уложил дитя в постель, подоив корову, напоил молочком.

Прошли годы. Выросла девочка, невестой стала. Лучшие жигиты сватались за нее, хороший калым давали, а она не хочет и слушать о замужестве. Опечалился Сегизбай. Однажды говорит он дочери:

— Дочь моя, ты достигла уже совершеннолетия, пора тебе разжечь очаг в собственной юрте. Выбери же себе мужа по душе.

— Хочу,— отвечала девушка,— чтобы мужем моим был тот, кто всех сильнее на свете.

«Это Солнце»,— подумал старик. Пришел он к Солнцу.

— О всеильное светило! У меня есть дочь. Она хочет быть женой сильнейшего в мире. Возьми ее в жены.

Отвечало Солнце:

— Иди к Облаку. Оно сильнее меня. Облако заслоняет от меня землю, и я не в силах сладить с ним.

Пришел Сегизбай к Облаку. А Облако говорит:

— Ветер сильнее меня. Он гонит меня с юга на север, с запада на восток и не дает нигде остановиться.

Отправился к Ветру Сегизбай. Выслушав старика, расшумелся Ветер:

— Да разве я сильный? Вон стоит Утес. Сколько ни тружусь, не могу его сдвинуть с места.

Поклонился Сегизбай Утесу:

— Ты сильнее всех. Возьми мою дочь в жены.

Утес ему отвечает:

— Если хочешь отыскать самого сильного, так знай: это серый мышонок, что изо дня в день терзает и точит меня, роя себе норы и ходы. Я ничего не могу с ним поделать.

Выскочил из норы мышонок и пищит:

— Нравится мне твоя дочь, старик, взял бы я ее в жены, да вот беда: не поместится она в моем жилище.

Тут дочь старика прибежала.

— Не хочу другого жениха! Этот мне милее всех.

Сделалась снова серой мышкой и юркнула в нору к мышонку.

Засмеялся Сегизбай:

— Ворон летит на крик ворона. Кони по ржанию узнают друг друга. Наконец-то и моя дочь нашла себе пару.

ПОЧЕМУ У ЛАСТОЧКИ ХВОСТИК РОЖКАМИ



первоначальные времена правил миром страшный змей Айдахар. Питался он кровью животных. Подлый комар служил у него на посылках.

Кликнул к себе змей комара, говорит ему:

— Облети всю землю, отведай тайком крови всех живых существ и, воротясь, доложи мне, чья кровь самая сладкая. На кого укажешь, тех и буду губить.

Полетел комар. Исполнив повеление, спешит обратно. На пути встречает его ласточка.

— Куда летал?

— По приказанию господина моего Айдахара облетел всю землю, чтобы узнать, чья кровь самая сладкая.

— Что же ты узнал?

— Слаще всего кровь человека,— пропищал комар. Ласточка встревожилась.

— Не говори, комар, змею правду. Человек добр, не губи его.

— Нет, скажу!

Ласточка снова:





— Прошу тебя, не вреди человеку: он мне друг.

А комар:

— Нет, скажу!

Прилетел комар к Айдахару, и ласточка тут же вьется.

— Ну,— зашипел змей,— рассказывай все, что разведал! Но страшись, раб, произнести хоть слово лжи!

— Владыка мой и повелитель,— начал комар,— скажу тебе правду, ничего не утаю. Самая вкусная, самая сладкая кровь у...

Хотел он сказать «у человека», да не успел: ласточка стрелою кинулась к нему и отщипнула острым клювом кончик комариного языка.

Заметался комар над змеем:

— З-з-з... З-з-з... З-з-з...— но сказать ничего не может.

А ласточка ласково щебечет:

— Я знаю, Айдахар, что хотел сказать комар: самая сладкая кровь — у змеи!

Рассвирепел змей на ласточку, ударив хвостом, прыгнул в небо с раскрытой пастью. Да ведь нет птицы быстрее и поворотливее ласточки. Метнулась она в сторону — и ушла от смерти. Успел Айдахар лишь за хвост ее ухватить. Вырвал из середины хвоста несколько перышек и — рухнул на землю, ударился о камень и испустил дух.

Вот почему у ласточки хвостик рожками, и вот почему люди так любят эту птицу.

ЧЕТЫРЕ ДРУГА



Когда-то жили мышь, лягушка, серна и утка в дружбе. Однажды сын хана со своею свитою поехал на охоту. Долго они не могли ничего встретить и вдруг увидели лягушку. Сын хана приказал поймать ее и положить

в коржун, ибо лягушка — это признак того, что охота дальше пойдет удачнее.

Охотники исполнили приказание своего господина: поймали лягушку и положили ее в коржун. Это увидела

утка и живо сообщила своим друзьям — серне и мыши, что их общий друг, лягушка, попала в беду.

Друзья сильно горевали и начали совещаться: как выручить лягушку из беды. Вот мышь и говорит:

— Ты, серна, притворись хромою и пробегии перед ханским сыном, который наверняка погонится за тобой в надежде поймать тебя, при этом он сбросит с седла коржуны, чтобы легче было лошади скакать. В это время ты, утка, поспеши меня доставить к коржунам: я живо прогрызу их и освобожу лягушку. Тогда ты, утка, лети к серне и скажи ей о спасении лягушки, — пусть серна подумает о своем спасении, ведь у нее ноги быстрые.

Друзья послушались совета мыши, и все спаслись. Правда, каждый из них рисковал своей жизнью. Но дружба дороже всего.

ГРУБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ



Сердитый бык, бодавший всех без разбору, как-то попал в яму. Как ни бороздил он рогами отвесные стены этой ямы, но выбраться из нее никак не мог. Выбившись из сил, бык убедился, что дело плохо: придется пропадать. Стал он кричать громко — звать на помощь, авось кто-нибудь да услышит, поможет ему.

К счастью недалеко от него паслось стадо баранов под охраной пастуха. Прибежали они на выручку.

— Будьте добры, — кричит им бык, вежливо и ласково, — не дайте погибнуть честной душе! Я отплачу вам. Я отроду не делал никому зла. Моя благодарность давно известна Зенг-бабе¹. Друзья, вытащите меня. Любезный пастушок! Я тебе обещаю целую сабу молока, а вам, бараны, стог свежего сена.

— Бараны, — сказал пастух, — вытащим его и получим награду.

— Ну, что же, мы не прочь освободить невинного, — сказали бараны и помогли пастуху вытащить рогатого из ямы.

¹ Зенг-баба — святой, покровитель рогатого скота.

— Я сейчас отблагодарю вас,— сказал бык,— дайте мне сначала отдохнуть и собраться с силой.

А когда бык отдохнул, то стал опять бодать всех без разбору.

ЛИСИЦА И ВОРОНА



днажды пестрая ворона, прикусив клювом кусок мяса, сидела на верхушке дерева, а под деревом, почуввав запах мяса, сидела лиса. Она горела желанием воспользоваться этим мясом, но как на грех ворона сидела слишком высоко.

Лиса пустилась восхвалять ворону:

— Клюв твой напоминает орлиный, грудь твоя похожа на ястребиную, крылья и хвост — на соколиные, глаза твои темны, как ночь, походка твоя напоминает походку черного гуся, а твоя фигура... Боже мой, что это за прелесть!.. Об одном сожалею, что не слышу твоего голоса.

После таких похвал пестрая ворона потеряла голову. Крикнула она во всю мочь, мясо вывалилось у нее изо рта и было схвачено на лету лисицею.

Лисица побежала дальше, а вслед ей ворона кричала:

— Лисица, лисица, твои прелестные и правдивые слова очень понравились мне, повтори же опять их.

— «Голодный не имеет ума, ближе желудка нет ничего»¹, когда я увидела у тебя во рту мясо, у меня помутилось сознание, и я бессовестно врала,— сказала лисица, и с этими словами скрылась.

¹ Народная поговорка.



незапамятные времена жили старик со старухой. Были они бедные. У них было пять овец и пять коз — все их богатство. Питались они молоком да сыром. Было у них и мясо — они весь ежегодный приплод резали. Из шерсти и кожи делали себе одежду. И количество коз и овец старика и старухи, таким образом, не уменьшалось, но и не увеличивалось.

Овцы и козы на пастбище выходили сами, пили из ручейка и снова возвращались домой. Пастухами их были баран и козел. Зорко охраняли они все стадо. Старик и старуха больше всех любили козла и барана. Они казались им родными детьми. Баран и козел чувствовали эту любовь. Они охотно выполняли все желания своих хозяев. Умный был козел. Он никогда ничего зря не делал. Если козел раньше времени возвращался с пастбища, то хозяева знали: будет ненастная погода, и принимали меры предосторожности; если все стадо поднимало шум, металось из стороны в сторону, то надо было остерегаться волков, преследующих по пятам животных.

Баран и козел между собой были большими друзьями. Они помогали друг другу в беде. По своим качествам дополняли один другого. Баран был спокойным, чуть-чуть наивным и боязливым, но он твердо верил своему энергичному и храброму другу. А козел был хитрым, умным и дальновидным. Он многое мог предвидеть. Зная эти свойства своих любимых животных, старики считали их своей главной опорой и как бы хранителями своего маленького стада.

Но вот старик заболел. Старуха днем и ночью ухаживала за ним. Баран и козел сами выходили на пастбище и сами возвращались обратно. Паслись они недалеко от дома — боялись волков.

Старику становилось все хуже и хуже. Старуха только и знала что плакала. Как-то раз пришел к ним скитающийся черный шаман. Он пощупал пульс старика, поиграл на кобызе, а затем сказал:

— Надо зарезать самый любимый скот и лечиться его мясом.

Эти слова испугали старика и старуху — как же они могут зарезать барана или козла?

— Мы не можем принести в жертву наших священных животных — барана и козла, — сказали они, — лучше зарежем тебе самую жирную овцу.

Долго умоляли они черного шамана. Но тот был упрям.

— Лечение идет на пользу тогда, когда приносишь в жертву самое дорогое. Иначе я не стану лечить, — сказал он.

Старики не знали, что делать, оба горько плакали: если они не зарежут барана и козла, то старик так и не встанет, а если зарежут, то весь скот их пропадет. Долго они плакали и наконец решили зарезать барана и козла.

Первым это почувствовал козел. Он разбудил ночью барана и рассказал ему о горе, которое их постигло. Они плакали, гневно возмущались и решили незаметно от других овец и коз, тайком, покинуть родные места. Но не просто бежать хотели они, а уйти, чтобы разыскать целебные травы и вылечить ими старика.

Никто их не разыскивал. Кто же пустится в погоню. Старик — болен, а старуха — не может. И баран с козлом спокойно продолжали путь. Шли они через рощи и поля, через горные ущелья, через равнины и холмы, ели зеленую траву, пили родниковую воду. Так прошло несколько дней. Почти на каждом шагу их подстерегала опасность. То они наталкивались на следы волков, то ночью вокруг себя слышали вой гиены, рев медведя, хрюканье кабана. Их охватывал страх. Они прятались и тайком ускользали от всех врагов.

Баран и козел точно не определили еще места своего пристанища. Они не знали, где в лесной чаще растут целебные травы, да и опасно там — можно встретить хищников, которые могут их задрать, если наткнуться на них. А людям пойти, то они зарезать их могут. Но и без помощи людей, без их защиты нельзя прожить. Рассуждая так, они шли по степному простору. Но вот козел посмотрел на тучу, которая надвигалась по ветру, заволновался и сказал барану:

— Будет сильный дождь. Давай, мой друг, сделаем курке¹.

¹ Курке — временное укрытие, шалаш.

— Делай,— сказал баран,— у меня шерсть густая, сам я жирный, так что мне и под дождем терпимо.

Козел нарвал травы и под кустарником сделал себе теплую защиту. К вечеру погода стала ненастной, черные тучи заволокли небо; грохотал гром, сверкала молния, и лил сильный дождь.

Под кровлей, на теплой травяной подстилке спокойно лежал совсем сухой козел. Подставив под ветер и дождь свой широкий жирный курдюк, лежал в затишье баран. Но не долго он смог выдержать: вода стала просачиваться сквозь шерсть, а ветер пронизывал его до самых костей. Баран стал мерзнуть и наконец не выдержал и обратился к козлу с такими словами:

— Дружище, я был глуп. Если ты не поможешь мне, то я замерзну.

— Больше не делай таких глупых промахов,— сказал козел и впустил барана в свое укрытие.

Через некоторое время дождь перестал. Небо прояснилось. Баран и козел отправились дальше. В полдень козел на небе заметил облако.

— Сегодня будет снег и, возможно, буран,— сказал он.— Надо нам соорудить курке.

Но барана это не беспокоило.

— Снег — это не вода, чтобы просочиться через густую шерсть,— сказал он.— Заслоняясь от ветра широким курдюком, я смогу и так лежать, а тебе надо укрыться, у тебя шерсть редкая, кожа тонкая.

Козел не стал убеждать своего друга. Нарвал травы и под густым кустарником соорудил себе убежище.

К вечеру тучи заволокли небо, и хлопьями стал падать снег. Резкий, холодный ветер гнал снег, кружил его. Среди снежной метели козел лежал спокойно. А в затишье, возле укрытия козла, выставив широкий курдюк и заслонясь им от ветра, лежал баран. Но пронзительный ветер, бушующий буран не давали ему покоя. И наконец баран не выдержал и обратился к козлу с просьбой:

— Дружище, а дружище! У меня совсем дела плохи. Если ты непустишь меня к себе, то я замерзну. Теперь я во всем буду слушаться тебя.

— Больше не делай глупостей,— ответил ему на это козел и впустил барана.

Но вот затих буран, прояснилось небо, и стало тепло. Баран и козел отправились дальше. На пути козел наблю-

дал за следами птиц, зайчат и волков, за тропами, протопренными кабанам, медведями.

Долго они шли. День клонился к вечеру. Наступили сумерки. Козел вдруг остановился и, обращаясь к барану, сказал:

— Друг мой, мы наткнулись на волчью нору. Вот следы.

— Тогда мы погибли, дружище,— испуганно сказал трусливый баран.

Козел вел себя спокойно.

— Убегать от волков нельзя,— сказал он.— Они увидят наши следы, учуют запах и непременно нагонят нас, куда бы мы ни ушли. Единственный путь к спасению — спрятаться в их нору.

Напуганный таким предложением, баран бормотал невнятно:

— Что ты говоришь?! Что ты говоришь?!

Однако был не в силах возражать своему другу и последовал за ним.

Козел подвел его к волчьей норе. Она была широкая и имела просторные ответвления. Узкий проход у входа занял сам козел, а барана он поставил в засаду и наказал ему по его команде бить рогами волков. Сидели они долго и терпеливо ждали возвращения обитателей этой норы с ночной охоты.

К рассвету появился один волк. Усталый с ночного похода, он лениво подошел к яме и впрыгнул в нее. Затем стал входить в нору. Козел острыми, как пика, рогами задел за горло волка и прижал его шею к верхней стене норы. Затем крикнул барану:

— Бей, мой друг, бей!

Баран гнутыми тяжелыми рогами сильно ударил волка в бок. Тот завопил. Ребра и передняя нога хрустнули. Он упал, но, собрав последние силы, снова вскочил и убежал. Баран и козел преследовали его. На бегу козел повторял страшные слова: «Бей, мой друг, бей!» Волк слышал это и еще сильнее бежал вперед. Ночевали баран и козел спокойно. Утром продолжили свой путь. К полудню козел сказал барану:

— Я слышу погоню: нас преследуют двенадцать волков. Давай скорее доберемся вон до того высокого тополя.

И они ускорили шаги. Когда же приблизились к тополю, стоявшему на возвышенном месте у обрыва широкой

реки, показались волки. Они бежали сбитой стаей, поднимая пыль. Козел взобрался на самый верх тополя, а баран не мог подняться: ему мешал тяжелый курдюк. Тогда козел слез с тополя и помог барану подняться на нижний сук. Сам козел залез немного выше барана и стал наблюдать за приближающимися волками. Один среди них был хромым: это был тот волк, которому баран и козел на рассвете переломили ногу. Волки увидели на дереве козла и барана, обрадовались. Они начали со всех сторон подкапывать корни, чтобы свалить тополь. Но корни векового тополя были толстые и глубоко уходили в землю. Сняв верхнюю часть земли, волки увидели это и растерянно остановились. Они не знали, что им делать. Некоторые из них пытались прыгнуть на нижний сук тополя, где сидел баран. Но и это им не удавалось, срываясь, они падали на землю. Потом решили лезть один на другого и таким образом достать барана и козла. Внизу стал хромым волк, на него забрался другой, затем третий... Как только двенадцатый поднялся на самый верх и хотел уцепиться зубами за жирный курдюк барана, козел, не зная, что делать, крикнул барану:

— Бей, мой друг, бей!..

Эти знакомые страшные слова до смерти перепугали хромого волка. Ему казалось, что за этими словами опять последуют сильные удары в бока. Он рванулся в сторону. Остальные одиннадцать волков стали падать под обрыв, прямо в воду. Все они утонули в пучине. Страшно перепуганный волками баран, потеряв равновесие, свалился с тополя, но его спасла густая шерсть, которой он зацепился за сук. Козел помог ему слезть с дерева, и они снова продолжали свой путь. Вышли в горное ущелье, заросшее лесами. Наступил вечер, стало темно. Ночью в лесу было страшно. Оглядываясь по сторонам, они осторожно продвигались вперед. Каждый куст им казался медведем или еще каким-то страшилищем. Случайный треск вызывал у них страх, как будто бы голодный волк набрасывался на них. Но вдруг козел остановился у толстой вековой сосны и сказал:

— Друг мой, посмотри, это голова и туловище волка, недавно убитого охотником; кожу он здесь содрал.

Барану было страшно даже при виде мертвого волка, и он ничего не мог ответить козлу. А тот взял голову волка и сказал, что она пригодится. Затем положил ее между

широкими гнутыми рогами барана, и они пошли дальше.

Наступила темная ночь. Кругом тишина. Лес и темные горные вершины стояли вдали. Только хруст слышен под ногами идущих рядом друзей. Боязливо шагая, они вышли на открытую полянку. Там у огня сидела целая стая волков. Убегать было поздно. Волки их заметили. Козел уговаривал друга не бояться, положить голову волка на землю и следовать за ним. Сам он смело пошел к волкам, сидящим у огня.

— Салемалейкум,— обратился он к ним с приветствием и затем стал устраиваться поудобнее у костра. Баран от страха несколько отстал от него. Волки были поражены смелостью козла. Они радостно улыбались и перемигивались. Один из них, очевидно, вожак, сказал:

— Сам бог вас пригнал к нам!

Козел хоть и ожидал нападения, все-таки старался быть спокойным. Затем он, обращаясь к вожаку, сказал:

— Да, мы пришли к вам по божьей воле. Издавна вы были охотниками за бараниной, теперь мы стали охотиться за волчьим мясом.

Волки удивленно переглянулись. Вожак насмешливо и гордо сказал:

— Угощение для вас готово!

Но козел не унимался. Он сказал барану, который от страха затаил дыхание и стоял молча:

— Они не спешат угощать нас. Ты лучше иди, сорви голову одного из привязанных нами волков и принеси сюда. Мы съедим ее, поджарив на огне.

Баран не спеша отправился за головой, оставленной ими. Это вызвало страх среди волков. Они поглядывали с опаской в ту сторону, куда ушел баран. Кое-кто из них отходил в сторону и убегал. И вот из леса показался баран с окровавленной волчьей головой. Все ясно увидели это и разбежались в разные стороны. Положив волчью голову у огня, козел и баран в эту ночь спокойно отдохнули у костра.

Утром они опять тронулись в путь. Шли по лесу, и вдруг козел заметил волчьи тропы; вдали слышались голоса волков.

— Волки, которые ночью убежали от нас, пожаловались медведю,— сказал козел.— Теперь все вместе ищут

нас, преследуют. Скорее нам надо залезать на сосну и поудобнее спрятаться.

Они подошли к сосне, густо обросшей толстыми ветвями. Козел помог барану подняться, потом сам запрыгнул на сук. В это время десять волков во главе с бурым медведем, неуклюже шагающим впереди, шумно разговаривая, стали подходить к сосне, на которой уже сидели баран и козел. Медведь говорил волкам:

— Дураки вы, каких я не встречал. Упустили такой жирный кусок, который сам бог прислал вам. Позор! Вы, смелые волки, испугались кроткого, трусливого барана.

Волки шумят в ответ:

— Верно! Позор нам!.. Верно, что мы глупые волки!..

— Ах, если бы они попались мне... ммне... ммне... я этими острыми когтями сцапал бы их. Сейчас я поворожу: смогу ли добыть себе жирную пищу.

И медведь на задних лапах отошел в сторону и сел у сосны, на которой прятались баран и козел. Волчья стая окружила медведя. Поблескивая огненно-красными глазами, высунув языки, волки тоже уселись на корточки. Тяжелый баран, потеряв равновесие, с треском ломая сучья, повалился вниз. Козел поспешно закричал:

— Хватай самого сильного, самого жирного!..

Баран прямо рогами тяжело ударился о голову медведя. От неожиданного удара по голове медведь страшно заревел. Волки бросились бежать. Медведь испустил дух. Козел спустился вниз, помог встать своему другу, и они пошли дальше.

Козел и баран, питаясь травой, утоляя жажду из ручейков, несколько дней шли по лесу. Все еще не могли они найти целебную траву. Баран и козел знали, что убежавшие волки воют без умолку, зазывают своих братьев отомстить им. Они рассказали про них тигру.

Однажды козел услышал издалека страшные голоса и сказал своему другу:

— По пятам нас преследуют волки. Впереди веет прохладой, там должна быть река. Скорее надо добраться туда.

Козел и баран зашагали быстрее. И скоро увидели большую реку. На середине ее был виден довольно широкий остров. За ним также разлилась вода. За водой темнела опять суша. А сзади с ревом и воем показались волки и тигр. Тогда козел обратился к своему другу барану:

— Друг мой! Теперь настала твоя очередь прокладывать путь к спасению. Ты знаешь, я не мастер плыть, а ты — искусный пловец. Влезай первым в воду, а я буду плыть за тобой, придерживаясь за твой курдюк. Плыви прямо на остров.

Положив передние ноги козла на свой курдюк, баран поплыл, словно широкая лодка. Волки растерянно завыли на берегу. Сердито зарычал тигр:

— Не уйдете от нас!

Затем он скомандовал волкам:

— Давайте все в воду — и за ними! Приведите их ко мне!

Первым в воду бросился вожак, который тогда ночью у огня от страха сбежал, за ним бросились и другие волки и поплыли вдогонку за бараном и козлом. Однако волкам было не так-то легко плыть. Они брызгали водой, тонули, выплывали, опять скрывались под водой и медленно продвигались вперед. Некоторые из них, мешая друг другу, стали тонуть. Затем волки сбились со взятого ими направления и разбрелись кто куда. Каждый старался теперь только спастись.

А баран и козел плыли ровно и выплыли прямо на остров. Баран то с радостью, то со страхом оглядывался на тонущих волков. А козел никого не опасался. Он быстро пошел в глубь острова, начал искать целебные травы. На острове было очень мало животных, и поэтому трава стояла густая-густая. И на маленьких кочках и среди камней росли разные благоухающие травы. Козел нашел среди трав несколько целебных. Он сорвал их и крепко прикрутил к рогам барана.

А на том берегу было уже более пятидесяти волков. Все новые и новые группы бросались в воду по требованию тигра. Самые лучшие пловцы из них ровными рядами медленно плыли к острову. Теперь было ясно, что если не все волки, то отдельные из них могут достичь берега. Тогда баран и козел стали готовиться к отплытию на противоположный берег реки. Как только плывущие впереди волки вышли на остров, баран и козел спустились в воду и поплыли дальше, на другой берег. Волки скалили зубы и с гневом смотрели вслед удаляющимся.

Баран и козел больше не оглядывались назад. Выплыв на другой берег, они пошли дальше. Наступила ночь, но, по

совету козла, они продолжали идти. Козел объяснил своему другу:

— Часть волков может перебраться на этот берег и бежать по пятам. Нам надо до рассвета добраться до какого-то удобного места, где мы могли бы найти себе защиту.

Баран давно уже убедился в мудрости козла и поэтому несколько не сомневался в правоте его предложения. Он, как всегда, молча, кивком головы выразил свое согласие. Они вышли на широкую поляну, где стояли копны сена.

Козел, ведя за собой барана и внимательно приглядываясь, обошел всю поляну, усеянную копнами. Баран был несколько удивлен этим поступком козла.

— Для чего ворошить все копны? — спросил он козла.

— Надо запутать следы, — сказал ему на это козел. Теперь спрячемся под какую-нибудь копну. Вот если теперь придут волки, то они по нашим следам будут искать под всеми копнами и не сразу найдут нас. А пока они прощупают все копны, может быть, и хозяин явится сюда.

Баран был в восторге от такой дальновидности и мудрости своего друга.

— Мой друг любимый, — сказал он. — Я доволен тобой и твоим умом.

И он дружески крепко прижал козла к груди. У него на глазах блеснули слезы. Козел также обнял барана и тоже всплакнул. Оба они залезли под копну и уснули.

К рассвету сюда добрались волки. Они с воем шли по следам, разбрасывая то одну, то другую копну, искали барана и козла. От волчьего воя проснулись косари и с косами и граблями пошли на волков. В этот момент несколько волков начали уже разбрасывать ту копну, под которой лежали баран и козел. Но шум и крик бегущих косарей испугал волков, и они бросились наутек.

Баран и козел вышли навстречу косарям, слезы радости лились из их глаз. От усталости они больше не могли держаться на ногах. Увидев барана и козла, косари только теперь поняли, почему волки разбрасывали копны. Им стало очень жалко барана и козла. Один из косарей, старик, сказал:

— Не будем трогать этого барана и козла: видать, это хорошие, благородные животные. Увезем в аул и пустим в стадо овец и коз.

Услышав это, баран и козел сильно обрадовались, начали радостно прыгать и, низко склоняя головы, выражали свое чувство благодарности. Это удивило и другого косаря.

— О, эти животные,— сказал он,— должно быть, очень разумные, кажется, все понимают. Их действительно не надо трогать.

Баран и козел и ему поклонились. Косари погладили их по голове, приласкали и повели к своим шалашам. Там один косарь ахнул от удивления:

— Откуда эти животные? Эти баран и козел принадлежат старику и старухе, живущим в урочище Ак-шоки. Они, бедные, их так ищут, у всех спрашивают, всех просят разыскать.

В этот день впервые за все время баран и козел спали спокойно, без тревог и боязни. На следующий день косари приехали в аул и пустили барана с козлом в отару. Затем отвезли их к старику и старухе. От целебной травы, которую принесли козел и баран, старик быстро поправился. Баран и козел по-прежнему стали жить спокойно и вольно.

МУДРОСТЬ СОВЫ



давние времена царствовал над людьми и всем живым на земле царь царей, лучший из лучших, мудрейший из мудрейших. Имя его было столь велико, что, если написать его полностью самыми мелкими письменами и поло-

жить бумагу в степи, лучший конь устал бы скакать вдоль, прежде чем достиг бы середины. Человек не мог произнести мудрейшее имя царя при своей жизни — ее не хватило бы. И люди поэтому называли царя царей кратко — Сулейман.

Однажды любимая жена Сулеймана собралась родить.

— Не хочу,— сказала она своему супругу и повелителю,— родить на ложе из черного дерсва. Не хочу, чтоб ложе было из слоновой кости, из яшмы и красного золота... Хочу родить на необыкновенном ложе, достойном любимой жены царя царей, чье имя — так велико оно —

не успеет произнести до конца ни один смертный за свою жизнь, начни он говорить его хотя бы со дня рождения... Хочу родить на спинах птиц, живущих в твоём царстве.

Царь царей призвал к себе орла и сказал:

— Ты, орел, поставлен царем над птичьим народом. Ты повелеваешь всеми птицами земли, и лишь я один — царь царей — повелеваю тобой. Собери мне всех птиц земли: моя любимая жена желает родить на их спинах.

Орел поклонился и улетел. Не прошло и дня, как со всех сторон ко дворцу царя царей стали слетаться птицы. Неслись белые лебеди, длинноносые пеликаны, долгошее фламинго, разноцветные попугаи, серые скворцы, черные вороны, пестрые куропатки, шустрые жаворонки, жирные тетерева, тяжелые дрофы, гордые соколы, злые коршуны, сизые голуби, белые стрепеты, синие ласточки, белоснежные чайки, грозные беркуты, болтливые сороки и множество всяких других птиц. Даже воробьи и те прилетали стайками.

Все птицы стремились ко дворцу Сулеймана, чтоб выполнить волю царя царей. Они уселись на большой поляне перед дворцом и запели так прекрасно, что сам царь царей не выдержал и вышел к ним, чтобы лучше слышать их пение. Потом птицы умолкли. Царские слуги пробили в их клювах отверстия, продели сквозь них длинный шелковый шнур. После этого слуги связали всех птиц за клювы, и ложе для любимой супруги царя царей было готово.

Царь царей огляделся. Орел собрал ему всех птиц, которые только жили на земле. Лишь одна сова не явилась. Ее не было среди птиц. Разгневался царь царей:

— Призвать ко мне мятежную сову! А не пойдет, доставить силою!..

Бросились слуги за совой и вскоре привели ее перед очи грозного Сулеймана.

— Как осмелилась ты ослушаться моего приказа? — спросил сову царь царей.

— О мой повелитель! — сказала сова. — Разве ты наделил меня такими крыльями, на которых я могла бы летать в сырую погоду? Или у меня есть такие глаза, которыми бы я могла видеть в солнечный день? Я летела медленно, повелитель, и поэтому опоздала. Я летела медленно, но зато наблюдала, что происходит на свете...

— Что же ты наблюдала, сова-птица? — спросил царь царей.

— Наблюдала я за тем, кого больше на свете: мертвых или живых,— сказала сова.

— И кого же оказалось больше? — спросил царь царей.

— Если считать спящих мертвыми,— сказала сова,— то мертвых больше.

— Еще что ты наблюдала? — спросил царь царей.

— Еще наблюдала я,— сказала сова,— чего больше на свете: пней или деревьев.

— Чего же больше?

— Если считать гнилые деревья за растущие, то деревьев больше,— сказала сова.

— Еще что ты наблюдала, мудрая сова? — спросил царь царей.

— Еще наблюдала я за тем, чего больше на свете: дней или ночей,— сказала сова.

— Ну, и чего же больше оказалось? — спросил ее царь царей.

— Если пасмурные дни считать за ночи, то ночей больше,— сказала сова.

— А еще что наблюдала ты? — спросил сову царь царей.

— Еще я наблюдала, повелитель, кого больше на свете — молодых или старых? — сказала сова.

— И кого оказалось больше?

— Если усталых считать за молодых, то молодых больше,— ответила сова-птица.

— Еще что наблюдала ты, мудрая сова? — спросил царь царей.

— Еще наблюдала я,— сказала сова-птица,— кого больше на свете: влюбленных или равнодушных.

— И кого же оказалось больше, мудрая сова?

— Если всех невстретившихся, разлученных и привыкших друг к другу считать за равнодушных,— сказала мудрейшая сова,— то равнодушных больше.

— Что же ты еще видела и слышала, сова? — спросил царь царей.

— Еще наблюдала я, сова, кого больше на свете: быстроногих скакунов или вьючных коней,— сказала сова.

— И кого же оказалось больше? — спросил царь царей.

— Если всадника, сидящего на быстроногом скакуне, не считать за груз, то быстроногих скакунов больше,— сказала сова.

— А еще, сова, что ты наблюдала на своем пути? — спросил царь царей.

— А еще наблюдала я, мой повелитель, кого больше на свете: мужчин или женщин, — сказала сова.

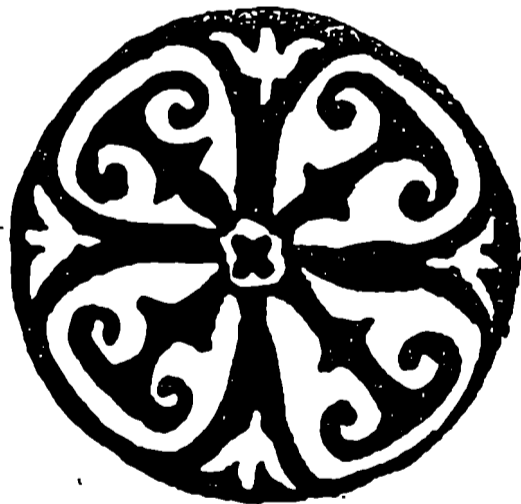
— Ну и кого же оказалось больше?

— Если всех мужчин, находящихся во власти женщин, творящих глупости, считать за мужчин, то мужчин больше, мой повелитель, — сказала сова и умолкла.

Царь царей понял намек мудрой совы, велел развязать всех птиц и отпустить их на свободу, а любимой жене своей родить там, где ей заблагорассудится.

Вот почему изо всех птиц только у совы ноздрей нет.

**БЫТОВЫЕ И
САТИРИЧЕСКИЕ
СКАЗКИ**





БАЯН-СЛУ И КОЗЫ-КОРПЕШ



давние времена между горами Тарбагатай и Алатау и озерами Балхаш и Ала-Куль кочевали два необычайно богатых, знатных и сильных султана: Карабай и Сарыбай.

Неразрывная дружба связывала их вот уже много лет. Не проходило и дня, чтобы друзья не виделись друг с другом, не было так, чтобы один без другого поехал куда-нибудь в гости, чтобы охота, байга или какое-нибудь празднество устраивалось одним без участия другого. И радость и горе делили они пополам, а в беде и несчастье каждый старался помочь другому по мере сил и возможности.

Однажды весной оба друга выехали на охоту и, отъехав от своих аулов не далее, как на полдня езды, увидели на небольшом острове марала¹. Подъехав на расстояние выстрела из лука, Карабай уже приготовился пустить в зверя свою стрелу, когда Сарыбай вдруг остановил своего друга:

— Не стреляй, брат, пожалуйста, и я тоже не буду: ведь это самка марала, и она вот-вот должна оягниться. Если мы убьем ее, то погубим вместе и ягненка. Вспомни, что у нас с тобой дома остались жены, беременные последние дни. И, быть может, пощадив неповинное животное, мы сделаем доброе дело, и аллах поможет нашим женам в минуту родов.

Послушался Карабай совета верного друга и, опустив лук, закинул его за плечо, а стрелу положил обратно в колчан, и поехали друзья дальше в поисках добычи.

Весь день проездили они, но зверя нигде не нашли, и к вечеру остановились на отдых у небольшого ручья. Тут, разговаривая о приключениях этого дня, они вспомнили о марале, и опять Сарыбай сказал другу:

— Послушай, друг, в этой встрече с маралом я вижу что-то недоброе. Когда хотел ты стрелять, вдруг почувало мое сердце, что и мне недолго жить, что семья моя скоро осиротеет. Если случится со мной какая беда, прошу тебя,

¹ Марал — горный олень.

в память нашей дружбы, не оставь мою семью без помощи и совета.

Карабай утешал как мог своего друга, стараясь рассеять его мрачные предчувствия, но Сарыбай все время был грустен и наконец предложил Карабаю в ознаменование долголетней дружбы дать друг другу обет и скрепить его клятвой. Обет этот заключался в том, что если жены их разрешатся от бремени сыновьями, то чтобы сыновья эти жили между собой, как родные братья; если же родятся дочери, то и дочерям быть сестрами. А если у одного родится сын, а у другого дочь, то считать их со дня рождения женихом и невестой.

— Мы же, породнившись таким образом,— прибавил Сарыбай,— до самой смерти уже не будем разлучаться, все добро наше будем делить пополам, и со смертью одного из нас другой будет считать семью умершего друга своей собственной семьей.

И поклялись друзья друг другу в исполнении этого обета и объявили о нем всем слугам и гостям, бывшим с ними на охоте. И вот в то время, как они произносили обычную в этих случаях клятву, прилетел откуда-то сверху черный скворец и опустился на голову Сарыбая, потом скворец с громким щебетаньем начал прыгать то на одного, то на другого из друзей.

— Этот скворец предвещает нам радость,— сказал Карабай.— Это посланник от бога. Он благословляет наш обет.

— Да,— отвечал Сарыбай.— Но он же предвещает и несчастье одному из нас, а так как он прежде всего опустился на мою голову, то это несчастье угрожает мне.

Совершив обычную вечернюю молитву, друзья сели на коней и отправились домой в сопровождении свиты и гостей. Все ехали шагом, давая роздых измученным за день лошадям, и стало уже темнеть, когда оба друга заметили всадника, скакавшего им навстречу.

— Это, наверное, гонец от которой-нибудь из наших жен,— решили между собой друзья.

И действительно, это был гонец, он приближался к ним, радостно размахивая над головой шапкой:

— Суюнши! — закричал он.— Жены ваши только что благополучно разрешились младенцами. У Карабая родился сын, а у Сарыбая — дочь. Спешите домой!..

Вихрем понеслись на своих лихих бегунцах Карабай и

Сарыбай, и скоро вся свита осталась позади. Некоторое время друзья неслись рядом, но конь Сарыбая был лучше и скоро опередил коня друга.

— Не спеши! — кричал Карабай. — Придержи коня: ночь опускается на землю, и я не могу поспеть за тобой, потому что конь мой устал и спотыкается о камни!..

Но Сарыбай не слушал и все летел вперед, ударами плети подгоняя измученного коня.

Вдруг конь его, споткнувшись обо что-то передними ногами, перевернулся через голову, увлекая за собой и всадника. Подоспевший Карабай соскочил с лошади и бросился на помощь, но, нагнувшись к Сарыбаю, он с ужасом увидел, что друг его, ударившись головой о камень, лежал неподвижно, обливаясь кровью. Напрасно Карабай старался привести его в чувство: Сарыбай был мертв. И конь и всадник разбились насмерть. Подъехавшие охотники подобрали тело, и все тихо двинулись вперед. Карабай ехал грустный и задумчивый: и жаль ему было погибшего друга, и страх обуял его за будущее. «Прав был Сарыбай, — думал он, — когда говорил, что не радость, а несчастье предвещал нам скворец. Видно, обет наш не угоден богу, и смерть Сарыбая служит мне предостережением».

Когда печальный поезд прибыл домой, плач и рыдание женщин огласили аул: не радость и праздничное веселье приветствовали рождение младенцев, а общая печаль и неутешное горе семьи.

Похоронив Сарыбая, Карабай, верный данному слову, объявил всем о своем обете и, справив поминки, устроил пышное празднество в честь рождения младенцев. Празднество это длилось целый месяц.

Мальчика назвали Козы-Корпеш, а девочку Баян.

По обычаю, пригласили предсказателей, и один из них предсказал, что судьба новорожденных будет несчастна, если они когда-нибудь сочетаются браком.

Карабай, согласно обещанию, принял под свое покровительство семью умершего друга, в которой надзор за скотом и имуществом и все управление делами перешли к брату умершего Сарыбая — Апсебаю.

Но ни сам Карабай, ни жена его, мать Козы-Корпеша, ни ближайшие родственники не верили в благополучный исход обета и не желали будущего брака.

— Этот брак будет несчастьем, — говорила жена Карабая. — Не хочу я женить сына на дочери Сарыбая, ко-

торая, как только родилась на свет, так тотчас же погубила своего отца.

Того же мнения был и Карабай. «Судьба младенца будет несчастна,— думал он.— С самого начала все предзнаменования были неблагоприятны, а предсказание предвещателя указывает на то, что надо по возможности предотвратить этот брак».

Один только старый Апсебай, дядя Баян, не разделял общего опасения. Верный старинным обычаям, он не хотел, чтобы Карабай изменил клятве, данной покойному другу.

— Великое несчастье падет на голову твою,— уговаривал он Карабая.— Клятвопреступление — страшный грех, и бог накажет тебя, а по вине твоей покарает и сына твоего.

В глубине души Апсебай затаил намерение содействовать будущему браку и осуществить, если будет возможно, клятву, данную друзьями.

Мысль изменить обещанию все более и более овладевала Карабаем, но решиться открыто нарушить клятву он не мог, поэтому под разными предлогами Карабай стал отходить со своими стадами все дальше и дальше от семьи Сарыбая и к концу следующего лета откочевал в Тарбагатайские горы. Семья же Сарыбая и род его, потеряв из виду старого друга, с Апсебаем во главе ушла к северо-востоку, в глубь степей.

Еще при жизни своей Сарыбай, кочуя как-то в предгорьях Алатау, наткнулся на кибитку бедного калмыка, который по болезни отстал от своего рода и остался в горах один с немногочисленным скотом и малолетним сыном. Сарыбай принял их под свое покровительство, а когда старый калмык умер, Сарыбай взял мальчика к себе приемышем и стал держать его как члена своей семьи, поручив ему наблюдение за частью хозяйства и скота.

Мальчика звали Кодар-Кул. Подрастая, он стал выказывать необычайную силу и мужество и, будучи внимательным и бережливым хозяином, понемногу забрал в свои руки все управление домашними делами и хозяйством. Жена Сарыбая, видя усердие и послушание Кодара, сильно привязалась к приемышу и, потеряв надежду выдать дочь свою Баян замуж за Козы-Корпеша, предназначала ее в жены Кодар-Кулу, чтобы Кодар, женившись на Баян, по достижении совершеннолетия сделался членом семьи и

преемником покойного Сарыбая, у которого кроме Баян были еще три дочери: Ай, Тансык и Айгыр, мужского же потомства не было.

Прошло пятнадцать лет со дня смерти Сарыбая и рождения Баян, когда умерла и мать ее. Апсебай к этому времени состарился и одряхлел, и вся власть окончательно перешла в руки Кодар-Кула, который своей бережливостью и заботливостью не только не расстроил состояния Сарыбая, а приумножил его так, что семья его сделалась самой богатой во всей окрестности.

Баян же, подрастая, превратилась в девушку чудной красоты; прозвание «слу»¹ стало неразрывно соединяться с ее именем, и слава о красоте ее стала распространяться по всей степи. Место, где кочевала семья Сарыбая, получило в честь красавицы название Баян-аул и стало любимым местом собраний молодежи. Женихи, привлекаемые красотой и богатством невесты, стекались в Баян-аул со всех сторон с предложением и богатыми подарками, так что ревнивый Кодар, из боязни потерять невесту, решился сняться с места и со всеми родичами Сарыбая откочевать к месту своей родины, к горам Алатау.

Более всего опасался Кодар-Кул появления жениха Козы-Корпеша, о котором ему было известно по рассказам, тем более что можно было ожидать во всякое время содействия ему со стороны старого Апсебая, оставшегося старшим в роде.

Апсебай уже давно успел передать Баян о клятве, данной Карабаем ее умершему отцу, и не раз увещевал ее не изменять завету родительскому и не выходить замуж за Кодара, а до конца надеяться и ждать жениха, который рано или поздно должен явиться.

Старик неоднократно обращался к ворожеям и предсказателям и от всех получал ответ, что ждать осталось недолго, что жених явится, когда вырастет у него золотая коса; по этой косе и следует признать его. О предсказаниях и примете жениха Апсебай также передал Баян, и красавица дала дяде слово ожидать прибытия Козы-Корпеша и отказать Кодару: грубый, неуклюжий и огромного роста калмык был ей ненавистен своими ухаживаниями и любезностями.

Когда Кодар-Кул двинулся со всеми аулами и много-

¹ Слу — красавица.

численными стадами, Апсебай последовал за ними и, чтобы впоследствии не потерять дорогу и сообщить о ней Козы-Корпешу, если судьба приведет когда-нибудь увидеть его, он ставил по дорогам и урочищам приметы, уговаривая делать то же и Баян-Слу. На одной из гор Баян бросила свой золотой гребень, и гора эта с того времени и до последних дней сохранила название «Алтын-Тарак»¹, в другом месте она воткнула перо, которое носила в волосах, — каркара², и урочище это получило название «Каркаралы».

На новом месте три сестры Баян-Слу вскоре умерли, и она одна наследовала несметное богатство отца.

Кодар-Кул, отстранив совсем от дел старого Апсебая, неотступно стал преследовать Баян своими предложениями выйти за него поскорее замуж. Чтобы отделаться от назойливого жениха и оттянуть время брака до приезда страстно ожидаемого Козы-Корпеша, Баян-Слу, не имея силы противиться открыто желанию Кодара, пустилась на хитрость. Она обещала выйти за него замуж, но только после того, как он исполнит три дела, которые она ему поручит.

Кодар согласился, и Баян-Слу поручила ему заняться исчислением всего многочисленного скота своего отца. Когда эта работа была выполнена, она велела ему во всех местах безводной степи выкопать глубокие колодцы, чтобы пасущийся скот мог иметь везде достаточно воды. Последняя же, самая трудная, работа заключалась в том, чтобы Кодар отыскал низменное место около могилы сестры Тансык, снарядил большой вьючный обоз с большими кожаными мехами и возил бы воду из реки Аягуз до тех пор, пока не получится искусственное озеро, а берега этого озера Баян приказала обмазать солью, необходимой для скота.

Несмотря на непреодолимые трудности, Кодар-Кул решился выполнить и это последнее задание. День и ночь непрерывно продолжалась работа, бесконечный караван верблюдов в течение целого года двигался от урочища Тансык до реки Аягуз и обратно, и наконец искусственное озеро было готово, и в таком виде, под именем озера Тансык, существует и в наши дни. Баян, не имея более

¹ Алтын — золото, тарак — гребенка.

² Каркара — женское украшение.



предлогов отказывать Кодару, вынуждена была наконец назначить день свадьбы, которая должна состояться не позже следующего месяца.

Карабай, отделившись от семьи Сарыбая, прожил тоже недолго. Года через три он умер, настрого наказав перед смертью престарелой матери своей и жене, матери Козы-Корпеша, ничего не говорить мальчику о невесте его, Баян, из опасения, что брак этот состоится и повлечет за собой предсказанные несчастья.

Козы-Корпеш подрастал и годам к семи выглядел уже подростком, выказывая необычайную силу. Часто в играх со сверстниками и подростками он по неосторожности наносил тяжелые увечья товарищам, а в борьбе со взрослыми не только всегда оказывался победителем, но, в горячности, не рассчитав силу удара, убивал насмерть своих противников. Этими случаями Козы-Корпеш причинял немалое горе своей матери, и в особенности бабушке, которая после смерти Карабая осталась старшим и почетным человеком в роде.

Однажды бабушка его сидела у дверей своей юрты и пряла баранью шерсть, а Козы-Корпеш, которому было уже пятнадцать лет, играл с товарищами в асыки тут же неподалеку. Старуха была не в духе и с утра сердилась на внука, а Козы-Корпеш, желая досадить ей, стал бросать свои бабки так, чтобы они попадали к ней в пряжу и мешали работать. Один раз, изловчившись, Козы-Корпеш бросил свой асык так метко, что он попал прямо в натянутую на веретене пряжу и разорвал ее. Не помня себя от гнева, старуха встала с места и разразилась бранью и упреками:

— Вот какой ты большой болван вырос,— вскричала она.— Не лучше ли, вместо того чтобы забавляться детскими играми, тебе сесть на коня и разыскать свою невесту!

— Какую невесту? — спросил Козы-Корпеш.

— Да твою невесту...— но тут, спохватившись, старуха попыталась обратить все в шутку. Однако Козы-Корпеш так настоятельно стал допрашивать, что она была не в состоянии отговориться и сказала ему:

— Ступай к матери! Мать все знает и все тебе расскажет.

Мать сообразила, что бабушка не выдержала и нарушила слово, данное Карабаю, поэтому она всеми силами

пыталась убедить сына, что это шутка, и кто невеста и где она живет — сказать не хотела. Тогда Козы-Корлеш, притворившись, что поверил словам матери, попросил ее приготовить ему его любимое кушанье курмач¹. Мать обрадовалась и, приготовив курмач, подала его сыну на блюде. Козы-Корпеш, улучив удобную минуту, быстро сунул матери горячей пшеницы в руки и крепко зажал ее своей рукой. От сильной боли мать заплакала, а Козы-Корпеш стал допытываться: кто невеста и где она живет.

Не будучи в состоянии больше выносить боль, мать сказала:

— Невеста Баян — дочь Сарыбая, отпусти меня, я все скажу тебе.

Освободив руку матери, Козы-Корпеш выслушал подробный рассказ об обете Карабая и Сарыбая; но больше мать ничего не знала. Слава о красоте и богатстве Баян разнеслась повсюду, но с откочевкой Кодара из Баян-аула след затерялся, и, где и как найти невесту, мать не могла объяснить Козы-Корпешу.

Козы-Корпеш решил ехать в Баян-аул и, там наведя справки, двинуться в дальнейший путь по следам Кодар-Кула.

— Не ездь, сын мой, — умоляла мать, — отец твой завещал перед смертью отказаться от невесты, потому что брак этот принесет тебе несчастье.

— Если отец изменил своему слову, я должен исправить его грех и выполнить его клятву, — ответил Козы-Корпеш.

— Но невеста уже просватана за богатого Кодар-Кула, который убьет тебя.

— Я буду биться с ним насмерть, и, если мне суждено взять в жены Баян, я одолею, а если нет, то только смерть заставит меня отказаться от невесты.

— Но ведь невеста далеко, и где — никто не знает; путь предстоит долгий, дикие звери и злые люди подстерегут и погубят тебя в дороге.

— Не боюсь я ни зверей диких, ни злых людей, сумею защититься от них.

— На пути лежат озера глубокие, реки быстрые, горы высокие, леса дремучие. Где тебе преодолеть? Ты один, молод и неопытен.

¹ Курмач — жареная пшеница, просо.

— Я возьму себе такого коня, который переплышет озера и реки, перейдет и горы высокие, а в лесу я сам проложу себе дорогу, и хоть год буду прорубать себе путь, а назад не вернусь.

Видя, что никакие увещевания не помогают и ничего не может помешать решению сына ехать в дальний путь, мать со слезами простилась с ним.

Выбрав себе лучшего коня из многочисленных табунов своих, вооружившись луком и стрелами, найзой¹ и ключем, выехал на другой же день Козы-Корпеш на поиски невесты.

А мать, все еще не теряя надежды вернуть сына с дороги, посоветовалась со старой бабушкой, и обе решили обратиться к одной колдунье за помощью.

Колдунья, приняв богатые дары, обещала воспрепятствовать Козы-Корпешу в пути и немедленно пустилась за ним. Опередив его, она обернулась дикой верблюдицей и бросилась Козы-Корпешу навстречу с яростным ревом. Но не сробел жигит, выхватил саблю и бросился на нее. Не выдержала верблюдица его натиска, повернула назад и пропала с глаз.

Поехал Козы-Корпеш дальше и вдруг видит: бурная и глубокая река преградила ему путь, с шумом и ревом несутся волны, белая пена кипит, как в котле.

Не стал Козы-Корпеш брода искать, а бросился прямо в кипящие волны на лихом коне своем. Но только что конь вскочил в воду передними ногами, как река исчезла и опять открылась гладкая дорога. Едет дальше Козы-Корпеш, а день уже начал склоняться к вечеру, и вот что-то засияло вдали — не то гора, не то лес раскинулся поперек дороги. Наступила почти ночь, подъехал он ближе и видит, что это лес, да такой густой, что не только верхом, а и пешком через него не пробраться, и так далеко раскинулся он, что конца-края ему не видно и объехать негде.

Остановился Козы-Корпеш, подумал, как быть, да, недолго раздумывая, выхватил саблю и стал лес рубить. «Буду,— думает он,— хоть год рубить, а все-таки назад не поеду». И только ударил он по первому дереву, повалилось оно со стоном, и лес разом пропал с глаз.

И горами, и озерами оборачивалась колдунья, но видит,

¹ Найза — пика.

что ничто не может остановить Козы-Корпеша, и решила она на последнее средство — отвлечь его от дороги богатой добычей, сбить его с пути так, чтобы он заблудился и, не найдя дороги, повернул назад.

Обернулась она золотой лисицей и выбежала Козы-Корпешу навстречу. Только завидел он добычу, схватил лук и погнался за ней, думая подбежать и пустить стрелу, но лисица в тот миг, как он готовился выстрелить, спряталась в нору. Козы-Корпеш слез с коня и стрелой стал шарить в норе; нора оказалась глубокая, и стрела не достала лисицы, но когда он вынул стрелу из норы, то с удивлением увидел, что она вся озолотилась. Тогда Козы-Корпеш попробовал опустить в нору нагайку — нагайка тотчас же превратилась в золотую. Тут Козы-Корпеш стал спускать в нору все, что было у него с собой, и скоро весь седельный прибор, оружие, стремяна, лук и стрелы — позолотились. Козы-Корпеш наконец, не найдя больше ничего, что можно было бы еще вызолотить, лег на землю лицом вверх и опустил в нору свою косу¹, а когда вытащил ее, то и коса тоже стала золотою.

— Ну, довольно, — сказал Козы-Корпеш, сел на коня и отправился в дальнейший путь. Но только он тронулся с места, как лисица опять выбежала из норы. Не стал Козы-Корпеш за ней гнаться — много и без того потерял он времени. И поехал он дальше, даже не оглядываясь на лису.

Долго ехал Козы-Корпеш и наконец прибыл к тому месту, где стоял когда-то аул Баян-Слу. Ничего не осталось от прежнего аула, только сорной травой заросли места, где стояли когда-то многочисленные юрты. Слез Козы-Корпеш с коня, привязал его к кусту на выстойку и решил сделать здесь привал, отдохнуть, переночевать, а завтра осмотреть следы и ехать дальше.

Насбирал он сухого конского помета, развел огонь и стал жарить мясо убитой сайги. Вдруг видит, идет к нему старик, одежка на нем худая, вся в лохмотьях, ноги босые и изранены о камни, сам он еле живой, идет и на палку опирается — видно, что человек больной. И стал спрашивать Козы-Корпеш старика, когда он подошел к огню:

¹ Раньше в казахских семьях мальчик-первенец или любимец родителей носил на затылке небольшую косу.

— Откуда, бабай¹, идешь? Как зовут тебя и как ты очутился одинокий здесь, в этом пустынном месте?

— Зовут меня Апсебай,— ответил старик,— иду я издалека отыскать сына Карабая Козы-Корпеша и объявить ему о невесте его красавице Баян, которая со дня на день ждет его и не знает, как избавиться от ненавистного жениха Кодар-Кула.

И рассказал тут старый Апсебай все по порядку, начиная с того дня, когда умер Сарыбай, и кончая тем, когда злодей Кодар забрал все в свои руки и, опасаясь появления Козы-Корпеша, откочевал далеко, а его, старого, под конец выгнал из дому, не дав даже худенькой лошаденки.

— Много дней уже иду я,— говорил старик,— и немощь одолела, видно, умереть мне здесь, не исполнив обета, данного моим братом другу своему Карабаю.

Обрадовался тут Козы-Корпеш и открыл старику свое имя, но не сразу поверил Апсебай, покачал он недоверчиво головой и говорит:

— А покажи-ка мне свою косу!

Снял Козы-Корпеш шапку, и, как увидел Апсебай золотую косу, обнял его и заплакал от радости.

Утром чуть свет поднялся Козы-Корпеш, но Апсебай уже не вставал: болезнь свалила старика. Кое-как собравшись с силами, рассказал он про дорогу, какие приметы поставлены на пути, через какие места надо ехать, все повторил по нескольку раз, чтобы Козы-Корпеш лучше запомнил, и потом окончательно впал в беспамятство...

Как ни спешил Козы-Корпеш в путь, но не решился оставить одного больного старика; впрочем, недолго пришлось ему ждать: к вечеру того же дня старик скончался.

Похоронив его, Козы-Корпеш поехал дальше; теперь он ехал уже по верной дороге, разыскал все приметы по пути и, следуя от одного урочища до другого, вскоре завидел вдали множество юрт и многочисленные стада. Это было место стоянки Баян и Кодар-Кула.

Не доезжая до аула, Козы-Корпеш слез с коня, расседлал его и пустил на волю; все свое вооружение и хорошую одежду сложил в потайное место, а сам, переодевшись в худенькую одежонку, отправился пешком в аул наниматься в табунщики. Прибыл он на место как раз в тот день, когда Кодар-Кул, окончив последнюю работу, заставил

¹ Бабай — (баба) — дедушка, добрый старец.



наконец Баян-Слу дать согласие на брак и назначить день свадьбы.

Нового табунщика приняли охотно, и Козы-Корпеш поступил в услужение к Баян-Слу под именем Котур-Тази. Она поручила ему пасти своих любимых коз, которых каждое утро сама навещала и доила.

В первый же раз, как увидал Козы-Корпеш свою невесту, дрогнуло его сердце, целый день ходил он сам не свой — до того поразила его красота Баян-Слу; хотя много слышал он о красоте ее, но такой красавицы и во сне ему никогда не снилось.

Несколько дней уже прожил Козы-Корпеш в ауле своей невесты, а все не мог ей открыться, все ждал подходящего случая, а случай этот не представлялся.

Однажды Кодар-Кул уехал на несколько дней в горы к своим калмыкам, а Баян-Слу, оставшись одна, вздумала послушать песни. Приближенные указали ей на нового пастуха Котур-Тази как на большого мастера играть на домбре и петь песни. Послали за ним. Явился Козы-Корпеш, сел у порога юрты своей повелительницы, настроил домбру и запел. Много песен перепел он, а под конец запел о красавице, которой в свете нет краше, и как эта красавица ждет-поджидает жениха; пропел ей всю свою историю и под конец так закончил свою песню: «Скоро, скоро объявится жених; близко он, да не знает, примет ли его первая по красоте и богатству во всей степи девушка».

Поняла Баян, что про нее сложена эта песня и что неспроста певец спел ее, долго и пристально поглядела она на него, но как же было признать в бедном табунщике жениха? «Верно, гонец, посланный от него», — подумала она и, улучив время, успела шепнуть ему: «Скажи, что давно жду его и приму как следует — только пусть спешит».

С тех пор часто стала ходить Баян к своему любимому стаду и подолгу засиживаться там и расспрашивать табунщика про желанного жениха...

Все рассказал ей Козы-Корпеш, только имени своего открыть не решался, а заметил, что, должно быть, понравился сам красавице, потому что, когда он, осмелившись, стал заигрывать и шутить с ней, она не обижалась на его шутки, весело смеялась и глядела на него ласково своими чудными глазами.

Случилось как-то вскоре, что любимая коза Баян-Слу соскочила неловко с обрыва и сломала себе ногу. Услышав про то, Баян сама поспешила к стаду и стала упрекать табунщика. Не стерпел наконец Козы-Корпеш, схватил красавицу в свои объятия и начал целовать. Осердилась Баян, вырвалась из рук табунщика и ударила его по голове: от этого удара шапка с головы Козы-Корпеша упала, и вдруг увидела красавица, как блеснула у него на затылке золотая коса. Вспомнила она о примете жениха и признала его; признался тогда во всем и Козы-Корпеш.

Весь этот день провели они вместе, обдумывая и соображая, как лучше устроить дело и объявить о свадьбе, и решили пока все держать в тайне — до откочевки на новое место; только не согласилась Баян-Слу оставить жениха в табунщиках и взяла его к себе в личную прислугу, велела одеться в хорошее платье и находиться при ней безотлучно.

Спустя несколько дней вернулся Кодар-Кул из поездки. Крепко не понравилось ему, что Баян выбрала себе в прислужники нового табунщика, не узнал он прежнего Котур-Тази в красивом и статном жигите.

С тех пор Кодар, не смея открыто противиться желаниям Баян-Слу и распорядиться вопреки ее воле, стал искать предлога обвинить в чем-либо Козы-Корпеша и прогнать его, как человека неблагонадежного, однако Козы-Корпеш держал себя осторожно, никакого повода к обвинению не подавал.

Вскоре аул Баян-Слу перекочевал на новое место. По приезде туда, как обыкновенно, поставили юрты и стали городить загоны для мелкого скота, чтобы загонять его на ночь. Когда понадобилось забивать колья для загонов, оказалось, что Кодар-Кул забыл на прежнем месте свой молот, а была эта колотушка так тяжела, что десять человек не могли ее сдвинуть с места.

Вздумалось Кодару сыграть с Козы-Корпешем злую шутку — послать его за этим молотом, и когда он, не будучи в состоянии его принести, явится с пустыми руками, обвинить его в лени и нерадении; отколотить и прогнать из аула.

Придя по поручению Кодара на старое место, Козы-Корпеш нашел молот, надел ремень, который был у рукоятки, себе на палец и пошел обратно, помахивая молотом, как палочкой... Вдруг ремень оборвался и молот отлетел

в сторону, да так далеко, что упал прямо на середину озера Ала-Куль.

Пришлось Козы-Корпешу вернуться в аул с пустыми руками. Рассвирепел тогда Кодар-Кул:

— Ах ты, ленивая собака, несчастный байгуш¹! — закричал он.— Тебе и баранов-то пасти нельзя доверить, а не только в прислужниках быть, убирайся вон отсюда, иди откуда пришел, и чтоб ноги твоей не было в ауле.

И бросился Кодар-Кул на Козы-Корпеша с кулаками. Не мог стерпеть Козы-Корпеш такой обиды, гневом загорелись его очи:

— Как ты смеешь называть меня нищим, безыменное отродье, приемыш — вскричал он в ответ.— Я — Козы-Корпеш, сын знатного Карабая, а Баян-Слу — моя невеста!

И, схватив Кодара за опояску поперек тела, Козы-Корпеш поднял его вверх и бросил на землю.

Чуть не насмерть хлестнулся Кодар-Кул о землю и долгое время лежал без памяти, а когда пришел в себя, то весь народ уже собрался около Козы-Корпеша и Баян-Слу и поздравлял жениха с невестой.

Понял Кодар, что пришел конец всем его надеждам и что ему ничего не остается больше, как собираться и ехать навсегда из аула Баян в горы к своим калмыкам.

— Ну, помни,— сказал Кодар на прощание Баян-Слу.— Так-то ты отблагодарила меня за все мои заботы о тебе и твоём добре! Так-то рассчиталась со мной за мои труды и работы, которые из хитрости заставляла делать меня, чтобы оттянуть время. Не один теперь я приеду к тебе, а подниму на весь ваш род целую волость калмыков, погублю твоего мальчишку-жениха, а тебя силой возьму в жены.

Уехал Кодар-Кул в горы, возмутил калмыков и пошел войной на Козы-Корпеша. А Козы-Корпеш, разыскав своего коня и оружие, собрал со всех аулов жигитов, вооружил их и приготовился к защите.

Недолго пришлось ожидать возвращения Кодара; с несметной силой появился он перед аулами, разъезжая сам впереди на своем богатырском коне Карабаке.

Выехал навстречу ему и Козы-Корпеш, двести отборных жигитов окружили его, ожидая знака к бою. Сам Козы-Корпеш был на рыжем коне, которому и цены не было: все

¹ Байгуш — нищий, бедняк.

оружие его блестело золотом, в руках было золотое копье с желтым знаменем.

С диким криком бросились калмыки на казахов, но не сробели жигиты и по знаку Козы-Корпеша, как соколы, полетели навстречу врагам. Впереди всех мчался вихрем Козы-Корпеш, направляясь в середину неприятеля, где завидел он врага своего Кодара. Не выдержал Кодар и, опасаясь схватки один на один с Козы-Корпешем, замешался в толпе своих калмыков. Как трава под косой, стали валиться калмыки, поражаемые направо и налево меткими ударами Козы-Корпеша.

Не устояли калмыки против дружного натиска и скоро повернули назад, спасаясь от преследования, а Козы-Корпеш давно опередил всех и все летел вперед, настигая убегающего Кодар-Кула.

Вот уже близко враг... Видит Кодар-Кул, что не уйти ему от Козы-Корпеша, оглянулся он кругом — никого нет; не миновать, значит, схватки один на один. Обратил он назад своего Карабака, и грудь с грудью сшиблись и кони и всадники.

Истомился Козы-Корпеш предыдущей битвой с многочисленными врагами, а Кодар схватил его своими огромными руками и силился повалить с коня. Долго боролись два богатыря, то Кодар одолевает Козы-Корпеша, то Козы-Корпеш берет верх. Наконец изловчился Козы-Корпеш, освободил он правую руку и со всего размаху ударил врага кулаком по голове. Помутилось в глазах у Кодар-Кула от этого удара, и, как подкошенный, рухнул он с коня на землю, а Козы-Корпеш уже спешил и, придавив коленом грудь врага, связал его арканом.

Взмолился Кодар и стал просить пощады, не сжалился Козы-Корпеш, распалилось гневом его сердце. Привязал он врага за ноги к своему стремени и поволок по земле. До самого вечера таскал он Кодара, и стал наконец Кодар просить отпустить его, обещая отказаться от всяких притязаний на Баян-Слу и давая клятву не иметь зла против Козы-Корпеша и ничего не предпринимать против него.

Смиловившись тогда Козы-Корпеш, развязал Кодара и отпустил его на все четыре стороны, обещая со своей стороны не только забыть все зло, но быть с этого времени добрым другом Кодару, если только он сдержит свое слово и откажется от Баян-Слу. Козы-Корпеш возвратил даже Кодару его коня и оружие и разрешил ему вернуть-

ся в аул Баян и, не опасаясь никакой вражды, продолжать жить, как и прежде, членом семьи.

Остался Кодар-Кул в ауле, и все пошло, по-видимому, так же, как и раньше. Стали готовиться к свадьбе Козы-Корпеша и Баян-Слу, но не дремал Кодар-Кул, надолго затаил он злобу в сердце и, как только оправился, стал придумывать, как бы извести Козы-Корпеша и завладеть его невестой.

Прежде всего постарался он склонить на свою сторону старую тетку Баян-Слу, сестру покойного Сарыбая, а при содействии ее ему удалось заручиться союзниками и среди других родственников Баян, из которых одних он обольстил лаской и обещаниями, а других — золотом и подарками. Таким образом, более половины родственников вступили в соглашение с Кодар-Кулом и обещали ему свою помощь против Козы-Корпеша. Заручившись союзниками, Кодар опять стал разъезжать по аулам на своем Карабаке и громко кричать, что он не допустит свадьбы, что теперь он не поддастся Козы-Корпешу, а может даже голову его доставить в аул на пике.

Проведала об этом Баян-Слу и скоро убедилась, что почти вся родня готова препятствовать ее свадьбе с Козы-Корпешем. Нужно было придумать что-либо и не допустить схватки между Козы-Корпешем и Кодаром, так как схватка эта могла окончиться общей ссорой и дракой между всеми родственниками... Большинство родни было на стороне Кодара, и потому победа могла легко оказаться на его стороне. Между тем Козы-Корпеш, узнав о замыслах Кодара, стал готовиться еще раз помериться с ним силой и дал себе клятву на этот раз не пощадить его. Собрал сколо себя горсть преданных жигитов, Козы-Корпеш в гневе грозил перебить всех сторонников Кодар-Кула, и только ласками и поцелуями удалось Баян-Слу укротить гнев своего друга и упросить его не затевать междоусобного побоища. Баян уговорила Козы-Корпеша удалиться на короткое время в уединенное место Шок-Терек¹, около озера Балхаш, сама же решила объявить родне, что жених ее уехал домой, и затем тотчас же отдать распоряжение о перекочевке на новое место, в ту сторону, где находились родственники Козы-Корпеша. Баян-Слу надеялась, что те из родственников, которые стали во враждебное к ней от-

¹ Шок-Терек — одинокий тополь.

ношение, не пойдут с ней вместе, и она уйдет таким образом только с друзьями, а тогда Козы-Корпеш мог смело явиться к ней, не опасаясь Кодар-Кула, который, оставшись без союзников, смирится и покорится своей участи.

После долгих колебаний Козы-Корпеш согласился наконец на предложение Баян-Слу и удалился на Шок-Терек, а Баян, объявив об отъезде жениха, отдала распоряжение о перекочевке и велела собирать и тюковать свое имущество. Предположение ее, видимо, оправдывалось: раздоры прекратились, сторонники Кодар-Кула, рассорившись с Баян, отказались следовать за ней и порешили остаться на прежнем месте; сам же Кодар-Кул заявил, что уедет к своим калмыкам и останется там навсегда. Одна только старая тетка Баян-Слу не поверила племяннице и подозревала, что Козы-Корпеш где-нибудь скрывается поблизости.

День и ночь она стерегла Баян, ложилась спать в одной с ней юрте и все наблюдала, не получит ли Баян-Слу каких-либо вестей от своего жениха. И заметила тетка, что каждый день, на утренней заре, Баян тихо поднималась с постели, раздвигала войлоки юрты, и в отверстие влетал скворец, садился девушке на плечо и как будто бы что-то шептал ей на ухо.

«Это вестник от Козы-Корпеша»,— подумала старая женщина и решила поймать скворца и узнать от него правду. И вот, за день до предполагаемого выступления в путь на новое место, старуха поднялась утром раньше Баян, подошла к замеченному месту, раздвинула войлок и поставила к отверстию свой рукав. Не ожидая западни, скворец влетел в рукав, а старуха, захватив его, тотчас же удалилась к себе. Там она стала допытываться у птички, где скрывается Козы-Корпеш, но скворец молчал; тогда злая старуха стала пытаться его, вырывая у живого перья, и тербила до тех пор, пока не оголила спинку и крылья, стараясь при этом ухватить и кожу. Скворец, несмотря на муки, все молчал и не хотел отвечать на ее вопросы. Наконец скворец не выдержал, сказал только: «Шок-Терек»,— и умер.

Чтобы скрыть следы преступления, старая тетка Баян зажарила скворца и съела его, а потом, призвав Кодар-Кула, рассказала ему обо всем. После некоторого размышления оба союзника решили, что Козы-Корпеш должен, по видимому, скрываться в урочище Шок-Терек, а потому

Кодар должен был тотчас же отправиться на это место и постараться захватить Козы-Корпеша внезапно.

В то же утро Кодар-Кул, пригласив бывших с ним в союзе родственников Баян, поехал в Шок-Терек. День был жаркий, и Козы-Корпеш, в ожидании вестника от невесты, беспечно заснул в тени тополя.

Заслышав приближавшийся топот, Козы-Корпеш проснулся и с недоумением увидел толпу ехавших к нему всадников, между которыми признал Кодар-Кула.

Вскочив на ноги, Козы-Корпеш схватил лук и стрелы и приготовился защищаться, но один из родственников крикнул ему, что Кодар-Кул приехал помириться и проститься, так как намерен откочевать в свои края, за хребет Алатау.

— Если Кодар уезжает, то не может быть и речи о какой-либо вражде между нами,— сказал Козы-Корпеш,— я не помню зла и готов считать Кодара своим другом.

С этими словами Козы-Корпеш положил на землю лук и стрелы и пошел навстречу прибывшим. Но в это время Кодар-Кул, скрываясь за спиною всадников, незаметно натянул свой лук и пустил налитанную ядом стрелу, которая до половины впилась в грудь Козы-Корпеша. Он упал, обливаясь кровью.

В тот же день Баян, напрасно прождав скворца и томимая безотчетной тоской, собрала подруг своих и, под предлогом осмотра места для новой стоянки, выехала с ними на Шок-Терек навестить жениха. Но, не проехав и половины пути до Шок-Терека, девушка встретила группу всадников, впереди которой ехал на вороном коне Кодар-Кул, что-то высоко подняв на пике. Поравнявшись с Баян-Слу, Кодар, быстро встряхнув, опустил пику, и голова Козы-Корпеша упала на пыльную дорогу к ногам коня, на котором ехала Баян. Ни слова не вымолвив, Кодар поехал дальше.

С воплем упала Баян-Слу на землю и долго лежала так над головой возлюбленного; потом она встала и, приказав подругам возвратиться домой, отправилась одна в Шок-Терек, чтобы умереть там же, где кончил жизнь миль жених. Найдя тело его, она вынула из груди его стрелу, приложила к плечам отрезанную голову и, склонясь у трупа, стала, рыдая, молиться и просить бога оживить ее жениха хотя бы на короткое время, чтобы проститься с ним. Долго так молилась она, не поднимая лица от доро-

гого трупа, и вдруг почудилось ей, кто-то стоит перед ней. Подняв глаза, она увидела незнакомого старика.

— О чем так горько плачешь, красавица? — ласково спросил старик.

— Ах, как мне не плакать, бабай: я потеряла любимого жениха, убит он вероломной рукой, и вот, в отчаянии, что не успела даже проститься с ним, я прошу у бога милости подарить мне снова жизнь его хотя бы на три дня.

— Мало просишь, красавица, проси три года.

— Не нужно мне трех лет, я хочу умереть вместе с ним.

— Ну, проси хотя три месяца.

— Не нужно трех месяцев, довольно мне и трех дней.

— Ну, пусть будет по-твоему, — сказал старик и в ту же минуту исчез, а Баян, радостная и умиленная, увидела вдруг, как голова Козы-Корпеша приросла к плечам, глаза открылись... Он вздохнул, приподнялся и сел.

Три дня и три ночи прожили неразлучно жених с невестой. Козы-Корпеш рассказал ей о вероломстве Кодара и взял слово с Баян-Слу отомстить за его смерть. Баян поклялась исполнить его желание и, совершив мечь, умереть и лечь в одну могилу со своим женихом. В конце третьего дня Козы-Корпеш, почуяв близость смерти, крепко обнял свою подругу и скончался в ее объятиях.

После смерти Козы-Корпеша Баян-Слу возвратилась домой и, собрав всю родню и весь народ, объявила, что жених ее умер, что никаким ссорам и распрям теперь нет места, и что она готова выйти немедленно замуж за Кодар-Кула, только просит дать ей время похоронить Козы-Корпеша и справить по нем поминки. Обрадованный Кодар-Кул теперь опять был готов на все, что потребует от него Баян. Поэтому он согласился не только снова принять на себя все управление хозяйством ее, но и заняться устройством похорон и поминок.

Баян-Слу приказала ему приготовить для поминального обеда «сорок верблюдиц без верблюжат, сорок кобыл без жеребят, сорок коров без телят и сорок овец без ягнят» и пригнать этот скот к назначенному для похорон месту, близ реки Аягуз, и туда же пригласить на поминки весь народ. По пути к Аягузу Кодар должен остановиться у колодца в степи и ожидать там приезда Баян с телом Козы-Корпеша.

Сама Баян-Слу тем временем в сопровождении женщин, девушек и огромной толпы народа отправилась в Шок-Терек, где тело умершего Козы-Корпеша обрядили для похорон, завернув его в тонкие кошмы и дорогие ковры так, чтобы труп мог несколько дней лежать под открытым небом, пока готовится могила. Затем, навьючив тело на верблюда, весь похоронный поезд двинулся к месту погребения.

По приезде к колодцу, где дожидался Кодар-Кул, Баян-Слу притворилась больной и объявила, что не может следовать дальше до выздоровления, а выздоровление она получит только тогда, когда кто-либо из молодых жигитов решится спуститься в глубокий колодец и достать для нее воды своей шапкой, а так как колодец был очень глубок, то вместо веревки спускающийся должен был воспользоваться косою Баян-Слу. Наставленная шелком коса была так длинна, что доставала до самого дна колодца.

— Кто спустится, за того мне суждено выйти замуж,— прибавила в заключение Баян, очевидно желая поручить это дело Кодар-Кулу.

Не задумываясь ни минуты, Кодар-Кул вызвался исполнить желание красавицы и, ухватившись за ее косу, стал спускаться в колодец. Но, едва лишь он коснулся дна, Баян ударом ножа обрезала свою косу, и Кодар-Кул упал на дно. Принимая все это за шутку, Кодар, набрав воды, стал кричать, чтобы его подняли, и, обращаясь к Баян, которая, склонившись, смотрела на него, сказал с улыбкой:

— Твоя шутка очень бы мне понравилась, но только не в таком тесном месте, здесь темно и холодно.

— Эта шутка,— ответила Баян,— похожа на ту, которую ты сыграл с моим женихом. Сиди же теперь здесь и моли бога, чтобы смерть пришла за тобой поскорее.

С этими словами Баян-Слу отошла от колодца и приказала закидать отверстие лесом, а сверху навалить камни и насыпать могильный курган.

Покончив таким образом с Кодаром, Баян-Слу предстояло теперь сделать могилу Козы-Корпешу и в этой могиле умереть рядом с его трупом.

Отойдя к Аягузу, Баян выбрала возвышенное место и велела копать могилу и заготовить материал для памятника. В это время недалеко от их стана расположился на ночлег громадный купеческий караван, шедший к туркменам. Хозяин каравана, он же начальник его, заметив вбли-

зи стечение народа, отправился посмотреть, что это такое, и тут увидел Баян-Слу. Красота ее до того поразила караванбаши, что он целую ночь не мог после того уснуть, а утром отправил к Баян послов с предложением выйти за него замуж. В калым за невесту караванбаши предложил все богатство, какое имелось в караване; если же красавица и на это не будет согласна, то начальник каравана приказал объявить ей, что он без нее не уйдет и в крайности готов овладеть ею силой. Крепко опечалилась Баян-Слу, получив это предложение. Еще раз предстояло ей отделаться от назойливого предложения и именно в то время, когда она уже мысленно простилась с жизнью и готовилась умереть. Чтоб не вызвать своим отказом каких-либо насильственных действий со стороны могущественного караванбаши, Баян решила пригласить его к себе и лично переговорить с ним.

Когда купец прибыл, Баян-Слу приняла его с почетом, угостила из собственных рук и на предложение объявила, что согласна выйти за него замуж, но не теперь, а тогда, когда покончит с постройкой памятника. Эта постройка должна затянуться надолго, а потому Баян просила караванбаши не мешкая ехать своим путем и отложить свадьбу до своего возвращения.

Очарованный ее красотой и любезностью, караванбаши, чтобы ускорить время брака, предложил постройку памятника взять на себя.

— У меня несколько тысяч людей,— сказал он,— и я все сделаю в короткое время, укажи только, где и какой величины поставить памятник.

Баян отвела его на место, где была уже выкопана яма, очертила палкой основание памятника, а для указания высоты его сняла и бросила вверх свою дорогую девичью шапку. В тот же день караванбаши, собрав весь свой народ, приступил к работе.

От гор Арганактинских до Аягуза он поставил цепь людей на таком расстоянии один от другого, чтобы камень для кладки памятника, добываемый в горах и обтесанный мастерами, мог быть передаваем из рук в руки до самой могилы, где другие мастера укладывали его в стены. В очень скором времени памятник был готов. Баян осмотрела его и осталась довольна. Тело Козы-Корпеша внесли в открытую дверь памятника и опустили в яму; весь приведенный скот был заколот, и начался поминальный обед.

Сама Баян-Слу разоделась в дорогие одежды и лично угощала гостей. Вся молодежь, очарованная красотой хозяйки, потеряла голову, и каждый готов был по желанию красавицы идти и делать все, что она захочет. Когда начались обычные игры и состязания на призы, капризная красавица вдруг объявила, что она сейчас же пойдет замуж за того, кто, взобравшись на самую вершину памятника, спрыгнет оттуда вниз. Охотников оказалось великое множество, и сам караванбаши, окончательно потерявший власть над своими подчиненными, погиб одним из первых, выполняя условие состязания.

Когда все претенденты на руку Баян-Слу погибли, она собрала родственников, поделила между ними все свое несметное богатство и завещала похоронить ее в одной могиле с Козы-Корпешем. После этого она спустилась в яму, где лежало тело Козы-Корпеша, и кинжалом, который носила у пояса, ударила себя в грудь с такой силою, что сразу скончалась.

КАК АЛДАР УВЕЛ КОНЯ У ВОРА



Шз родного аула в далекий край Алдар отправился пешком. Шел он дни и ночи через пустыни, степи и леса, останавливаясь на ночлег в аулах у бедных пастухов. Однажды в дом чабана, у которого остановился Алдар на ночлег, прибежал сын верблюдовода и говорит:

— В дом молодой жены Шигайбая приехал знаменитый вор и привел жеребца. Шерсть у него — золотом блестит, хвост и грива — по ветру развеваются, зубы как жемчужные, а глаза, как звезды, горят. А какой быстроногий! Говорят, птиц обгоняет. Шигайбай хочет пустить его в свой конский табун. Ведет вор его в шелковом недоузке, под шелковым покрывалом. Увидел жеребца мой отец и говорит: «Племенной, видать, жеребец, развести бы у нас его потомство. Да только Шигайбай теперь никому коня не покажет и загонит его в Шиган».

— Конечно, так и будет! — говорят пастухи. — Взять от него хотя бы одного жеребенка!

— Есть о чем думать! — сказал им Алдар. — Я выпрошу коня у вора, а вам подарю по одному жеребенку.

— Эх, дорогой ты наш, ничего не получится...

— Шигайбай бережет его пуще глаза. Не отдаст тебе жеребца.

— Когда вор отправится в путь? Какой дорогой он поедет?

— Поедет он в дом Шигайбая, что в Шигане, завтра на заре, по дороге к дубовой роще.

— Тогда я еду сегодня, — сказал Алдар и тронулся в путь.

Доехал он до дубовой рощи, сел в укрытие за густым кустарником у тропы и стал поджидать вора.

Когда солнце было уже в зените и стало безжалостно палить, въехал вор в рощу, ведя жеребца в поводу. Смороенный хмельным кумысом и утомленный после бессонных ночей, он задремал в седле. Этого и хотел Алдар. Когда вор стал проезжать мимо него, он, осторожно сняв недоуздок, завел жеребца в лесную чащу и там привязал к дереву. Сняв с жеребца шелковое покрывало, Алдар покрыл им себя, надел недоуздок на свою голову и, вымазав лицо грязью, пошел в поводу у вора. Когда они отошли достаточно далеко, Алдар остановился и дернул за повод. Дремавший вор приоткрыл глаза, прикрикнул «но!» и оглянулся назад. Вместо коня он увидел какого-то дьявола под шелковым покрывалом. Испугался вор, бросил повод, хлестнул коня плеткой и бросился вскачь.

— Не бросай меня в лесу! — закричал Алдар ему вслед и, развевая по ветру свое покрывало, долго гнался за ним.

— Сохрани меня, аллах, прочь ты, дьявол! — закричал вор не своим голосом и пуще прежнего стал погонять коня.

Приехал он к Шигайбаю и рассказал ему всю правду, а Шигайбай разозлился на вора, отобрал у него коня, сдернул с него шубу, избил и выгнал из дому.

А Алдар верхом на лысом сером жеребце приехал в свой аул. От этого красавца коня и пошла порода серых с лысиной лошадей — казахская чистопородная.



или когда-то два неразлучных друга. Один из них был глухой, а другой — слепой. Несмотря на то, что природа так несправедлива была к ним, дружба их была прочна, и приятели чувствовали себя счастливыми.

Так и прожили бы друзья до конца своей жизни, если бы не шайтан. Когда люди живут в мире и согласии, то шайтану не нравится это. Всеми силами он старался всегда поселить между ними вражду. Так вышло и теперь: старый шайтан, видя счастливую жизнь глухого и слепого, решил поссорить их и отправил к ним молодого шайтана. И тот принялся за дело. Но что только ни делал шайтан, как он ни ухитрялся — все было напрасно.

Потерпев неудачу, молодой шайтан вернулся к старому и сказал, что порученного ему дела он не смог выполнить. Старый шайтан разозлился на молодого, отодрал его розгами, а потом прогнал со своих глаз.

Пришлось идти самому. В своем успехе старый шайтан был уверен. Однако радовался он преждевременно: поссорить друзей оказалось не так-то легко, как он думал. Шайтан пустил в ход все средства, все свое искусство, но, сколько ни бился, все без толку. Он поражен был такой неудачей. Первый раз в жизни пришлось ему отступить от намеченной цели. Рассвирепел старый шайтан и, понуря голову, поплелся восвояси. На обратном пути шайтан совершенно случайно встретил идущего человека. Это был его давнишний приятель Алдар-Косе, шутник и балагур.

Увидев печального шайтана, Алдар-Косе спросил:

— Откуда и куда ты идешь?

Шайтан подробно рассказал ему обо всем случившемся. Выслушал Алдар-Косе и говорит:

— Не тужи, дело вовсе не безнадежное: если ты не смог рассорить друзей, то я смогу, только ты дашь мне обещание впредь всегда слушать меня и во всем повиноваться мне.

Как ни прискорбно было шайтану подчиняться человеку, но он согласился. И Алдар-Косе тут же решил немедленно приняться за дело. Возвратившись домой, он переоделся, сел верхом на лошадь и отправился к друзь-

ям. А друзья жили в ветхой землянке. Подъехав к их жилищу, Алдар-Косе остановился у окна и важно спросил:

— Кто дома есть?

Слепой, услышав зов незнакомца, послал глухого узнать, кто подъехал к их жилищу и что надо ему. Алдар-Косе только этого и ждал. Он быстро приблизился к глухому, нанес ему два сильных удара по лицу и сказал:

— Это вот тебе, а это — твоему другу!

После этого Алдар-Косе уехал.

Слепой, услышав слова незнакомца, очень обрадовался: он думал, что к ним приехал добрый человек и привез обильное подаяние. Слепой с нетерпением ожидал возвращения глухого друга и, когда тот вошел, спросил его:

— Ну, что, друг, каково подаяние и велико ли оно?

Глухой вернулся возмущенный. На слова друга он сказал:

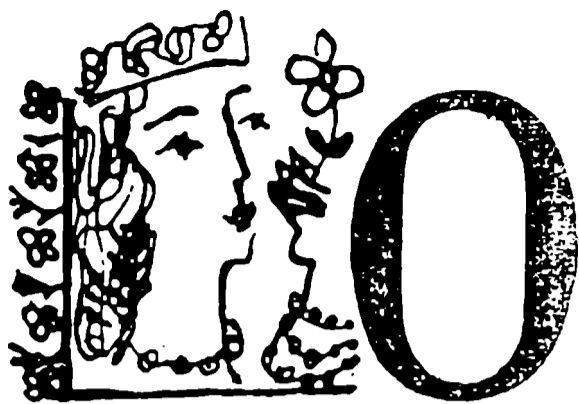
— Какое там подаяние! Незнакомец нагрубил мне: два раза ударил по лицу.

Слепой не поверил:

— Не может быть! Я сам слышал, как одну часть незнакомец подал тебе, а другую велел передать мне.

Как ни уверял глухой своего слепого друга, последний настаивал на своем. И тогда глухому ничего не оставалось делать, как вручить приятелю по принадлежности его часть. Он подошел к слепому и что было силы ударил по лицу. Слепой не стерпел и в свою очередь ударил друга.

Так подшутил над друзьями Алдар-Косе. Они поссорились, но не надолго. Помирил их опять тот же Алдар-Косе. Но после этого случая шайтан боялся его и старался не встречаться с ним.



дин человек повел продавать на рынок осла и козу. Человек ехал на осле, а коза бежала сзади, привязанная к хвосту осла. У козы на шее звенел колокольчик.

Три вора увидели этого человека и решили своровать козу, осла и одежду.

Первый вор подкрался сзади, отвязал козу, а колокольчик быстро перевязал осла на хвост.

Человек едет, слышит — колокольчик звенит, значит, коза сзади бежит. Долго так ехал, потом оглянулся и увидел, что нет козы.

Остановился, слез с осла и в сильном огорчении сам с собой разговаривает.

— Вот чудеса, колокольчик на хвосте осла привязан! Правда, коза моя хитрая, но таких шуток еще не проделывала.

В это время к нему подошел второй вор и спросил:

— Что с тобой?

— Да вот, коза потерялась.

— А я видел твою пропавшую!

— Где?

— Да вон за тем лесом козу человек ведет.

Обрадовался хозяин и стал просить вора:

— Подержи осла, а я человека с моей козой догоню.

А вор отказывается:

— Да мне некогда, надо домой идти.

— Ну, ради моего горя помоги!

Вор согласился и остался с ослом. Обманутый хозяин долго ходил, козу искал. А когда вернулся, то осла с человеком на дороге не было. Вот идет, горюет: теперь он потерял козу и осла. А третий вор сел на дороге у реки и плачет.

— Чего ты плачешь? — спросил его хозяин осла и козы.

— Да вот, лег отдохнуть, а мешок с деньгами выкатился и упал в воду. Плавать я не умею. Помоги мне вытащить его из воды, тебе дам половину! — ответил ему третий вор.

Человек с радостью согласился, разделся и полез в воду.

Пока он нырял и разыскивал мешок, вор подхватил его одежду и скрылся.

ГЛУПЕЦ



В древние времена жил один богач. У него был глупый сын. После смерти отца этот глупец получил в наследство семь домов. Стал он считать эти дома, но никак не мог сосчитать: получалось шесть домов. Много раз он пересчитывал и все не досчитывался одного дома. Дураку и в голову не приходило считать и тот дом, в котором он сидел. Этот-то дом и был седьмым. В этот день у него ночевал гость, утром он ушел. Дурак заподозрил гостя в краже дома и отправился за ним в погоню. Встречных он спрашивал, не видали ли они человека с домом в руках. Зная глупца, прохожие отвечали, что видели бегущего человека с домом.

Изнемогая от погони, глупец остановился, сел возле пруда и заснул. Мимо шел прохожий, увидел спящего глупца и решил подшутить над ним. Он обрил ему усы и бороду.

Когда глупец проснулся, то решил продолжать свою погоню. Он умылся, стал утираться и заметил, что у него нет ни усов, ни бороды. Тогда глупец призадумался, а потом решил, что дом украли не у него, а у того, кто был с бородой и усами. Он успокоился и вернулся домой.



древние времена жил бедняк. У него было три сына. Старший из них решил постичь ремесло сапожника и пошел к мастеру просить взять его в ученики.

Мастер выслушал молодого человека и сказал:

— Я могу тебя взять, если ты выполнишь мое поручение.—

Если не выполнишь, я тебя убью.

Принес он решето и приказал наполнить его водой. Будущий ученик взял решето, но, как он ни старался наполнить его водой, она сейчас же вытекала обратно. Так он и вернулся к хозяину без воды. Сапожник решил, что ученик его дурак, и умертвил его.

Спустя некоторое время пришел к этому мастеру средний сын бедняка. Мастер согласился его взять, но дал такое же поручение — принести в решете воды. Не раз зачерпывал средний сын бедняка решетом воду — она сейчас же вытекала обратно. Так он и вернулся к хозяину без воды. Сапожник решил, что ученик его дурак, и умертвил его.

Настала очередь третьего сына бедняка, самого младшего. Он знал об участи своих братьев, был озлоблен на сапожника и решил ему отомстить.

Сапожник согласился его взять.

— Возьми вот это решето и принеси мне воды. Принесешь — будешь моим учеником, не принесешь — отправишься по следам своих братьев.

Мамек, так звали младшего сына бедняка, принял от мастера решето, а затем, увлекая сапожника разговорами, незаметно похитил у него сапожного кдею и отправился за водой. Придя к реке, Мамек залил решето клеем, просушил на солнце и, почерпнув полное решето воды, принес своему учителю.

— Ты достоин, — сказал сапожник, — я беру тебя в ученики, но твердо помни: всякое мое поручение ты должен выполнять немедленно.

Мамек обещал выполнять все, что ему прикажут.

Как-то сапожник попросил Мамека понянчить плачу-

щего ребенка. Как ни старался Мамек унять ребенка, тот продолжал реветь.

— Хвати его о землю, чтоб он не мог больше плакать,— закричал в гневе хозяин.

Мамек дал обещание выполнять все поручения хозяина беспрекословно: он схватил ребенка за ноги и ударил о землю.

— Что ты сделал, безумный?! Ведь ты убил ребенка!

— О мой учитель! Я не хотел ослушаться твоего приказания и выполнил его,— сказал ему на это Мамек.

Погоревал, погоревал сапожник и поручил ученику вырыть могилу на кладбище, величиною с ухо. Мамек выполнил все, как ему приказали. Сапожник взял покойника и отправился на кладбище. Долго он искал там выкопанную могилу, но не нашел.

— Где же ты выкопал могилу? — спросил он Мамека.

— Вот здесь,— ответил ученик, приподнимая свою ногу и указывая на крошечную ямочку.

— Да ты с ума сошел,— сказал сапожник.— Разве здесь можно поместить ребенка? Беги скорей за кетменем.

Мамек побежал за кетменем. Дома он застал мать сапожника, стал у нее просить кетмень. Но она горько плакала и не обращала никакого внимания на него. Мамек убежал обратно к хозяину и сказал ему, что старуха не дает ему кетменя.

— Ах, чтоб ей издохнуть! — сказал хозяин.— Иди обратно, ударь ее кетменем и неси его сюда.

Мамек прибежал домой, схватил кетмень, ударил им старуху и вернулся на кладбище. Сапожник похоронил ребенка и хотел уже идти домой, но Мамек остановил его.

— Разве не будем копать могилу матушке? Ведь я убил ее по вашему приказанию.

Похоронил сапожник свою матушку и решил избавиться от ученика.

— О жена! — сказал он.— Напеки побольше лепешек и уложи их в мешок. Мы должны скрыться от Мамека...

Все это слышал Мамек. Когда настала ночь, он встал, выложил из мешка лепешки, а сам влез в него. Через некоторое время сапожник вскочил с постели, взял на плечи мешок и вместе с женой пустился в путь. Всю дорогу сапожник оглядывался, а когда убедился, что Мамек их не преследует, воскликнул:

— О боже! Избавил ты меня от Мамека!

— Нет, не избавил,— сказал Мамек из мешка.

— О боже! Должно быть, со струею воздуха через нос я проглотил голос Мамека,— растерянно прошептал сапожник и отрезал себе нос.

Пошли они дальше. Сапожник всю дорогу рыдал и приговаривал:

— Создатель, когда же я избавлюсь от Мамека?!

— Когда умрешь,— сказал Мамек.

Только теперь сапожник понял, что Мамек в мешке, и он несет его на своих плечах. Развязал он мешок и выпустил своего ученика.

Пошли они дальше втроем. Сапожник и говорит своей жене:

— Приготовь постель Мамеку у берега реки, и мы его столкнем в воду.

От чуткого уха Мамека это не ускользнуло. Настал вечер. Мамек лег у берега реки. Сапожник и жена его последовали примеру Мамека. Мамек не спал, он следил за своим хозяином. Когда была уже полночь, Мамек передвинул спящую жену сапожника на свое место, а сам лег рядом с сапожником, прикрыв свою голову платком. Проснулся сапожник, разбудил Мамека, приняв его за свою жену, и с его помощью столкнул жену в реку. От удовольствия, что покончил с Мамеком, сапожник потирал руки. Но не долго восторгался сапожник. Когда стало уже светло, он увидел, что вместо Мамека утопил свою жену. Со слезами и криком он бросился бежать. Мамек преследовал его. Сапожник спрятался в камышах. Мамек стал искать его. Ехали по дороге всадники, увидели Мамека, подъехали к нему.

— У нас заболел хан,— заговорили они.— Мы посланы табибами¹ отыскать такого человека, который не имеет ни ушей, ни носа. Табибы говорят, что желчь такого человека только и может спасти хана.

— Вы вовремя подъехали сюда,— сказал им Мамек.— Я представляю вам такого человека, если дадите мне за это немного денег.

Всадники дали Мамеку мешочек с деньгами.

— Теперь прошу вас поджечь этот камыш со всех четырех сторон,— сказал Мамек,— и вы получите то, что искали.

¹ Табиб — врач.

Всадники сделали так, как им сказал Мамек. Камыш запылал, сапожник выскочил, но тут же был схвачен. А Мамек, довольный, что отомстил за смерть своих братьев, побрел дальше...

КЕЙКУВАТ



или семь братьев. Был у них сосед по имени Кейкуват. Семь братьев были очень хитры, но Кейкуват был хитрее всех. Вот раз Кейкуват пришел к братьям и сказал:

— Пустите мою единственную корову в ваше стадо.

— Хорошо, пусть будет так, — сказали братья.

Кейкуват пригнал корову в общее стадо. Пасется в стаде братьев корова Кейкувата, а братья ворчат:

— Что мы, пастухи, что ли? Корова соседа. Убьем ее!

Они убили корову Кейкувата и затащили ее в болото, а хозяину сказали:

— Корова твоя утонула.

Пошел Кейкуват к болоту и стал снимать шкуру с коровы. В это время к роднику подошли шесть белоголовых верблюдов. Хитрый Кейкуват вымазал кровью белые головы верблюдов. Скоро к нему подошел один человек и стал спрашивать:

— Не видал ли ты шесть верблюдов?

— Вон в ложбине лежат верблюды. Если твои, возьми их. А если они не похожи на твоих, пригони их ко мне.

Человек посмотрел на верблюдов, не узнал их и пригнал к Кейкувату:

— Это не мои верблюды, у меня были белоголовые.

Кейкуват навьючил шкуру коровы на одного из верблюдов и повел их домой. Семь братьев увидели верблюдов у Кейкувата, удивились:

— Откуда ты взял это богатство?

— Оказывается, если крошить сердце и печень коровы, начинить ими желудок и вынести на рынок, то выручишь много денег. Но я по глупости продал дешево, взял только шесть верблюдов.





Семь братьев, жадных до богатства, побежали домой и зарезали всех своих коров. Вот отправились они продавать на рынок желудки, начиненные сердцем и печенью. Там над ними только потешались.

Семь жадных братьев бросились искать обманщика. Но Кейкуват вовремя успел убежать. По дороге он встретил бая, ехавшего верхом.

— Куда ты так торопишься? — спросил его бай.

— Да вот хотят меня сделать ханом, а я не хочу. Если хочешь быть ханом, давай поменяемся одеждой! — ответил Кейкуват.

Бай соскочил с лошади и быстро разделся. А Кейкуват схватил под мышку байскую одежду и умчался на его лошади.

Не успел бай повязать пояс, как налетели семь братьев, стали его бить. Крепится бай, молчит, все еще думает о сладости ханской власти.

Братья запихали его в мешок и подтащили к реке, а сами кричат:

— Теперь, бездельник, когда будешь тонуть, что ты нам скажешь?!

Тут бай испугался и завопил:

— Ой, не хочу я быть ханом!

— Там самое хорошее место для такого хана! — засмеялись братья и бросили мешок в реку.

Прошло несколько дней. Кейкуват, одетый в богатую одежду, пригнал домой большую отару байских овец.

Удивленные братья не поверили своим глазам.

— Ты ли это с таким богатством, Кейкуват?

— Мое доброе имя лучше богатства.

— Но где ты взял овечью отару?

— Что за глупый вопрос! Вы же сами меня отправили в этот счастливый путь.

Глаза у семи братьев загорелись жадностью, и они стали просить Кейкувата помочь отправиться им на дно реки за овцами.

Кейкуват охотно согласился, а они все сейчас же пошли.

Братья по совету Кейкувата положили камни за пазуху, и старший из них побрел в реку. На глубоком месте он сразу окунулся, и посох выплыл наверх. Кейкуват закричал:

— Скорей помогайте ему. Ваш брат не может справиться с баранами. Они даже посох вышибли из рук у него.

Шесть остальных братьев кинулись в воду. Скоро все семь посохов поплыли вниз по реке.

УЧЕНЫЙ ЖИГИТ



старину жил ученый жигит. Вздумалось этому жигиту найти себе хорошую жену. Покинул он родной край и отправился на поиски жены.

После долгих скитаний встретился он с двумя странниками. Жигит и говорит им:

— Давайте сократим путь!..

— Как можно сократить дорогу? — подумали спутники и решили, что жигит сумасшедший.

Пошли дальше. И вот они увидели молодые всходы хлеба.

— Съеденные это хлеба или еще не съеденные? — спросил жигит.

Такой вопрос еще больше поразил спутников, и они решили, что он действительно сумасшедший.

Вошли в город. Встретился им человек. Он нес покойника.

— Какого человека ты несешь, мертвого или живого? — спросил жигит этого человека.

«Ну, он, несомненно, сумасшедший», — решили путники. Все же один из них пригласил жигита к себе в гости. Когда вошли в дом, хозяин обратился к своей взрослой дочери:

— Я привел гостя, но полагаю, что он сумасшедший, потому что говорит всякую несуряицу.

Дочь попросила отца рассказать ей, что говорил жигит. Отец согласился.

— Шли мы вдвоем, — начал он. — По дороге встретили жигита и отправились дальше вместе. Дорогой жигит предложил нам сократить путь. Но разве можно сократить дорогу? Затем мы вышли на пашню, где стояли еще зеленые хлеба. Наш спутник спросил, какие они, съеденные

или еще не съеденные. И, наконец, в городе, увидя покойника, он спросил: умершего несут или живого. «Неужели ты не знаешь, что в гроб кладут только покойников?» — спросили мы.

— Не этот жигит сумасшедший, а вы сами, — ответила дочь. — Если он предложил сократить дорогу, то он просил рассказать ему что-нибудь. Во время беседы и дорога кажется короче. А когда он спросил вас, что это за хлеба, это значило: кем засеяны поля — собственным трудом или чужим. При встрече с покойником он хотел узнать, есть ли у умершего дети или нет. Он вовсе не сумасшедший, просто вы его не поняли.

После этого хозяин решил, что гость умный человек. Он предложил ему в жены свою дочь. Ученый жигит согласился: девушка ему понравилась своим умом и красотой.

Так жигит нашел себе спутницу — хорошую жену.



МЕТКИЙ СТРЕЛОК

ил в степи Койши, мудрый пастух. Вот раз к нему пришли два охотника с убитой лисицей.

— Я убил! — сказал первый.

— Нет, я, — перебил второй.

Койши взял в руки лисицу, посмотрел и увидел, что она убита одной пулей в голову, вторая пуля только обожгла волосы на хвосте.

— Меткий стрелок убил, но который из вас, трудно узнать, — ответил им Койши.

— Я попадаю в монету, брошенную вверх, — сказал первый.

— Я не пробовал стрелять по деньгам, но могу убить летящую ласточку.

— У вас есть сыновья? — спросил у них Койши.

— Да, великое счастье не обошло наших юрт, — ответили охотники.

— Тогда хорошо. Оставьте ваши ружья и приходите завтра с сыновьями, попробую решить ваш спор.

Утром, когда охотники пришли с сыновьями, Койши их спросил:

— Вы, наверное, убили лисицу, сидящую у добычи?

— Нет, я убил ее на бегу! — выкрикнул первый.

— Хорошо, — ответил Койши. Потом он взял лисицу и положил на голову сына этого охотника.

— Тебе, попадающему в брошенную монету и в глаз бегущей лисицы, нетрудно будет попасть в мертвого лежащего зверя.

Охотник взял ружье и начал прицеливаться, но выстрелить не решился. Койши подошел к нему и сказал:

— Темная ночь не имеет глаз, твое хвостовство не имеет предела.

Тогда Койши переложил лисицу на голову второго мальчика и сказал его отцу:

— Ну, теперь ты попробуй.

Этот охотник поднял ружье и сразу выстрелил.

Первый охотник, отказавшийся стрелять, подбежал к лисице и, осматривая, крикнул:

— Тут нет второй раны!

А меткий охотник в ответ сказал:

— Чтобы не портить шкурки, я целился в старую рану.

Но его соперник, человек завистливый и злой, не поверил этому и расковырял рану у лисицы. Но там была только одна пуля.

— Он великий обманщик, а не меткий стрелок, и пулю пустил в небо.

Народ, который собрался послушать решение мудрого пастуха, в недоумении посматривал на Койши. Первый охотник продолжал:

— Разве у вас не дрогнет рука, когда вы, целясь в лисицу, лежащую на голове сына, увидите заплаканные глаза родного ребенка? Вот почему я не выстрелил, а стрелять в небо, как сделал этот обманщик, я не хотел.

Народ почти поверил такому объяснению. Даже второй охотник был удивлен и подумал про себя: «Неужели сегодня и моя рука дрогнула? Кажется ведь, я видел смеющиеся глаза своего сына и не трусил».

Его любимый сын, не обращая ни на кого внимания, достал ножик и хотел распороть лисицу.

— Что ты хочешь сделать? — ласково спросил его Койши.

— Достать пулю из живота, наверное, лисица ее со злости проглотила, — ответил мальчик.

— Не ищи в лисице пули. Ее там нет.

Мальчик поднялся, швырнул лисицу к ногам старого Койши и закричал:

— Врешь ты, старик!

Слезы обиды горячим ручьем брызнули у мальчика. Он вытянул волосок около уха и крикнул отцу:

— Отрежь пулей это волосок!

Когда отец поднял ружье, сын снова крикнул:

— И опять не поверят, скажут, что ты стрелял в небо, а я сам оторвал волосок... Мудрый Койши! Подойди ко мне и сам держи волосок.

Койши быстро подбежал к нему и сказал:

— Вот пули твоего отца и его недруга! — и он достал пули из кармана.

Тут все псняли, что Койши еще вечером разрядил ружья охотников.

Улыбка, как солнце, сразу высушила слезы мальчика.

— Прости меня. Да будет счастливой твоя мудрая жизнь! — сказал мальчик.

— Да сбудутся твои слова, выходящие из младенческих уст, не умеющих лгать! — ответил Койши.

В это время завистливый соперник меткого охотника вскочил на коня и помчался в степь.

— Да покроется твой глаз, попадающий в хвост лисицы, бельмом! Да разорвется твой язык, так умеющий врать! — кричали ему вдогонку из толпы.

НАХОДЧИВЫЙ ВИЗИРЬ



Хан Джанибек имел вороного коня, отличавшегося красотой и быстротою. Хан очень любил своего скакуна. Он прозвал его «Крылатый Воронко».

Но вот конь занемог. И когда слуга стал об этом докладывать хану, тот и слушать не захотел.

— Если кто мне доложит, что мой конь околел, —

сказал грозно хан,— то я прикажу тому залить рот свинцом.

В одну из ночей конь действительно издох. Слуга не знал, как доложить об этом хану. Встретился ему визирь хана — Джеренче. Слуга и обратился к нему с просьбой рассказать о смерти коня хану.

Джеренче явился к хану, приветствовал его, осведомился о здоровье. Хан принял приветствие и спросил Джеренче, не знает ли он что-нибудь о его коне.

Джеренче на это ответил так:

— Таксыр! Конь ваш не открывает более очей, не подбирает протянутых ног и не ест корма.

— Значит, мой Воронко окошел? — спросил хан.

— Да, великий мой господин,— сказал на это ему Джеренче.— Вы не ошиблись, когда своими устами произнесли это роковое слово «окошел»...

Хан вспомнил о своих угрозах и простил слугу.

БЕДНЯК АХМЕТ И НЕСПРАВЕДЛИВЫЕ СОВЕТНИКИ ХАНА



авным-давно в степях Сары-Арки кочевал мудрый и справедливый хан. И было у хана четыре советника: трое — знатные богачи и один — старик бедняк.

Однажды поспорили ханские советники: кто добрее и сострадательнее, бедняки или богачи?

Богатые советники говорили, что только им присуще чувство милосердия и сострадания, что только они отзываются на чужие страдания.

Бедный советник промолчал, а через день пришел к хану и сказал:

— Мудрый хан, если хочешь узнать правду, оденься похуже и пойдем со мною.

Так и сделали. Одел бедняк хана в грязные лохмотья, посадил на ишака и повез по степи. Подъехали к юрте первого богатого советника.

— Ассалямалейкум,— приветствовали они его.

— Кто вы такие и куда едете? — спросил богач, не отвечая на приветствие.

— Мы каирчи¹, — ответил старик, — кто что подаст, тем и питаемся. Будь милостив, пусти переночевать.

— Нет-нет, — замахал руками советник, — тесно у меня в ауле, вот вам чашечка проса — и ступайте отсюда.

Не пустил ночевать их и второй советник. Он подал им кусочек заплесневелого хлеба. Третий, самый богатый, советник не только ничего не дал, но еще собак на них спустил.

Долго ехали они степью и перед закатом солнца увидели три юрты. Две из них были байские, а третья — его работника, бедняка Ахмета. Увидал гостей Ахмет, вышел из юрты, принял ишака, помог слезть хану и ввел гостей в свою бедную юрту. Постелил самую лучшую кошму и приготовился колоть барана.

— Что ты хочешь делать, сын мой? — спросил старик.

— Заколоть барана для вас.

— Но мы едим только почки, сын мой, а чтобы накормить нас, нужно четырнадцать почек.

Ахмет вышел из юрты и посоветовался со своею старой матерью, потому что было у них всего-навсего семь баранов.

— Нельзя не накормить гостей, — говорила мать.

Зарезали они баранов, сварили почки, а мясо решили продать на базаре и на эти деньги купить три-четыре барана.

На утро хан и старик уехали.

Вот хан созывает своих советников и объявляет им, что у него кто-то украл семь баранов. Поехали богатые советники искать вора и первым делом бросились на базар. Застали они там Ахмета, который продавал мясо семи баранов, взяли они его и повели к хану.

— Вот, — кричали они, — вор, укравший твоих баранов! Выслушал их хан и сказал:

— Вы не только скупы и жадны, но и несправедливы. Не крал он никаких баранов. А вот ваше милосердие, — и он вынул чашечку проса и кусочек хлеба. — Вы не только не накормили меня, но даже ночевать не пустили.

И велел мудрый хан всем трем советникам отдать Ахмету по десять баранов.

¹ Каирчи — нищие.

АЛДАР-КОСЕ И ЕГО СПУТНИК



месте со своим товарищем Алдар-Косе отправился путешествовать. Товарищ его был очень хитрый, но Алдар-Косе оказался хитрее.

Дорогою товарищ Алдара-Косе говорит:

— Обмани меня!

Алдар-Косе подумал и сказал:

— Обмануть бы тебя я мог, но, видишь ли, тот, кто умеет обманывать, остался у меня дома. Одолжи мне твоего коня: я привезу его сюда.

Спутник согласился. Алдар-Косе сел на коня и говорит:

— Вот я и обманул тебя.

С этим словами он покинул своего спутника и ускакал на его лошади.

АЛДАР-КОСЕ И ЗМЕЯ



Алдар-Косе подружился со змеей. И вот пошел он однажды с нею на охоту. Дорогой они нашли слиток золота величиной с лошадиную голову. Делить его им не хотелось, а уступить кому-нибудь одному из них было жаль. Как тут быть? Змея тогда

сказала Алдару-Косе:

— Пусть это золото достанется тому из нас, кто окажется старше годами.

Алдар-Косе согласился, и они начали припоминать, кому сколько лет теперь. Змея говорит, что, когда она родилась, солнце было величиною с ухо, а земля — с потник. Алдар-Косе, услышав это, заплакал. Тогда змея спросила его удивленно, о чем он плачет.

Алдар-Косе, едва удерживаясь от слез, ответил ей, что тогда именно, когда солнце было величиной с ухо, а земля с потник, у него умер старший сын; теперь, вспомнив об

этом дне, который, по рассказам змеи, совпал с днем рождения ее, он и заплакал.

Так Алдар-Косе перехитрил змею и получил все золото.

АЛДАР-КОСЕ И ДЬЯВОЛ



Алдар-Косе подружился с дьяволом. И вот решили они вместе посеять пшеницу. Когда пшеница поспела, Алдар-Косе сжал ее и обмолотил, солому сложил в одну кучу, а зерно — в другую. Затем он позвал дьявола и спросил:

— Какую ты кучу возьмешь: большую или маленькую?

Дьявол решил взять побольше:

— Дай мне большую!

Алдар-Косе с удовольствием отдал дьяволу солому, а себе взял зерно.

БУХАРЕЦ И КАЗАХ



Как-то раз по дороге шли бухарец и казах. И вот нашли они деревянную табакерку. Каждому хотелось владеть этой табакеркой. Думали они думали, как тут быть, и придумали — отдать табакерку тому, кто из них

старше. Стали спрашивать друг друга, кто когда родился.

Бухарец говорит:

— Я родился в тот день, когда первый раз появилась на небе Венера.

Услыхал это казах и зарыдал:

— Ойбой, а у меня в этот самый день умер старший сын!

Так казах завладел табакеркой.

ПУТЕШЕСТВЕННИК И ЛЕНТЯИ



III

ел как-то один путешественник со своим другом по дороге, путешественник — впереди, друг — позади.

Вечером подошли они к одному городу, отыскали постоянный двор и остановились на ночлег. Путешественник

решил было развести огонь и приготовить ужин, достал немного денег и дал приятелю, чтобы тот сходил и купил немного бобов и муки.

— Я целый день шел и страшно устал, не пойду, — сказал друг. «Пусть он немного отдохнет», — подумал путешественник и принялся разводить огонь. Огонь разгорелся, и он снова стал просить друга:

— Пойди купи муки и бобов.

— Я не умею покупать, просажу все деньги, тогда что? — ответил друг.

Нечего делать, пришлось путешественнику идти самому. Он купил немного муки и бобов и сказал приятелю:

— Ну, теперь уже достаточно отдохнул, давай просеем муку и переберем бобы.

— Ничего не выйдет, мои руки очень неловки, мне этого хорошо не сделать.

Путешественнику пришлось самому просеять муку и перебрать бобы.

Прошло некоторое время, путешественник снова обратился к приятелю:

— Братец, еда скоро поспеет, сейчас нужно взять чайник и сходить раздобыть чайку, я отсчитаю тебе деньги.

— Я и этого не смогу сделать, — отмахнулся приятель.

Рассердился путешественник и сам сходил за чаем.

Когда ужин сварился, приятель тотчас вскочил и приветливо сказал путешественнику:

— Я действительно ни в каких делах не понимаю, заставь меня что-нибудь сделать, ничего не выйдет. Если б хоть одно дело мог сделать, и то было бы хорошо. А теперь давай поедим.

Путешественник, конечно, не дал ему есть и с тех пор зарекся никогда больше не водить дружбу с лентяями: ведь ленивый человек не может быть хорошим другом.

АЛДАР-КОСЕ И ЧЕРТ



Алдар-Косе подружился с чертом. И вот стали они спорить: кто лучше обманет.

— Ты чего боишься? — спросил черт у Алдара-Косе.

Алдар-Косе ответил, что он боится курта, казы, масла, а также карагайника, и в свою

очередь спросил у черта:

— А ты чего боишься?

Черт ответил, что боится кузнечного горна.

Вот Алдар-Косе и говорит:

— Давай, кто кого перепоеет; у кого песня будет длиннее, тот и выиграет. Пусть один поет, а другой его везет.

Черт согласился. Алдар-Косе сел первый на черта, завязал ему глаза (такой уговор был) и запел:

— Гой, гой, гой, гой!..

Черт возил, возил его, все плечи стер. Алдар-Косе направил его к кузнице. И, как только въехали в нее, Алдар-Косе слез с черта и открыл ему глаза. Черт как увидал кузнечный горн, испугался и убежал.

Черти вздумали отомстить Алдару-Косе: напугать его тем, чего он боится. Алдар-Косе от них спрятался в карагайник, а черти решили уморить его и стали бросать к нему в карагайник курт, казы, масло. Много набросали, думая, что теперь-то Алдар-Косе погибнет. Черти убежали, а Алдар Косе собрал казы, курт и масло и поехал домой.

КУ-БАЛА



ил Ку-бала¹. Он был очень хитрый. Узнал про это хан и решил проверить его хитрость.

«Ну,— думает хан,— меня-то он не обманет». И поехал к Ку-бале.

Ку-бала увидел хана, стал под деревом, обхватил ствол и держит.

¹ Ку-бала — хитрый мальчик.

Подъехал хан, увидел это и спрашивает, зачем он держит дерево.

— Если я отпущу его,— сказал Ку-бала,— то оно упадет.

— Обмани меня,— просит хан.— Говорят, что ты ловко обманываешь?

— Я мог бы обмануть тебя,— ответил ему на это Ку-бала, но я забыл дома книгу, по которой я обманываю. Если ты дашь, хан, своего коня, то я привезу книгу и тогда обману тебя.

Хан дал Ку-бале своего коня. Ку-бала сел на ханского коня и уехал. А хан остался под деревом ждать его. Ку-бала приехал к жене хана и сказал, что тот поручил ему взять у нее сорок золотых монет. Видя Ку-балу на ханском коне, жена хана поверила и дала золото. Ку-бала уехал домой. А хан и сейчас, говорят, ждет Ку-балу.

СТАРИК И ЖИГИТЫ



Один хан ехал с тридцатью жигитами. По пути они увидели высокий холм, на нем сидел старик. Подъехал хан к старику и спрашивает:

— Давно ли холм покрыла седина?

— Лет уж тридцать будет,— ответил старик.

— Ты с двумя, старик? — спросил хан.

— С четырьмя, хан,— ответил старик.

— С дальним как? — спросил хан.

— Близок,— говорит старик.

— А с близкими-то как? — спросил хан.

— Далек,— ответил старик.

— По одной с тридцати? — спросил его хан.

— Твоя воля, хан,— ответил на это ему старик.

— Так вперед возьми,— сказал хан.

— Не обманут, хан! — ответил старик.

Простился хан со стариком и поехал. Едет, улыбается,

а жигитов любопытство берет: о чем хан со стариком разговаривал?!

— Скажи нам, хан,— обратился один из них,— о чем это ты говорил на холме со стариком?

— А ты не догадываешься? — сказал хан.

— Не догадываюсь,— ответил жигит.

— А ты подумай хорошенько,— сказал хан.

Думал жигит, думал и ничего не придумал. И стал опять приставать к хану: скажи да скажи.

— Спроси у своих товарищей,— сказал хан.

Но и товарищи жигита ничего не поняли из разговора хана со стариком. А любопытно было знать это.

— Даю вам два дня,— сказал хан,— если за это время догадаетесь, о чем мы говорили, будет к вам великая милость, а не догадаетесь — худо вам будет!

Ничего не придумали жигиты и решили отправиться к старику и спросить его: о чем они с ханом говорили? И вот приехали они к нему и спрашивают:

— О чем это говорил ты, дедушка, с ханом? Мы жигиты того самого хана.

— Не скажу, люди добрые: хан узнает — недоволен будет.

Пристали жигиты к старику: скажи да скажи.

— Ладно,— говорит старик,— сколько вас было?

— Тридцать.

— Давайте все тридцать мне по лошади,— сказал старик жигитам.

— Дали бы, да не здесь наши лошади,— ответили жигиты.

— И пригнать не можете? — спросил старик.

— Пригнать-то пригоним,— сказали жигиты,— только скажи!

— Вперед пригоните,— сказал старик,— а потом уж скажу.

Уехали жигиты за лошадьми. Пригнали их к старику.

— Вот тебе, дедушка, тридцать коней, говори только, о чем ты беседовал с нашим ханом?

И старик рассказал им следующее:

— Первый вопрос: «Давно ли холм покрыла седина?» — значит: давно ли поседел я? — Тридцать лет, дорогие мои! Второй вопрос: «Ты с двумя, старик?» — значит: могу ли я ходить? Где уж ходить мѣе, ползаю кое-как на четвереньках. И сказал я: «С четырьмя, хан».

«С дальним как?» — Хорошо ли вижу предметы вдали? Вижу еще и сказал я, что «близок». Когда же тут вот, недалеко, предметы, — совсем почти не вижу, значит — «с близким-то я далек».

— Любопытны вы, что и говорить, — сказал старик. — Знал это и хан. Знал он, что из разговора нашего вы ничего не поймете, и к нему пристанете. Вот и сказал он: «По одной с тридцати». Это значит: станут жигиты меня спрашивать, а я им предложу самим узнать. Они не смогут отгадать и пристанут к тебе — так за рассказ-то свой возьмешь ли по одной лошади с жигита? Твоя воля, говорю. Чтобы вы меня не обманули, хан посоветовал вперед взять лошадей-то, а я сказал, что «не обманут».

Опустили головы жигиты и поехали к хану. Хорошо, что он их ни о чем не спрашивал, а они промолчали.

СВЯТОЙ ЛОДЫРЬ



Один бедный казах старался выбиться из нужды и с утра до позднего вечера не разгибая спины трудился у себя в хозяйстве. Но прошло много времени, казах тяжелой работой подорвал здоровье, а нужда так и не оставила его. Бросил тогда он все свои дела и отправился за советом к мулле.

Мулла выслушал внимательно, подумал немного и дал совет:

— Принимай у себя в доме благочестивых людей, слушай их советы и наставления, и тогда дом твой будет полон счастья и достатка.

Казах поблагодарил муллу и ушел обрадованный. На пути ему встретился дервиш. Казах посчитал за честь принять у себя благочестивого человека и оказал ему радужный прием.

Прошла неделя. На мужскую половину избы робко входит жена и жалуется, что гость их прожорлив, как утка, и способен объесть хозяев до костей.

— Сошли его как можно скорей, — сказала она мужу, — иначе он превратит нас в нищих.

Казах выслушал жену и говорит:

— Нельзя так поступать с благочестивым гостем. Пусть мирно живет под нашим кровом. Он принесет нам счастье.

Жена поклонилась покорно и вышла, не сказав ни слова.

Прошла вторая неделя. Жена опять приходит к мужу и со слезами на глазах просит:

— Сошли благочестивого дервиша как можно скорее из дому. У нас уже ничего не остается.

Муж выслушал и в раздумье произнес: «Пусть будет по-твоему», а жене сказал:

— Иди с миром!

Жена поклонилась покорно и вышла. Казах тоже вышел из дому и направился в сад. Благочестивый дервиш беззаботно вытянулся под деревом и, закинув руки за голову, наблюдал, как над его головою летали жучки и порхали бабочки.

— Отец мой,— кланяясь в пояс, заговорил казах,— я благословляю день твоего прихода в мой дом, но не огорчайся и не обижайся на меня,— я должен отдать твое место другому гостю.

Благочестивый дервиш, не переменяв позы и не подняв головы, равнодушно ответил:

— Хорошо, сын мой! Пусть будет по слову твоему. Завтра на рассвете я оставлю твой гостеприимный кров. Ты разбуди меня пораньше, и я уйду по холодку.

На заре следующего дня обрадованный казах направился в сад, где под лозами винограда почивал благочестивый дервиш. Он нашел его крепко спящим.

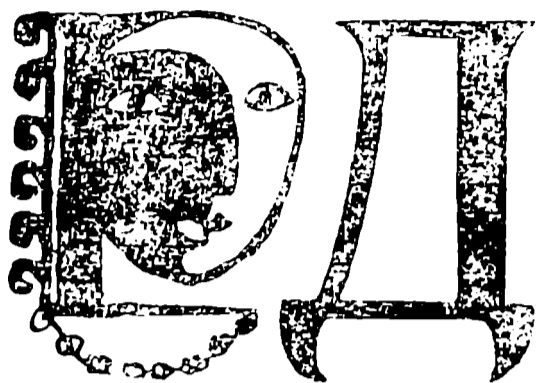
— Вставай, отец мой! Светает. Пора в путь. Мой петух уже приветствует восход солнца.

— Как? — удивленно произнес дервиш, поднимая голову,— у тебя еще петух имеется? Я сегодня, значит, могу хорошо пообедать!

Благочестивый дервиш повернулся на другой бок и заснул крепче прежнего, а хозяин с опущенной головой стоял подле него и раздумывал: «До встреч с благочестивыми людьми я в хозяйстве кое-что имел, а ныне одного благочестивого дервиша повстречал — и уже последнего петуха приходится лишиться. Что же будет со мной, если их у меня перебивает с десяток?»

Казах не только постарался забыть совет муллы, но и сам всем друзьям настойчиво советовал гнать в шею всех благочестивых.

БАКА



авным-давно жил старик по имени Бака. Тихий это был старик, никому грубого слова не скажет, ни на кого обиды не затаит и даже ребенку не пригрозит.

Любил Бака размышлять вслух, и прозвали его за это в шутку Кудесником. Постепенно его имя стало забываться, и все стали звать его Кудесником.

Однажды Бака вместе с другими аулчанами поехал в город за покупками. Когда они возвращались домой, начался дождь. Путники решили остановиться в одном ауле. Случилось так, что дождь загнал в этот же аул и одного торговца. Все заночевали в доме богатого человека. Утром после чая путники уже собрались в дорогу, как торговец поднял шум — у него пропал товар. Хозяин дома собрал всех и заявил:

— Пока не найдется потеря, никто никуда не поедет. Найдите или заплатите. В моем доме никого, кроме вас, не было, значит, и товар взял кто-то из вас.

Хитрые путники сговорились и решили надсмеяться над своим тихим товарищем. Они сказали хозяину:

— Вот этот наш спутник — кудесник, предугадатель. Мы оставляем его, он найдет вора, кто бы ни был им.

Не ожидал Бака такой злой шутки от товарищей. Стал он объяснять хозяину:

— Хозяин, не верьте им, они шутят. Я вовсе не кудесник.

Но тот даже бровью не повел, не посмотрел на Бака и сказал путникам:

— Хорошо, я верю вам, можете уезжать, а кудесник, если не найдет вора, то отдаст свою лошадь.

Уехали аулчане. Бака так и сяк просил хозяина отпустить его, но упрямый богач был неумолим. Он даже обвинил в воровстве самого Бака.

Заплакал бедный старик:

— О боже, смолоду я избегал хитрых людей, которые могут сставить человека в беде. Один только день пришлось мне водиться с ними, и вот попал в беду.

Богатый хозяин стал кричать, замахиваться плетью.

— Я тебя проучу, упрямец ты этакий. Будешь знать, как скрывать воров.

Понял старик, что не смягчить мольбой жестокого сердца, и решил искать другие пути к избавлению от беды.

— Хорошо, я найду вора,— говорит он хозяину.— Поставьте мне отдельную юрту, а коня привяжите около юрты. Оставьте меня одного на ночь, утром я скажу, кто украл товар.

Приказал хозяин своим слугам поставить юрту для кудесника и привязать около юрты коня.

Остался Бака один. Вот уже и ночь наступила, ворочается Бака с боку на бок, никак уснуть не может, проклинает своих аулчан, которые ввергли его в беду, ругает и бога. В полночь вышел он из юрты — хотел убежать, пока все спят. Видит, привязана около юрты лошадь, а седла на ней нет — хитрый хозяин нарочно спрятал седло, чтобы старик не смог убежать.

Опечалился Бака: седло было чужое, Бака не имел своего седла и выпросил у соседа. Теперь ему стыдно было возвращаться без седла, и он решил поискать его. Тут заметил он, что из одной юрты пробивается свет, интересно стало старику узнать, почему в такую позднюю пору не спят люди, подкрался он к юрте, приник ухом к кошме.

— А что если этот человек действительно кудесник и угадает, что мы украли товары торговца? — услышал он мужской голос.

— Не мели небылицы, какой он кудесник? Лучше посмотри — вот я отрезала с краю вершок, кажется, это сатин,— отвечает женский голос.

— А много там материи?

— Много, целый кусок.

— А ты спрятала в надежное место, никто не найдет?

— Кому вздумается искать под одиноким деревом, что стоит недалеко от утеса Шокытас?

Услышал все это Бака и перестал искать седло. Возвратился он в свою юрту и крепко уснул.

Наутро хозяин приходит к старику.

— Ну, мой кудесник, что узнал за ночь?

Помолчал немного Бака, потом спокойно заговорил:

— Собери всех людей своего аула.

Когда народ собрался, Бака сказал:

— Товар торговца не мог уйти далеко. Может быть, кто из вас по молодости побаловался и признается в этом?

Все переглядываются, а бай-хозяин говорит:

— Люди, слышите, что говорит кудесник. Если кто пошутил и взял товар, то верните добром.

— Боже сохрани,— загудели кругом.— У каждого у нас есть скот, пусть подойдет он, если мы брали.

Заметил Бака, что одна молоденькая женщина то и дело оглядывается на него удивленно, и думает: «Наверное, это ты украла».

Хозяин обратился к старику:

— Кудесник мой, видишь, народ клянется, что не брал.

— Хорошо,— говорит старик после недолгого молчания.— В таком случае я на первый раз покажу, где лежит украденный товар. Где-то возле этого аула должна быть каменная глыба — утес Шокрытас. Недалеко от него стоит одинокое дерево. Под этим деревом закопан товар торговца. Но имейте в виду — от конца куска материи отрезан вершок.

Удивились люди, пошли все к утесу, раскопали материю и убедились, что действительно с одного края кусочек отрезан. Люди громко восхищались стариком.

— Вот это кудесник! Он все знает.

Возвратились с материей в аул. Среди толпы Бака опять заметил ту же самую женщину, что тогда так пристально смотрела на него, на ее лице было не удивление, а страх, растерянность. Теперь Бака не сомневался, что товар украла эта женщина.

Окружил народ хозяина и кудесника.

Хозяин сидит молча. Он озадачен тем, что ворами оказались не гости, которые ночевали у него, а сородичи, жильцы его аула.

— Хорошо, мой кудесник, проговорил он через некоторое время. Ты угадал, где лежала краденая вещь. Молодец за это. Теперь скажи, кто украл?

Долго молчал Бака, думал, что сказать, потом заговорил:

— Думаю, что товар был взят без злого умысла. Зачем указывать на человека, который пошутил, заставляя его краснеть?

Тогда хозяин говорит:

— Я вправе думать, что ты сам взял товар и спрятал его под дерево.

Сильно обиделся старик.

— В таком случае я скажу,— сказал он, приподнял голову и посмотрел на женщину, которую подозревал. Женщина опустила глаза. Бака еще раз убедился, что товар украла она.

— Материю взяла,— начал было Бака, но тут один мужчина средних лет перебил его:

— По глупости взяла она... моя жена. Вы уж простите ее. Она затаила обиду на торговца-татарина за то, что он обсчитал ее.

Хозяин-бай даже почернел от злости. Женщина-воровка была женою его брата.

После этого в народе пошла молва, что Бака действительно кудесник, что его недаром и раньше считали кудесником, что старик благословлен самим аллахом. Какая бы беда ни случалась — потеряется ли овца или теленок, заболит ли кто,— бежали скорее к старику за помощью. Как ни отмахивался от них Бака, как ни убеждал их, что он простой смертный, никакой не кудесник, люди не верили ему и просили помочь.

Однажды у богатого и знатного бия случилась беда: потерялся любимый нар — одногорбый верблюд. День и ночь по всей округе рыскали слуги, но не могли найти нара. Тогда хозяин оповестил всех о своем решении:

— Тот, кто взял моего нара, пусть незаметно приведет его и оставит поблизости от моей усадьбы. Я все равно найду вора и накажу — до тла разорю его аул, мужчин превращу в рабов, а женщин — в рабынь. Самого вора сошлю на край света, туда, где люди ездят на собаках.

Однако угроза не помогла. Нара не было, и никто ничего о нем не сообщал. Решил бий собрать всех гадальщиков, шаманов, кудесников. Кто-то сказал, что в одном ауле живет один старик. Люди и имя-то его забыли и зовут Кудесником.

Приказал бий привезти этого старика.

Бака прибыл в аул бия. Встретил его хозяин и рассказал о своей беде. Закончил свой рассказ так:

— Вот ты должен найти моего нара. Не найдешь — отрублю тебе голову.

Упал Бака перед бием на колени, стал умолять:

— Почтенный бий! Меня в шутку озорники называли кудесником. Я вовсе не кудесник. Не могу я найти нара.

Разгневался бий, стал бить старика плетью. Некуда старику деваться, чтобы избавиться от побоев, согласился искать нара.

Как и прежде, попросил Бака поставить для него отдельную юрту, привязать коня и оставить его одного.

Выполнил хозяин просьбу старика, поставил ему юрту.

Остался Бака один. Не спится старику, проклинает он все на свете: всех святых и тех, кто придумал легенду о кудесниках. «Не уйти мне от смерти,— думает он.— Недаром говорится: «Злые насмешки доведут до беды».

Настала полночь. Вышел старик тихонько из юрты, огляделся — никто не следит за ним. «Помоги, аллах», — прошептал он и направился к тому месту, где должен был стоять его конь. Коня не было.

— Прожорливый негодяй, завистник на чужое добро,— стал ругать он хозяина,— ты не брезгуешь даже последним топором, кетменем бедных крестьян. Теперь ты наложил лапу на моего коня! Ты хочешь возместить свой убыток последним конем бедняка!

Заплакал старик от обиды, долго плакал, но ничего не выплакал. «Пусть лучше конь останется, чем самому пропадать», — решил он и пешком отправился в путь. Боясь погони, он бежал по бездорожью, пробирался через заросли камыша, наконец остановился, чтобы перевести дух и поразмыслить, куда идти. Думал, думал и — будь что будет! — двинулся дальше. Началась топь. Он устал и еле продвигался вперед. Вдруг увидел недалеко что-то темное. Подошел, глядь, лежит одногорбый верблюд. «Наверное, это и есть тот нар», — подумал он и пошел по своему следу назад. Добрался кое-как до одинокой юрты и спокойно лег спать.

Долго спал он, проснулся — солнце стояло уже над юртой — и не спеша пошел к бию.

— Ну как, можно найти мою пропажу? — встретил его вопросом бий.

— Трудно найти,— ответил Бака.— Ваш нар отправился в такой путь, откуда нет возврата.

— Неужели погиб мой нар? — воскликнул тревожно бий.

— Да, он погиб, — подтвердил Бака.

Заплакал от горя бий, стал причитать:

— Мой благородный нар, ты один стоил всех моих табунов коней, всех отар овец, всех коров и верблюдов. Как же мне теперь жить без тебя?

«О жадная собака, разве тебе мало оставшегося скота?» — подумал Бака.

Перестал бий плакать, накинулся в ярости на старика:

— Скажи, кто убил моего нара? Я найду и уничтожу этого негодяя, если даже он улетел в небо или провалился сквозь землю. Назови мне его имя.

— В смерти вашего нара человек не виноват. Это воля аллаха, — ответил Бака и сказал, где находится труп нара.

Бий послал гонцов проверить, правду ли говорит кудесник. Гонцы подтвердили, что нар действительно застрял в грязи и погиб.

Так Бака во второй раз был избавлен от беды.

Еще пуще пошла в народе молва о таинственной способности старика. Молва переходила из уст в уста, пополнялась все новыми и новыми выдумками. И дошла та молва до ханского дворца. Скучавший от безделья ханский сын захотел проверить способности редкого кудесника. Позвал он своих семерый палачей и приказал им:

— Живого или мертвого, но привезите этого негодяя ко мне. Посмотрю, что он за кудесник.

Приехали палачи в аул, где жил Бака, передали приказание ханского сына.

Взмолился Бака:

— Я вовсе не кудесник. Это меня в шутку называют так, смеются надо мною озорники.

— Об этом ты сам скажешь ханскому сыну. Коль добром не пойдешь, поведем тебя силою; изобьем, а затем привяжем к хвосту коня.

Пришлось старику ехать.

Ханский сын увидел вдалеке гонцов и поехал навстречу — так не терпелось ему скорее увидеть кудесника. По дороге ему попала лягушка, хлестнул он ее кнутом — промахнулся, второй раз ударил — опять мимо, в третий раз наконец убил ее. Он слез с лошади, снял шапку, прикрыл ею лягушку и стал поджидать едущих. Скоро всадники подъехали. Ханский сын даже не ответил на привет-

ствия своих гонцов — он не видел никого, кроме кудесника, и тут же задал ему задачу:

— Эй, недостойный, ты называешь себя кудесником и унижаешь этим всех настоящих кудесников. Теперь пришел твой конец. Меня тебе не обмануть. Говори, что у меня под шапкой. Говори скорее; угадаешь — будешь жить, не угадаешь — я вырву тебе горло, и — конец твоему кудесничеству.

— Ты прав, милый юноша, я вовсе не кудесник, злые люди смеются надо мной, называя кудесником, — заплакал Бака, и из глаз его покатались крупные слезы.

— Не отговаривайся! — закричал ханский сын и ударил старика плетью.

Жалко стало старику самого себя.

— Ох, бедный, бедный Бака, — шепчет он (бака — по-казахски лягушка), — первый раз тебе удалось уйти от смерти, второй раз удалось, а в третий раз, видно, ты погиб. — И он сокрушенно опустил на землю.

Легкомысленный ханский сын был поражен.

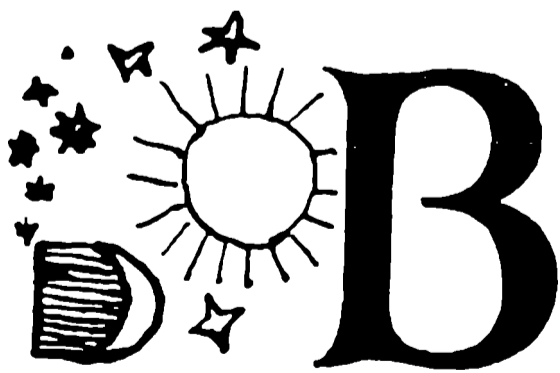
— Вот это кудесник! — воскликнул он. — Прости меня, отец. Ты не только угадал, что у меня под шапкой лягушка, а точно сказал, что я третьим ударом убил ее. Это восхитительно.

Счастливый Бака еле сообразил, что опять отделался от беды. Поднялся он и уже спокойно ответил:

— Милый юноша, когда ясно одно, другое само собой выясняется.

После этого народ еще больше стал прославлять чудесные способности старика, а сам Бака, довольный тем, что остался жив, возвратился домой.

НАИВНЫЙ И СМЫШЛЕННЫЙ



В далекие времена жил хан. Служил у него один умный визирь. Хан очень любил визиря. Случилось так, что жены хана и визиря в один день родили сыновей. Чтобы еще больше закрепить узы дружбы, хан и визирь решили

вскармливать детей грудью то одной, то другой матери.

Когда дети выросли, у хана умерла жена, и он женился на молодой. Но молодая жена считала хана слишком старым для себя. Ей больше нравился сын хана, но сказать об этом она никому не смела.

Однажды юноши играли в саду, стреляли из лука. Стрела ханского сына нечаянно влетела в окно горницы мачехи.

— Сходи и принеси мою стрелу,— попросил ханский сын своего друга. Но сын визиря отказался.

— Пока мы с тобой равные. Вот когда сядешь на трон и станешь ханом, я буду выполнять все твои указания. Не выполню — можешь наказать меня, даже убить. А сейчас иди за стрелой сам.

Нечего делать, пошел ханский сын за стрелой. Вошел он в горницу мачехи и видит: мачеха держит в руке его стрелу.

Взяла она юношу за руку, чтобы он не ушел, и говорит: — Я люблю тебя, и эта любовь не дает мне ни спать, ни есть. Я убью хана. Ты станешь ханом и женишься на мне. Согласен? Отвечай же мне!

Но сын хана ничего не ответил, он вырвался из рук мачехи и ушел.

Рассердилась жена хана, решила оклеветать юношу, она ударила себя по носу и с окровавленным лицом пошла к хану.

— Подлый сын твой пришел ко мне и сказал: «Я убью своего отца и женюсь на тебе». — Он схватил меня, я вырвалась. Тогда он избил меня. Вот лицо, нос — все в крови,— заявила она мужу.

Хан пришел в ярость и приказал повесить сына. Но палачи не нашли ханского сына и возвратились с пустыми руками.

Визирь слышал жалобу жены хана и подумал про себя, нет ли тут клеветы. Он разыскал ханского сына и посоветовал ему на время уехать с глаз подальше. Чтобы не было скучно, отпустил с ним своего сына. Юноши сели на коней, взяли соколов и отправились на охоту. Визирь к седлам привязал мешочки с золотом и серебром и благословил детей в путь.

— «Ярость хана длится сорок дней»,— говорится в народе. Гуляйте в степи сорок дней. А потом ждите от нас вестей,— сказал он им на прощание.

Едут юноши, захотели пить, но воды нигде не было. Особенно тяжело переносил жажду сын хана. Подъехали юноши к подножию одной горы, сын визиря оставил своего друга и соколов, а сам поехал в горы искать воду. Сидит ханский сын, ждет, вдруг видит: откуда-то с высоты капает вода. Вот чудо-то! Он вынул из мешочка золотую пиалу и поставил под эти капли. Через некоторое время пиала наполнилась, и только хотел ханский сын выпить воду, как один из соколов мигом очутился возле него и ударом лапы выбил из его рук пиалу. Вода разлилась. Ханский сын, измученный жаждой, разозлился и убил сокола.

— Ты не хотел, чтобы я пил эту воду!

Он опять поставил пиалу. Постепенно она снова наполнилась водой, и только он стал подносить пиалу к губам, как второй сокол выбил у него пиалу и разлил воду. Ханский сын убил и второго сокола. И опять он поставил пиалу и стал ждать. Ну, думает, на этот раз я напьюсь. Через некоторое время пиала наполнилась, и он уже взял ее в руки, но тут к нему подскочил его друг и крикнул:

— Стой, стой, не пей! Я тебе принес чистую, прозрачную воду, пей вот эту воду.

Напоив друга, он стал рассказывать:

— Неподалеку от нас, там, наверху, лежит мертвый дракон. Вот эти капли, что падают сверху,— яд, который течет из его пасти. Соколы оказали тебе большую услугу. Зря ты их убил. Кроме того недалеко отсюда я обнаружил большую реку. Поедем туда. Там, может быть, живут люди. Я видел следы домашних животных.

И друзья немедленно отправились в путь. Скоро они приехали к широкой реке, вдоволь напились воды, напоили коней. Затем стали есть. Вдруг они увидели: по реке плывет парусная лодка, полная девушек. Девушки звонко пели и играли на музыкальных инструментах. Все веселились, и лишь одна была грустна, как птичка в клетке. Девушка заметила, что на нее смотрят жигиты, взяла золотую пиалу и наполнила ее водой. По краям пиалы поставила две палочки, потом достала из кармана золотую расческу и три раза провела ею по голове. На все это с любопытством смотрели два друга. Когда лодка отплыла, сын визиря спросил своего друга:

— Что это за девушки? Ты видел, что делала грустная девушка?

— Она взяла пиалу, наполнила водой, поставила по краям две палочки. Затем расчесала голову три раза. Все это я видел, но ничего не понял,— ответил сын хана.

— Я понял, кто она такая, и понял, что она говорила,— сказал сын визиря.— Она дочь хана. Ее окружают подружки, они поют, веселятся, забавляют ее. Ханская дочь поняла, что ты сын хана, и подала тебе знаки. Она взяла пиалу и наполнила водой. Значит, у нее есть отдельный терем. По сторонам пиалы она подняла две палочки, значит, у терема стоят два дерева. Она провела расческой по волосам три раза. Значит, будет ждать тебя там три дня. Следовательно, нам надо поехать к ней. Ее терем должен быть в том направлении, куда они уплыли. Давай поедem, и если бог даст, то я тебя женю на этой девушке.

И жигиты, оседлав коней, отправились в путь. После небольшого переезда они очутились в городе и остановились у одной старушки. Она их приняла, как своих сыновей.

— Апа, скажите нам, где находится терем ханской дочери? — спрашивают друзья.

— Милые детки, терем ханской дочери стоит вон там, где видны два дерева. В неделю раз она приходит туда со своими подругами, и все веселятся там, качаются на качелях.

Вечером сын визиря приводит своего друга к терему ханской дочери и устраивает его неподалеку. Затем говорит ему:

— Жди здесь, только не засни. Она сегодня ночью должна выйти сюда.

А сам возвратился в дом старушки.

Ханский сын очень устал, и, как только его друг ушел, он уснул. Вышла ханская дочь из своего терема, увидела спящего жигита, села у его изголовья и стала ждать, когда он проснется. Долго сидела, но жигит не просыпался. Тогда она положила ему за пазуху яблоко и ушла.

Утром проснулся ханский сын: никого вокруг нет, и девушка не пришла. Загрустил он. Подходит к нему друг. С обидой обратился ханский сын к нему.

— Мой друг, ты солгал мне, что сюда должна прийти ханская дочь. Ты это сделал для того, чтобы самому по-

удобнее расположѣться в доме старушки, а меня вытеснил на улицу под открытое небо.

— Ханская дочь не могла обмануть,— отвечал сын визиря.— Может быть, она приходила, а ты спал?

И он стал осматривать все кругом — нет ли каких следов, говорящих о приходе девушки, и обнаружил яблоко.

Вечером сын визиря опять оставил своего друга у терема и строго-настрого наказал, чтобы тот не спал. Но ханский сын с наступлением темноты опять заснул. Утром приходит сын визиря и снова находит в кушаке своего друга яблоко. Девушка приходила, когда ханский сын беззаботно спал.

В третий раз сын визиря оставил у терема своего друга.

— Ну смотри же, не усни. Сегодня последний день. Она больше не придет. Нет, ты уснешь. Сейчас я сделаю так, чтобы ты не уснул.— Сын визиря достал острый нож и порезал своему другу палец.

Сын хана от боли вскочил.

— Теперь ты не уснешь,— говорит ему сын визиря.— Только делай вид, что спишь. Ханская дочь придет, опять положит яблоко и пойдет. Тогда ты схвати ее за платье и скажи: «Большое спасибо за яблоки. Мы давно в пути и очень устали с дороги». Думаю, после этих слов она остановится и ты поговоришь с ней.

И сын визиря ушел.

Лежит сын хана, спать хочет, но боль в пальце не дает ему уснуть.

В полночь слышит, идет ханская дочь. Он сразу притворился спящим. Девушка подошла, увидела, что жигит спит, сунула ему за пазуху яблоко и повернулась, чтобы уйти. Ханский сын быстро поднял голову и схватил ее за подол платья. Затем сказал, как научил его друг. Девушка улыбнулась и осталась с ним.

Всю ночь они говорили, устали и к утру незаметно для себя заснули. На рассвете увидели ханские охранники: ханская дочь, обнявшись с неизвестным жигитом, спит. Рассказали хану, тот в гневе приказал схватить обоих, а в полдень, когда соберется народ,— повесить на площади.

Пришел утром сын визиря на то место, где вечером оставил своего друга, и не нашел его. Возвратился он в город, а там на устах у всех новость: дочь хана возле сво-

его терема была застигнута спящей с неизвестным жигитом. Теперь их повесят.

Задумался сын визиря: как спасти друга от верной гибели? И придумал. Переоделся он в девичье платье, прикрепил косы и стал совсем как четырнадцатилетняя девочка. Затем он отправился к дворцу и стал просить охрану пустить его к ханской дочери.

— Я,— говорит,— ханской дочери давала на сохранение свой драгоценный перстень. Мне надо взять его у нее, а то ханскую дочь повесят, и мой перстень пропадет.

Говорит он так, а сам сует охранникам золото. Охранники пустили его.

Вошел он в помещение, где сидели его друзья, и говорит:

— Время не терпит. Вы, девушка, наденьте мою одежду и накиньте на себя вот эту вуаль. Когда будете проходить мимо охраны, выставьте руку так, чтобы был виден перстень. Если они спросят, взяли ли перстень, скажите: «Да, взяла». Затем идите к себе в терем и спокойно спите.

Когда девушка ушла, сын визиря велел своему другу надеть одежду девушки. Переоделся тот и стал удивительно похож на ханскую дочь. Только он успел прикрепить косы, как дверь с грохотом открылась и вошли нукеры хана, чтобы увести заключенных на плахи. Сын визиря обратился к ним:

— У нас есть разговор к хану. Ведите нас к нему!

Нукеры докладывают хану:

— Дочь ваша и ее избранник хотят что-то сказать вам!

Хан велит привести их.

— Что вы хотите сказать?— спрашивает он у молодых людей.

Сын визиря отвечает:

— Я сын такого-то хана. На нашу страну напал враг. Я с моей сестрой спаслись бегством и попали в ваше владение. Моя сестра ночью боится оставаться одна, и мы под открытым небом спали вместе. В вашем городе мы искали убежище, но охранники застали нас спящими и насильно привели сюда. Мы ни в чем не виноваты! Вот все, что я хотел вам сказать.

Хан все время поглядывал на девушку и никак не мог признать в ней свою дочь. Он срочно послал гонца за своей дочерью. Гонец долго не возвращался, хан поехал в

терем дочери сам и застал свою дочь безмятежно спящей на золотом ложе. Рассердился хан. В гневе приказал он повесить охранников.

Хану понравился бойкий юноша, и он принял его к себе на службу. А его «сестру» отправил в терем своей дочери, чтобы она жила возле нее.

Сын визиря служил хану верой и правдой. За это хан скоро назначил его визирем при себе. Постепенно юноша стал самым любимым визирем хана.

Однажды юноша тайно послал к своей «сестре» человека с просьбой встретиться с ним. Когда друг пришел, он сказал:

— Завтра мы с ханом поедem на охоту. Ты переоденься в мужскую одежду и встреть нас в степи. При встрече пожалуйся хану, что я не возвращаю тебе долга. Хан скажет тебе: «Говори, что он тебе должен, я заплачу». Ты не соглашайся. Тогда он скажет: «Возьми у него сестру и будь доволен». Ты также не соглашайся. Наконец хан не выдержит и скажет: «Возьми и мою дочь». Тогда ты дай свое согласие.

Назавтра хан со своей свитой выезжает на охоту. На условленном месте встречает его молодой жигит и говорит, что ханский визирь давно не возвращает взятый долг. Хан ему отвечает:

— Возьми у меня, что он должен.

Юноша не соглашается.

— У него есть сестра, бери ее! — говорит хан.

Юноша не соглашается.

— Вдобавок бери и мою дочь! — говорит хан.

Юноша согласился, и охотники поехали дальше. После охоты хан говорит своему любимцу-визирю:

— Приведи свою сестру и обвенчай ее с женихом.

Визирь отвечает:

— Вы лучше обвенчайте с ним свою дочь. Пусть она будет у него старшей женой. А моя сестра пусть будет младшей женой. Ей и этого хватит.

Хану понравилось предложение визиря. Он устроил свадебный пир на сорок дней и веселье на тридцать дней. После свадьбы он позвал к себе любимого визиря и сказал:

— Мой визирь, обвенчай свою сестру с моим зятем.

Визирь встал с места, виновато опустил голову и обратился к хану:

— У меня есть великая просьба, хан мой!

— Говори, мой визирь!

— Я скажу, если только вы обещаете пощадить меня.

Хан обещал, и сын визиря с начала до конца подробно рассказал обо всем случившемся.

Хан выслушал все это и остался очень довольным смышленостью визиря. Затем дал ему много драгоценностей, снабдил также дочь и зятя всем необходимым, наделил их богатством, золотом и отправил на родину.

Старый хан встретил друзей с распростертыми объятиями. Затем он приказал повесить свою молодую жену, которая смутила всех, а в честь сына устроил пир и веселье.

Слава о смышлености сына визиря разнеслась далеко за родные края.

КАК БЫЛ НАКАЗАН ЖАДНЫЙ КАРАХАН



древние времена, когда дед моего деда был таким, какой ты сейчас, бала, а может, и того раньше, в предгорьях могучего Алатау жил хан по имени Карахан. Баранов у него было, что в пустыне песчинок, лошадей в табунах

паслось, что в туче капель воды. Никто не считал их. А если бы и вызвался кто, все равно бы сбился со счета: попробуй сосчитай, сколько в степи ковыля...

Самые жирные бараны нагуливались в отарах Карахана. Самые теплые юрты из белого войлока были у Карахана. Самые резвые скакуны водились в его табунах. Карахан ел самое жирное мясо. Карахан спал на самых теплых одеялах. Карахан ездил на самом быстроногом жеребце...

Ох и конь был у него, бала! Норовистый, сильный, горячий. Стоит он у юрты, трясет головой и нетерпеливо переступает ногами, а как только сядет на него Карахан, дотронется своей камчой — он помчится быстрее ветра. Много скачек видели горы. И всегда на них победителем был Ала¹, скакун Карахана.

¹ Ала — пестрый, пегий конь.

— Эй вы, голодранцы! — говорил обычно Карахан после скачки, обращаясь к беднякам. — Со мной, с Караханом, вздумали тягаться?! Скорее Алатау в степь превратится, чем кто-нибудь из жатаков меня обгонит.

Много лет так велось: не было казаха богаче Карахана, не было коней, резвее его скакуна...

Но вот однажды был большой той. Лучшие жигиты с гор и степей собрались для участия в байге — кто быстрее всех проскачет от одной горы до другой. Приготовились жигиты, но Карахан вышел вперед и, бахвалясь, сказал:

— Эй вы, голытьба! Жигиты на клячах! Аллах свидетель: если кто меня опередит, тог получит из моего стада столько баранов, сколько зерен проса поместится на одной лепешке!

Приумолкли жигиты. Каждый из них знает: не обогнать Карахана, не увидеть позади себя гриву его скакуна. Пришпорили они коней, помчались что было мочи. Да где там — уходит от них Карахан.

Никто уже не сомневался в победе Карахана. Но вдруг откуда-то появился никому не ведомый жигит. Конь у него худой, не чета коню Карахана. Этот жигит вышел вперед и вот-вот догонит Карахана. Услышал хан приближающийся топот, оглянулся назад испуганно. Но, когда увидел скакуна жигита, рассмеялся. Хохочет Карахан:

— Какой-то глупец на заморенной кляче решил меня обогнать! Он вздумал тягаться со мной, с Караханом!

Но вот жигит настиг Карахана, и не успел тот глазом моргнуть, как он вырвал у него камчу, хлестнул ею своего коня и вихрем помчался к горам.

Оторопел Карахан. Стал горячить своего коня, понукавать его, бить каблуками, но конь — ни с места. Удивился народ: не может понять, что произошло? Карахан бьет коня, кричит, ругается, машет руками, а конь — словно камень.

Молодой жигит домчался до гор, соколом взвился над могучими хребтами и исчез где-то далеко за ними. Как бешеный волк, взвыл Карахан, когда увидел это, грохнулся, словно мешок, на землю. Подхватили слуги его чуть живого, вылили на него сто бурдюков воды, влили в его рот сто пиал кумыса, завернули его во сто одеял — такая дрожь его стала бить, потом положили на повозку и повезли в аул.

Много ли, мало ли воды утекло, но только стал Карахан выздоравливать. Сидел он однажды на кошме в своей белой юрте, ел бесбармак и запивал сорпой. Мясо сам ел, а кости женам, как собакам, отдавал доедать. Сколько он съел мяса, сколько выпил кумыса — трудно сказать. Вдруг послышался конский топот, в ауле появился всадник. Он узнал юрту Карахана и подъехал к ней. Жигит вошел к Карахану и сказал:

— Пришла пора держать свое слово, Карахан. Отдай долг: готовь мне столько баранов, сколько зерен проса уместится на одной лепешке.

Задрожал хан, узнав своего противника. Вспомнил он свое обещание. Взял бы он его обратно, да поздно. Что делать? И решил идти на хитрость.

— Ладно,— сказал Карахан.— Дай время, баранов тебе приготовлю, но ты верни камчу.

Подумал жигит и говорит:

— Бери свою камчу. Но без обмана. Обманешь — пожалеешь.

Карахан обещал сдержать свое слово и отдать сполна: за зерно — барана.

Поверил жигит хану или не поверил — не знаю. Но он отдал камчу, вскочил на коня и умчался в степь.

Карахан ликовал. Еще бы, ведь камча была не простая. Она имела волшебную силу. Любого, даже заморенного коня, она могла заставить рысью бежать. Обрадовался хан, но потом спохватился: камча-то у него, а как быгь с долгом?

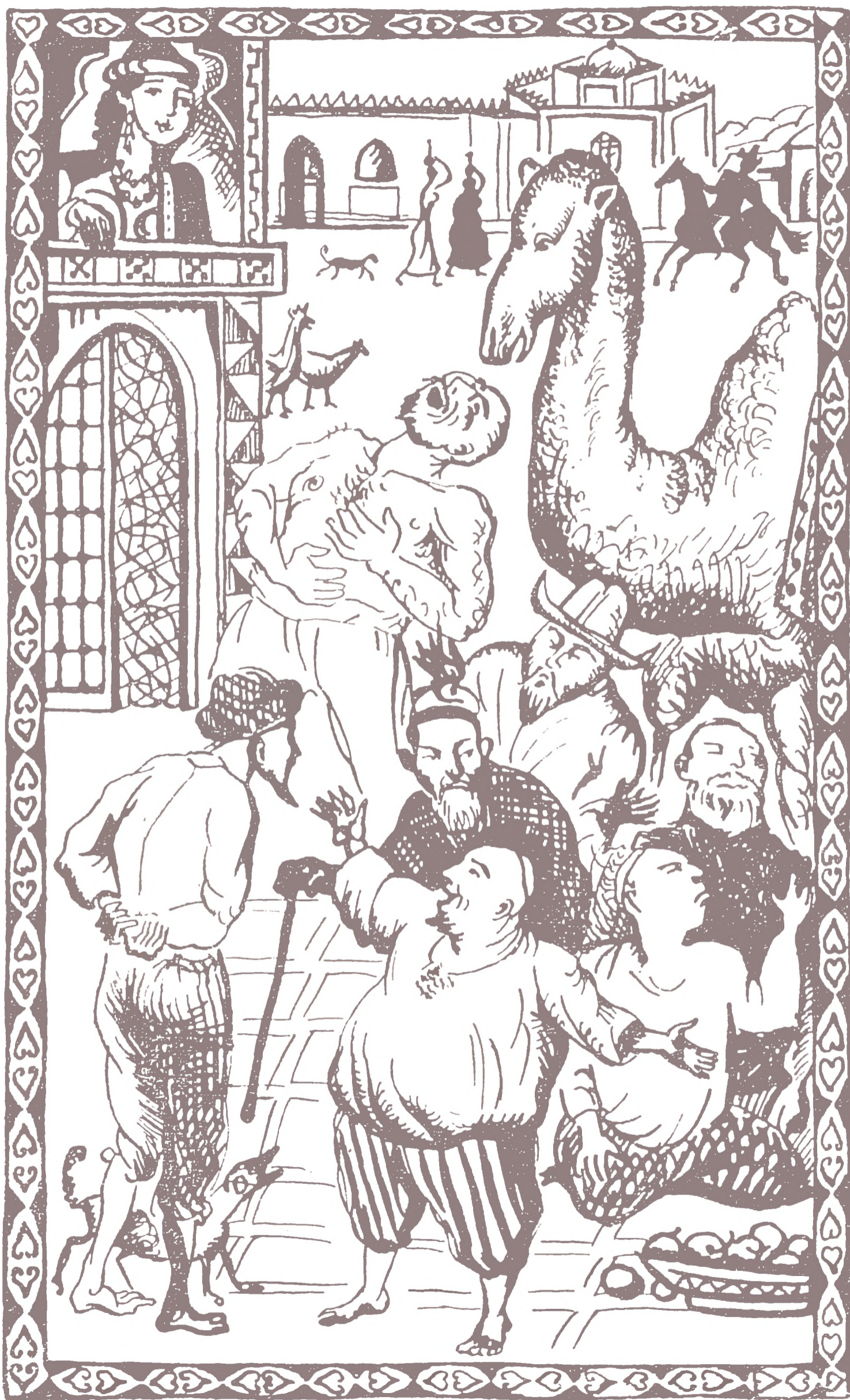
Взял Карахан лепешку, насыпал на нее зерен и попросил сосчитать их. Считали, считали слуги Карахана и насчитали многие тысячи. Жалко Карахану столько отдавать баранов жигиту. Позвал он своего главного визиря и наказал ему:

— Даю тебе тысячу аскеров, отправишься с ними в степь до Балхаша и Арала и, сколько есть там отар, заберешь себе. Пусть расплачиваются жатаки за то, что скот их дедов пасся на земле дедов хозяина этой земли, великого хана Карахана.

Отправились аскеры в путь. А в это время откуда-то появился жигит и потребовал у хана долг.

— Давай, Карахан, рассчитаемся,— сказал он.— Настало время!

Взмолился старый Карахан:



— Дай срок, жигит. Подожди, пока овцы объгнутся, больше получишь.

— Ладно,— сказал жигит.— Подожду, но в последний раз.

Долго не было вестей о визире и аскерах. Но потом вернулись они со множеством баранов. Дотла ограбили по ханскому приказанию бедняков. Хан доволен был, выскочил из юрты, от жадности глаза у него разгорелись, и стало жалко ему отдавать все это богатство жигиту. Стал думать он: как бы ему обмануть жигита. Думал, думал и придумал:

«Уговору о размере лепешки не было».

Обрадовался хан своей выдумке, приказал испечь такую лепешку, какую даже бедняки не пекут, меньше твоего кулачка, бала. Испекли лепешку, насыпали зерен на нее, сосчитал Карахан и обрадовался: совсем мало зерен было на ней. Отобрал он скот и ждет жигита.

Через некоторое время примчался жигит. Вошел в юрту и сказал:

— Ну, хан, не могу больше ждать. Отдавай долг.

— Ну, что ж,— сказал Карахан.— Изволь, получи свой долг.— И подает жигиту самую маленькую лепешку, на которой поместилось чуть больше десятка зерен.

Посмотрел жигит на Карахана и говорит:

— Нет, Карахан. Так мы с тобой не рассчитаемся. Ты не сдержал свое обещание. И жигит вышел из юрты. Крикнул он в степь, да так крикнул, что все бедняки слышали его:

— Карахан лгун и обманщик,— говорил жигит.— Он грабитель. Эй, народ! Отвечай, что сделать с ханом? Как наказать его? Как вы скажете, так и будет.

Съехались люди со всех сторон к жигиту, зашумели, взволновались.

— Столько раз ударишь Карахана камчой,— сказали они,— сколько он отнял у нас баранов.

Подумал жигит и сказал:

— Пусть будет по-вашему. Камчой так камчой. Но только этого ему мало. А пусть он примет столько ударов, сколько ремней в его камче.

Испугался Карахан. Зовет слуг, приказывает им связать жигита и разогнать бедняков. Но слуги не слушались Карахана. Жигит взял у Карахана камчу, выволок его из

юрты, положил на землю и размахнулся камчой со всего плеча.

Ударил жигит раз — шакалом взвыл Карахан. Овцы от этого крика сбились в кучу. Ударил жигит второй раз — как барс, зарычал Карахан, лошади на дальних пастбищах задрожали. Ударил жигит в третий раз — испустил дух Карахан.

Поднял жигит тело Карахана, уложил его на своего скакуна и ударил его камчой. Взвился конь высоко над горами, над степью и сбросил тело Карахана. И где упало тело жадного хана — выросла верблюжья колючка, ядовитая трава. Чабаны и доныне далеко обходят это место: там водятся скорпионы да змеи.

МОМУНБАЙ И КАРАКЧИ



старину жил Момунбай. В это время жили и семь молодцев, которые не пропускали благополучно ни встречного, ни поперечного, отбирали у идущего навстречу кетмень, у идущего впереди топор и творили другие злодеяния, за что и приобрели в народе прозвище Жеты каракчи — Семь воров.

Однажды каракчи разговорились между собой:

— Вот Момунбай только и делает, что пасет свой скот. Давайте разорим его.

Порешили и сделали. Потерял Момунбай родственников, друзей, приятелей. Дети малые да жена больная в юрте. Из скота уцелел единственный ишак. Вот и решил Момунбай отомстить каракчи.

«Ведь я в нынешнее положение попал исключительно из-за Семи воров, — размышлял он. — Дай-ка я сделаю им то, что в состоянии сделать: ведь существуют же в народе слова: «Пакостить тому, кто тебе пакостит». Достал Момунбай из сундука три серебряные монеты, положил их в карман, сел на своего ишака и поехал по направлению аула Жеты каракчи. Подъезжая к аулу, Момунбай остановился, вынул из кармана монеты и спрятал их под хвост

ишаку, а затем, подъехав к каракчи, сидевшим за аулом на бугре, произнес:

— Мир вам!

Каракчи ответили:

— Мир и тебе!

— Благополучны ли твои домашние и скот?— спросили они.— Счастливого пути! Куда, Момунбай, направляешься?

— Домашние мои слава богу,— ответил Момунбай.— Зачем вы спрашиваете про скот, который вы сами присвоили? Вот теперь у меня нечем семью кормить, а потому и еду в этот аул (он указал на соседний аул), кто-нибудь из прежних друзей сжалятся надо мной и даст что-нибудь.

Сказав это и попрощавшись с каракчи, Момунбай поехал своей дорогой. Незаметно он воткнул в круп своего ишака шило. От боли ишак прибавил ходу и замахал хвостом. На землю упала одна серебряная монета. Эту проделку Момунбай повторил несколько раз: серебряные монеты падали одна за другой. Каракчи удивились этому чуду и решили расспросить Момунбая, в чем тут дело.

На следующий день они приехали к Момунбаю и спрашивают:

— Вчера, когда ты отъезжал от нас, из твоего ишака сыпались серебряные монеты. Объясни нам, что это за чудо?

— Из прежнего моего скота остался только этот один осел,— сказал Момунбай,— и благодаря этому ослу мои дети одеты и обуты. Он кормит нас. А достоинство его в том, что он испражняется чистым серебром, если его кормить овсом. А если накормить ячменем, то он будет давать золотые дилла.

Услыхав это, каракчи еще больше удивились. Они стали советовать между собой, а потом решили во что бы то ни стало приобрести этого ишака.

— Украсть последнего ишака у Момунбая будет уже грешно,— сказали они,— давайте купим его, сколько бы ни запросил за него Момунбай. Ведь мы затраченные деньги потом вернем.

Вот один из них и обратился к Момунбаю:

— Момунбай, продай нам своего ишака.

Момунбай не соглашался, но потом они уговорили его и за очень большое количество дилла купили ишака. Вернулись каракчи с ишаком в свой аул, накормили его досы-

та ячменем и стали извлекать из него золото: повалили ишака на землю, связали ноги, на зад повесили кап¹, чтоб не рассыпалось золото. Двое из каракчи придерживали кап, а остальные усердно колотили ишака по животу. От сильных ударов ишак стал испражняться. Каракчи обрадовались, думая, что выходит золото. Они усилили удары. Когда кап был полон, каракчи прекратили колотить ишака и стали вытряхивать мешок, но из него вышли одни нечистоты, золота не оказалось. Каракчи долго стояли, разинув рты, не понимая, в чем тут дело. Затем они развязали ишаку ноги, но он был мертв. Поняли каракчи, что Момунбай обманул их, рассердились на него, порешили отомстить.

На другой день все Семь каракчи сели на коней и поехали к Момунбаю. Он увидел их и догадался, зачем они едут. Вбежал Момунбай в юрту, взял кусок бараньей кишки, наполнил ее кровью барана, зарезанного по случаю удачной продажи ишака, привязал кишку вокруг шеи своей старухи и сказал:

— Как только каракчи станут входить в юрту, ты кинься бежать, я с руганью и бранью с ножом погонюсь за тобой, а ты, пробежав немного, падай. Я подбегу к тебе и перережу на твоей шее кишку. Ты захрипи и притворись мертвою. Через некоторое время я буду играть на дудке и, подойдя к тебе, пну ногой в голову, а ты вставай со слезами: «Ах, как я крепко уснула!»

Каракчи подъехали к юрте, привязали лошадей и вошли в нее. В это время старуха Момунбая выбежала из юрты и бросилась в степь. Момунбай погнался за ней с ножом. Старуха споткнулась и упала. Момунбай, подбежав к ней, ударил ножом по горлу: хлынула кровь, старуха захрипела и притворилась мертвою. Момунбай вернулся в юрту сердитый, постоял молча, не обращая внимания на каракчи. Каракчи тоже молчали и не смели заговорить с ним. Через некоторое время Момунбай взял свою черную дудку, обтянутую кишкою (для крепости), и, поиграв на ней, подошел к «мертвой» старухе, пнул ее ногою в голову. Старуха очнулась со словами: «Ах, как я крепко уснула!» Каракчи удивились и обратились к Момунбаю с такими словами:

¹ Кап — шерстяной мешок квадратной формы.

— Объясни, Момунбай, что это за чудо: ты на наших глазах зарезал свою старуху и оживил ее? В чем тут дело?

— Нет тут никакого чуда,— сказал Момунбай,— все это от черной дудки произошло: стоит только поиграть на ней и пнуть ногою в голову, любой покойник встанет как ни в чем не бывало.

Каракчи забыли о своей мести и решили приобрести дудку Момунбая. Долго они уговаривали его продать волшебную дудку, Момунбай не соглашался. Но потом продал дудку за большое количество дилла. Радостные каракчи вернулись домой. Жен не оказалось дома. Они воспользовались отсутствием мужей, пошли в соседний аул посудачить. Каракчи отправились разыскивать их. Найдя их в соседнем ауле, они тут же их всех зарезали, чтоб потом оживить при помощи чудесной дудки. Через некоторое время один из каракчи взял эту дудку и пнул свою жену в голову, но она не очнулась. Второй каракчи взял дудку, поиграл и пнул свою жену в голову, но она не вставала. Проделал все это и третий, и четвертый, и пятый, и шестой, и последний — седьмой, но результаты одни и те же. Убедились они тогда, что дудка никакой чудесной силой не обладает и Момунбай их обманул. Еще сильнее они рассердились на него и решили отомстить.

А Момунбай знал, что каракчи узнают про обман, и говорит своей старухе:

— Я надул каракчи здорово, теперь они не оставят меня в покое и будут мстить. Возьму я постель и продукты и пойду вон в ту могилу, что на большой дороге, домой буду ходить по ночам. Если приедут каракчи и будут спрашивать меня, скажи им, что я умер и похоронен в этой могиле.— Момунбай взял постель, еду и пошел в могилу. Через несколько дней приехали каракчи к Момунбаю, но его не было дома. Старуха с рапущенными волосами с плачем встретила их. Каракчи спросили ее, в чем дело, почему она плачет. Старуха стала им рассказывать:

— Бог сначала лишил меня скота, а затем лишил единственной опоры в жизни: отнял у меня Момунбая. Он умер. Похоронила я его вон в той могиле, что на большой дороге.

Каракчи выслушали старуху и порешили отомстить Момунбаю хотя бы мертвому.

Как-то раз они награбили много золота и серебра и возвращались домой. Им пришлось идти той дорогой, где стояла могила Момунбая. Когда каракчи подъехали к могиле, то один из них и говорит:

— Давайте заедем в могилу Момунбая и там разделим нашу добычу.

Другие согласились, и вот каракчи с мешками золота и серебра вошли в могилу Момунбая. Смотрят каракчи: лежит Момунбай в постели как живой, у изголовья его — саба¹ с кумысом и чашка с вареной бараниной. Увидев Момунбая в такой обстановке, каракчи подумали, что он угодник аллаха и попал прямо в рай. Затем они стали делить добро: разложили золото и серебро на отдельные кучки, спрашивали, кому какую кучку взять. Расшумелись, стали кричать. В это время Момунбай встал с постели и закричал: «Все это не ваше, а мое». Каракчи страшно перепугались, побросали все свое добро, выскочили из могилы, сели на коней и ускакали. Момунбай собрал все золото и серебро, отнес его домой, а сам вернулся в могилу. Он знал, что каракчи опомнятся и вернуться назад. А каракчи тем временем подумали, что Момунтай и мертвый не оставит их. Один из каракчи говорит своим товарищам:

— Давайте обгадим его могилу.

Другие согласились с ним. Сев на коней, они отправились на могилу Момунбая. Подъехали к могиле, один из них слез с коня, спустил штаны и сказал: «Вот тебе за все твои проделки». В это время Момунбай снизу ткнул его раскаленным железным прутом. Каракчи вскрикнул и побежал прочь, говоря: «Дух Момунбая наказал нас за надругание над его могилой». Решил проделать это же и другой каракчи и получил то же самое. Все каракчи получили по уколу железным прутом. В страшном гневе они вернулись домой. Возвратился после этого Момунбай и зажил хорошо. Слух о том, что Момунбай воскрес из мертвых, дошел до самого хана. Хан удивился этому чуду и решил поговорить с Момунбаем. Он послал за ним человека и, когда Момунбай пришел, спросил его:

— Я слышал, Момунбай, что ты умер, а потом воскрес. Скажи мне правду, как это случилось.

— Действительно, таксыр, я умер,— ответил Момунбай.— После меня осталась одна вдова да малые дети,

¹ Саба — кожаный мешок для хранения кумыса.

много скота и разного добра и семь моих рабов. После моей смерти рабы не стали слушаться старуху, малолетних сирот. Разобрали они мое добро и разбежались. Обиженные сироты стали усердно молиться богу, и бог сжался над ними — он оживил меня.

Хан, пораженный рассказом Момунбая, рассердился на его рабов и спросил Момунбая: не знает ли он, где они сейчас. Момунбай указал на каракчи. Хан немедленно послал за ними. Когда те пришли, хан с гневом спросил их:

— Как вы осмелились обижать сирот?

Каракчи ответили, что они никогда и ни у кого рабами не были и никого не обижали. Тогда Момунбай сказал:

— Быть может, я ошибаюсь. У моих людей было тавро, и если у них нет тавра, то, значит, ошибаюсь.

Хан спросил:

— Какое тавро было у твоих людей?

Момунбай объяснил, что у его рабов на заднюю часть тела был след от железного прута. Тогда хан велел раздеть каракчи: у всех них оказалось тавро. Хан признал Момунбая справедливым и приказал всех каракчи с имуществом передать во владение Момунбая.

ЖИРЕНШЕ-ШЕШЕН



Однажды Аз-Джанибек послал Жиренше осмотреть местность, куда можно было бы перекочевать аулом. Когда Жиренше поехал, к нему присоединился какой-то пожилой человек на карем иноходце. На пути Жиренше сказал:

— Давай заставим кипеть деревянный котел!

Когда проехали еще немножко, Жиренше сказал:

— Давай, заменим худых лошадей жирными!

Человек, ехавший подле него, сказал:

— Какой ты глупый! Разве у нас есть жирные лошади?

Доехали они до одной реки. Товарищ послал Жиренше узнать брод. Жиренше съездил, вернулся и говорит:

— Видел два брода: один далеко, но близко; другой близко, но далеко.

Товарищ говорит:

— Какой ты глупый! Говоришь: далеко, но близко; близко, но далеко. Покажи мне близкий брод!

Жиренше показал ему близкий брод, а сам уехал на дальний. Жиренше скоро перешел через реку, а за близким бродом оказалась топь, старик завяз и насилу выбрался на берег. Вылез из грязи, поехали опять вместе. Приехали в большой табун. Жиренше сказал:

— Этот скот богача, у которого много детей.

Подъехали к другому табуну, Жиренше опять сказал:

— У этого богача нет детей.

Едут дальше. На дороге показалась большая белая юрта. Из юрты вышла девушка — дочь спутника Жиренше. Она всегда встречала отца и держала лошадь, когда он слезал.

Жиренше поехал дальше.

Дочь спросила отца, кто этот спутник? Отец ответил дочери:

— Это глупый человек, дочь моя!

— А что он сказал глупого? — спросила дочь.

— Когда мы выехали от Джанибека, — сказал отец, — он предложил вскипятить деревянный котел. Разве можно кипятить в деревянном котле? Потом он сказал: «Оставим худых лошадей, сядем на жирных». А жирных лошадей нет. Потом сказал еще, что есть два брода: один далеко, но близко, другой близко, но далеко. Разве это не глупости?

Дочь выслушала отца и говорит:

— Он умный человек, а вы, отец — глупый! Деревянный котел вскипятить, значило покурить трубку. Оставим худых лошадей, сядем на жирных — значило: покормим лошадей. Брод близкий, но далекий — значит: он близко, но худой, топкий; далекий, но близкий — значит: до него дальше, но по нему переезд через реку удобнее. У бая одного табуна много детей — это он узнал потому, что в табуне все лошади были худые, заезженные; про ваш табун он сказал, что у хозяина детей нет, потому что все лошади, он видел, жирные. Это умный человек, его нужно позвать в дом и угостить.

— Ступай сама и пригласи, — сказал отец.

Девушка догнала Жиренше и привела в свою юрту.

Угостила его. Во время еды Жиренше посмотрел на девуцу и погладил усы, девица погладила одну косу. Жиренше погладил бороду,— девица погладила волосы. Жиренше согнул свои пальцы в кулак — ему сделали постель. Легли спать. Когда отец девицы заснул, Жиренше подошел к дочери хозяина и говорит:

— Я погладил усы, это значит, я спрашивал, даст ли мне тебя твой отец, если я дам скота столько, сколько волос в моих усах.

— А я погладила одну косу,— сказала девушка,— это значит: отец не отдаст меня даже за столько скота, сколько волос в моей косе.

— Я погладил бороду,— продолжал Жиренше,— этим я хотел спросить, не отдаст ли тебя отец за столько скота, сколько волос в моей бороде.

— Не отдаст даже за столько,— сказала девица,— сколько на моей голове волос.

— Каким образом возьму тебя? — спросил тогда Жиренше.

— А есть ли у тебя скот? — спросила девица.

— Есть только один сивый бык,— ответил Жиренше.

— Зарежь этого быка,— сказала девица.— Привези мясо к нашей юрте и спрячь его в разных местах юрты. Потом иди к хану, прикажи позвать сыщика, скажи, что у тебя потерялся сивый бык, и проси обыскать весь народ, а после всех пусть обыщут нашу юрту. Отец мой трус. От страха он, может быть, выдаст меня за тебя.

Жиренше сделал так, как сказала девица: взял сыщика, обыскал весь народ, пошли к отцу девицы и нашли мясо в его юрте. Забрали хозяина и повели к хану. Он перепугался и говорит:

— Отдам весь мой скот, только отпусти!

— Не отпущу,— говорит Жиренше.

Хозяин обещал отдать все имущество, но Жиренше не соглашается.

— Что же ты возьмешь? — спросил он Жиренше.

— Отдай дочь! — сказал Жиренше.

Хозяин белой юрты отдал тогда свою дочь Жиренше. Имя девицы было Карашаш, что значит — черные волосы. Жиренше женился на ней.



далекіе времена жил слепой на оба глаза. Как-то раз пришло ему на ум предъявить свои права на жену зрячего.

— О люди,— сказал слепой,— жена моя была недовольна, что я слепой, познакомилась с посторонним мужчиной и сбе-

жала от меня. Я не знал, где она скрывается. Сегодня я случайно нашел ее.

И он ухватился за платье жены зрячего человека. На крик слепого сбежались люди. Они были уверены, что слепой говорит правду, стали его жалеть. Слепой повел пойманную им женщину и ее мужа к бию. Когда пришли они к судье, он и говорит:

— О таксыр! Вот эта женщина была моей женою, а этот неизвестный мужчина сбил ее с пути, забрал к себе. Только сегодня я нашел их и привел к вам. Разберите мое дело и верните мне жену.

Бий стал разбирать дело слепого.

— Что вы скажете на это? — спросил он у женщины и у зрячего мужчины.

— Я жена вот этого зрячего человека,— сказала женщина,— а слепого совсем не знаю.

— Женщина действительно моя жена,— сказал зрячий,— я с нею повенчан и заплатил калым.

Бий посадил всех троих в отдельные юрты и незаметно поставил людей подслушивать: о чем будут говорить они, каждый в отдельности.

— О боже! Чем же я тебя прогневила, что ты послал ко мне какого-то слепого? Не допусти, чтоб я попала к нему в руки,— рыдала женщина в своей юрте.

— О лживый слепой! Выходит, ты мстишь мне за мою доброту? Ты должен получить возмездие,— говорил раздраженно зрячий.

— О ты, слепой! Ловко ты затеял дело. Если аллах поможет, то ты будешь иметь жену,— рассуждал сам с собой слепой.

Поставленные судьбою люди донесли обо всем бию. Он потребовал к себе слепого, зрячего и его жену и рассказал им, о чем они размышляли вслух, оставаясь каждый в от-

дельной юрте. Раздосадованный слепой прикусил свой палец до крови.

Бий вручил женщину зрячему, а слепого наказал за клевету.

АЛДАР-КОСЕ И АЛАША-ХАН



Однажды Алдар-Косе пришел к хану и сказал, что знает одно искусство и желает поведать об этом хану. Алаша-хан стал слушать, а Алдар-Косе начал так:

— Господин! Дай мне один батман золота: я его посею, оно станет расти и, следовательно, увеличится. В этом и состоит мое искусство.

— А если ты посеешь золото,— сказал хан,— да оно у тебя не уродится, что тогда я должен сделать с тобой?

— Тогда лишишь меня жизни,— сказал Алдар-Косе.

Дал хан ему золота на три тысячи дилла. Алдар-Косе отправился домой, а хан стал ежедневно справляться о его действиях. Алдар-Косе поехал в горы и на склоне одной из них начал пахать, делая вид, что он сеет золото, громко приговаривая: «Родись из одного дилла тысячи».

Все это видели слуги хана, а Алдар-Косе делал вид, что не замечает их.

Осенью, когда народ уже снял с полей хлеб, хан послал к Косе слуг с требованием отдать ему полученный урожай золота. Слуга стал вести переговоры через стенку юрты, и кто-то женским голосом ответил, что Алдара-Косе нет дома. Тогда посланный от хана вошел в юрту и увидел прехорошенькую девушку. А это был сам Алдар-Косе, переодетый. Слуга спросил девушку, где Алдар-Косе. Та ответила, что вследствие засухи, золото, посеянное ее братом, не уродилось, поэтому он, из опасений ханского гнева, отправился добывать золото для возврата Алаша-хану. Если же не будет золота, то Алдар-Косе не вернется совсем. Слуге хана понравилась сестра Алдара-Косе, и он о ней рассказал хану, когда вернулся. Хан велел привести девушку к нему и поселил ее со своими дочками. А у него их было две. Слуги выполнили это приказание.

И живет Алдар-Косе с ханскими дочерьми, пьет, ест и вместе с ними спит.

Вскоре один из любимых визирей хана отправил к своему повелителю свата, прося руки одной из дочерей хана.

Хан задумался над этим предложением, но потом решил отдать ему сестру Алдара-Косе. Свадьба была устроена на славу. Пировали ее тридцать дней. Наконец после больших и пышных свадебных пиршеств, состоялись проводы невесты к жениху. Визирь уже было решил принять невесту в дом, но она попросила его не спешить и отдохнуть недельку после дороги. Потом попросила приготовить двух хороших коней и пригласила жениха прокатиться в степь. Когда все было готово, то невеста заявила, что хорошо бы взять с собой вина. Визирь исполнил и это ее желание.

И вот они в степи. Через некоторое время, после прогулки, они сидели вдвоем и пили вино. Затем визирь опьянел и заснул. Воспользовавшись этим, мнимая сестра Алдара-Косе сбросила с себя щегольские женские наряды и, обратившись в настоящего Алдара-Косе, отправилась к хану.

Предстал Алдар-Косе перед ханом. Привел ему двух коней под дорогими чепраками да кошелек с золотом прихватил у визиря.

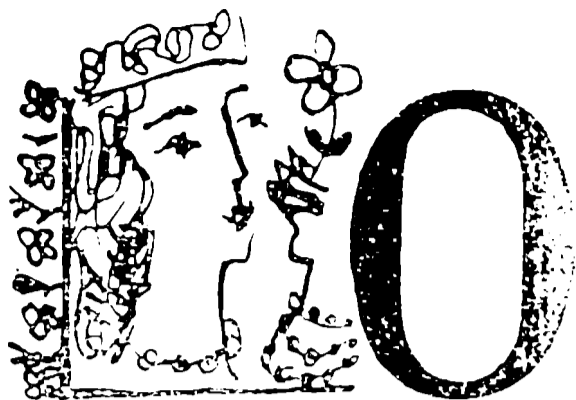
— Господин! — сказал Алдар-Косе. — В текущем году дождей не было, поэтому золото, данное мне тобой для посева, не дало урожая. Чтобы избежать гнева, я отправился добыть золото, чтобы возратить повелителю. Как видите, аллах помог мне, и я имею возможность рассчитаться... Но как можно, господин, обижать маленького человека. В мое отсутствие дом мой подвергся нападению твоих слуг. Моя сестра похищена и выдана замуж против ее воли.

Озадаченный неожиданным появлением Алдара-Косе и тронутый его несчастьем, которому хан был сам причиной, Алаша-хан сказал:

— Сестра твоя выдана замуж за лучшего человека, и было бы грешно жаловаться на такой брак. А ты тронул меня своей честностью. Я возвращаю тебе все то, что ты привез мне. Отныне ты будешь моим зятем и визирем.

Алдар-Косе был на седьмом небе от радости. Так ловко он обманул хана и его визиря.

СПРАВЕДЛИВЫЙ СУДЬЯ



днажды к судье явились на суд двое мужчин и одна женщина. Первый из них — мулла — доказывал, что женщина эта — его жена. Другой утверждал, что женщина — его жена. Сама женщина заявляла, что она жена первого. Выслушав спорящих, бий сказал:

— Оставьте женщину у меня и приходите завтра, я объявлю свое решение.

После этого приходят к судье мясник и его покупатель за разрешением спора о червонцах. Спор этот возник из-за того, что к мяснику пришел покупатель и при получении сдачи взял вместо медной монеты червонец, утверждая, что ему следовало получить червонец. Мясник оспаривал несправедливость покупателя. Свидетелей ни у того, ни у другого не было.

— Отдайте мне червонец и приходите завтра за решением, — сказал бий.

Затем явились еще двое мужчин. Они спорили из-за лошади: один утверждал, что лошадь принадлежит ему, а другой считал себя хозяином. Свидетелей и других доказательств у них не было, но каждый из них утверждал, что лошадь его, доморощенная.

— Приходите завтра, а лошадь поставьте ко мне во двор, — был на это ответ бия.

На следующий день в назначенный час предстали все перед бием. Он объявил им свое решение: женщина должна принадлежать первому, как его жена, червонец принадлежит мяснику, а несправедливо оспаривавшие должны уплатить аип¹.

Спорившие беспрекословно повиновались справедливому решению и удалились.

А последним двум мужчинам, которые оспаривали лошадь, судья предложил, каждому в отдельности, указать свою лошадь, стоявшую с другими лошадьми одинаковой масти. Спорившие, подойдя к лошади, правильно указали ту самую лошадь, о которой шел спор.

¹ Аип — штраф.

Тогда судья объявил, что лошадь принадлежит первому из них, а другому приказал платить штраф за ложные показания. И тот, который по справедливости получал свою лошадь, был удивлен: как это мог судья решить правильно. Он попросил бия рассказать о всех своих справедливых решениях. Судья согласился и рассказал следующее:

— Это очень нетрудно было сделать. Когда все ушли, я заставил оставшуюся у меня женщину вычистить чернильницу и письменные принадлежности. Спустя немного времени, я увидел, что все было исполнено с большой аккуратностью, и чернильный прибор стоял на своем месте, поставленный опытной рукою. Я не сомневался уже, что женщина была женою муллы, так как хорошо умела обращаться с этими предметами, тогда как другой из них был неграмотный и таких вещей у себя не имел.

Оставленный у меня червонец я опустил в горячую воду и увидел, как на поверхность воды всплыли жирные пятна. Значит, червонец долго находился в руках, запачканных салом, и, стало быть, он принадлежит мяснику.

Трудно было решить о лошади, так как оба споривших ее признали среди других лошадей. Но, когда подходил неправильно споривший, лошадь вздрогнула и фыркнула, а когда подошел настоящий ее хозяин, то лошадь узнала его и ласково взглянула. Я и решил поэтому, что лошадь принадлежит ему.

ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ



Однажды к бию пришли двое с просьбой решить их спор. Первый из них заявил, что он перед отъездом куда-то, по своим делам, дал своему соседу на хранение сто золотых, а когда вернулся, сосед стал отказываться, утверждая, что никаких золотых не получал. Передача денег происходила в лесу, без свидетелей. Сосед просителя стал отрицать это показание и утверждать, что он в лесу не был.

— Не помнишь ли ты место, где передавал золотые,— спросил бий первого просителя, истца.

— Как же, помню, под одним деревом, которое я хорошо запомнил и могу указать,— ответил истец.

— Значит, у тебя есть и свидетель. Возьми мой перстень с именной печатью и отправляйся сейчас же к тому дереву, под которым передавал ты деньги, приложи к дереву печать и скажи, чтобы оно явилось ко мне для допроса,— сказал бий.

Истец отправился исполнять поручение бия, а ответчик остался у бия ожидать окончания дела.

Судья спустя некоторое время спросил ответчика:

— Как ты думаешь, дошел он теперь до того дерева?

— Нет, еще не мог дойти,— сказал ответчик.

Спустя еще некоторое время судья снова задал прежний вопрос.

— Теперь, должно быть, дошел,— сказал ответчик.

Возвратился истец. Он сказал, что в точности выполнил поручение бия, но дерево не только не пошло к допросу, но даже и не пошевелилось.

— А я уже допросил дерево, и оно подтвердило твой иск,— сказал бий.

Тогда ответчик стал доказывать, что он все время сидел возле судьи и никакого дерева не видел.

— Но ты оспаривал раньше, что совсем не был в лесу, а между тем на мои вопросы отвечал сначала, что истец не мог еще дойти к дереву, а затем, что он уже дошел. Значит, истец говорил правду, указывая, что передача золотых происходила под деревом, иначе ты не мог знать даже приблизительно местонахождения дерева. Возврати золотые и уплати штраф за намерение утаить их,— объявил свое решение бий.

Ответчик повиновался верному решению судьи: вернул сто золотых и уплатил штраф.

ВОЛШЕБНАЯ ПТИЦА АЛДАРА-КОСЕ



После смерти отца Алдар-Косе простился с братьями и родичами и отправился в странствие по степи. Подтянув кушак, опираясь на палку, идет день, идет ночь, идет месяц, идет год. И вот привел его путь к подножию неведомой горы. Как лежащий нар-великан, преградила гора дорогу. Снежная вершина вознеслась в облака, по отвесным склонам только голые скалы: не за что уцепиться копыту архарара, не то что ступить человеку.

Призадумался Алдар-Косе, но тут же сказал себе: — Нет невозможного для человека. Самое крепкое железо покорно молоту кузнеца. Если смелый не боится смерти, неужели его утрашит крутой подъем? Будь что будет! Я взойду на эту гору и переберусь через нее!..

Переночевал. Перезимовал. А по весне с песней принялся за дело: скалы долбил, ступени мастерил, шаг за шагом поднимался все выше и выше.

Настал день и час — Алдар-Косе, собрав последние силы, шагнул еще раз и — ступил обеими ногами на вершину. Бросил он взор вперед и, увидев прямо перед собой светлое солнце, вскрикнул от радости и упал без чувств на камни.

Долго лежал он неподвижно, а очнувшись, приоткрыл глаза, — и что же? Байгуз-птица сидит у него на груди, вертит головкой в разные стороны, видно, приняла человека за обломок скалы.

Схватил птицу Алдар-Косе, быстро связал ей крылья. — Вот хорошо, — говорит, — ты еще, байгуз-птица, крепко мне пригодишься! — А у самого под малахаем уже сто мыслей, сто разных затей.

Посадив птицу на правое плечо, стал Алдар-Косе спускаться с кручи. Вот сходит он в долину, озирается вокруг: зеленые склоны, могучие ели, цветущие жайляу, прозрачный родник. А у родника стоит новая юрта, белая юрта, белее яйца, и над ней вьется дымок. Хорошо!.. Залюбовался Алдар.

«Друга это жилище или врага? Люди здесь обитают или страшные дяду? Зайти или пройти мимо? Не следует медлить и не нужно спешить», — думал он.

Осторожно подкрался, заглянул в дверную щелку, видит: на богатом ковре сидят двое — мужчина и женщина, пьют пенный кумыс, лакомятся душистой колбасой, шепотом ведут о чем-то беседу.

«Э, да здесь, гляжу, пир идет! А где пир, там и гости. Войду!» — сказал про себя Алдар-Косе.

Прислушался. Мужчина говорит тихонько, наклоняясь к уху женщины:

— Вот-вот явится твой муж, нам нужно торопиться. Спрячь меня в сундук и запри на ключ. Мужа встретить поласковее, чтобы он не почувал дурного. Накорми его сытно, напои кумысом, постели постель помягче. А как он захрапит, открой сундук, я мигом прикончу старого скрягу. Богатство возьмем себе. Заживем по-байски!

— Апчхи! — чихнул Алдар-Косе.

Заговорщики в страхе вскочили с места и заметались по юрте. В мгновение мужчина забрался в сундук, а хозяйка заперла его там и спрятала ключ под косою.

«Все понятно», — сказал себе Алдар и шагнул через порог.

Хозяйка глядела на него исподлобья с недоумением и злобой. А Алдар-Косе:

— Здравствуй, келин! Окажи милость, позволь усталому путнику отдохнуть у твоего очага.

— Шайтан тебя принес, непрощеный гость! Как ты меня напугал!

А Алдакен уже примостился на почетном месте, скрестив ноги, и улыбается во весь рот.

— Чему улыбаешься? — спрашивает женщина. А сама думает: «У этого прохвоста что-то есть на уме...»

— Я улыбаюсь вот этой сабе с кумысом да вот тому блюду с колбасой, — умильно говорит Алдар.

— Ну так ешь и пей! Только поскорей проваливай!

Когда говорят «ешь и пей», Алдар отлично слышит, когда говорят «проваливай», — он глухой. Подсел Алдар к черной сабе и к деревянному блюду, напился, наелся, сколько вместила утроба, и растянулся тут же на узорном ковре.

Видя, что странник не торопится в дорогу, женщина достала золотой и говорит:

— Вот тебе червонец, бродяга. Возьми и уходи вон! Алдар-Косе, получив деньги, стал благодарить и кланяться, целый час, а может, больше кланялся и благодарил, а потом сказал:

— Прощай, хозяйка, ухожу, совсем ухожу, навсегда ухожу... Вот только покормлю в дальнюю дорогу свою волшебную птичку.

И пускает он на ковер птицу поклевать крошки пищи. Байгуз клюет, время течет, хозяйка злится, Алдакен усмеяется.

Вдруг подле юрты заржал конь. Дверь распахнулась. Входит бай, владелец юрты, в дорогих одеждах. Останавливается в изумлении.

— Кто этот чужой человек, жена? Что за птица у него? Отвечай!

Не успела женщина и рта раскрыть, как Алдар-Косе уже ответил за нее:

— Почтеннейший бай, я странствующий баксы-колдун и лекарь. А птица моя — это волшебная птица! Она знает все тайны, предсказывает будущее, исцеляет недуги.

Бай подозрительно оглядел незнакомца и, усевшись у очага, где только что нежился Алдакен, стал говорить:

— Кто бы ты ни был, пришелец, — баксы ли, проходимец ли, — выслушай, что скажу. В нашем краю нет человека богаче меня. Все четыре вида скота я имею: лошадям, коровам, верблюдам и овцам счета нет. Только все это мне не в радость. Дом с детьми — базар, дом без детей — мазар. Нет у меня сына. Ой, горе! Сорок жен брал, у сорока баксы побывал, сорок наров отогнал мулле — не дает аллах дитя. Что делать? Старость близка. Кому достанется мое богатство? Если ты вправду баксы, не поможешь ли моей беде? Хорошую плату дам.

Алдар поднял птицу к лицу и, сжимая ее рукой, спросил:

— Волшебная птица, скажи, можно ли помочь горю этого достойного человека?

Птица запищала.

— Можно! — вскричал Алдар. — Можно, дорогой бай! Волшебная птица говорит — «можно!»

И начинается ворожба. По юрте, точно вихрь, носится Алдакен, выкрикивает непонятные слова, разбрасывает вещи; держа птицу над головой, то и дело дергает ее за хвост. Птица пищит, Алдар кричит:

— Истину говоришь ты, волшебная птица! Истину говоришь!

Бай, вытаращив глаза, смотрел на все это и дивился. «Таких баксы никогда не видел. Счастье, это случай привел его в мое жилище».

А Алдар-Косе кружился по юрте все быстрее и быстрее, в движении незаметно срезал ключ с косы хозяйки и также незаметно отпер желтый сундук. Потом остановился, вытянувшись, среди юрты и страшным голосом произнес:

— Э, бай мой, дело плохо!

Бай побледнел, жена задрожала. А Алдар:

— В желтом ящике лежит черная беда на шелковом одеяле. Злой дядя поселился, бай, под твоим кровом. Из-за него-то и нет у тебя детей. Нужно его выселить!

Бай трясется, а все же думает про себя:

«А не жулик ли этот баксы? Не дурачит ли он меня без совести, толкуя про дядю? Посмотрим, что будет дальше, однако».

А вслух:

— Выселяй, светик, выселяй поскорей!

Алдар-Косе знает, что ему делать! Схватил ковш, зачерпнул из казана над очагом кипятку и, приподняв крышку сундука, плеснул туда разок и другой. Раздался дикий вопль, крышка сундука слетела с петель, и одним прыжком, что был как десять прыжков, ошпаренный жигит вымахнул из юрты, вышибив дверь с порогом.

Бай лежит без дыхания. Молодка забилась под ковер. Алдакен, держась за бока, раскачивается от смеха. Но вот опомнился бай и кинулся обнимать Алдара:

— Тысячу раз спасибо тебе, душа моя! Выгнал из дома беду! Не будь тебя, погубил бы меня проклятый дядя. Теперь окрепли надежды на бога. Награжу тебя по заслуге. Есть у меня в табуне один конь, не конь — медведь. Бери его!

Алдар и ушам не поверил, а бай, помолчав, продолжал:

— Чтобы черная беда не вернулась в мой дом, — как знать, дружок! — продай мне свою волшебную птицу. Большой выкуп получишь, назначь цену!

Тут Алдар замахал руками:

— Что ты, что ты, бай, и не помышляй об этом! Без

волшебной птицы у меня жизнь будет темней непроглядной ночи. Не проси, бай, не проси!

Бай не отстаёт, Алдар не сдаётся! До ночи шла тяжба, наконец Алдар уступил:

— Ладно, бай, так и быть — оставляю тебе волшебную птицу! Без обмана говорю: за сорок коней её купил. Хозяин птицы до сих пор по ней плачет. И я буду так горевать. Дашь пятьдесят коней — птица твоя!

Бай остолбенел.

— Это слишком много. Лошадь ведь не тушкан.

— Не хочешь — не надо. Волшебная птица тоже не воробей!

Видит бай: некуда деваться.

— Даю сорок, — говорит.

— Мало сорок. Давай пятьдесят.

— Сорок!

— Пятьдесят!

— Сорок!

— Пятьдесят!

Двое хитрых сшибутся, скоро ли договорятся? Целый месяц, а то и год стоял шум в юрте бая. Сходились и расходились, торговались, рядились, били по рукам. Не устоял бай. Вытер пот со лба и сказал:

— Бери пятьдесят! За мной волшебная птица!

От радости или от горя, вправду или для виду, заголосил Алдакен на всю юрту и, прижимая птицу к груди, стал с ней прощаться:

— Прощай, мой друг, прощай, волшебная птица! Как буду жить без тебя на свете? Где найду приют одинокой голове?

Три дня, и ещё три дня, и всю неделю прощался Алдар-Косе с птицей, — жил в довольстве, пил кумыс, ел казы, сладко спал на мягкой постели, пока не сказало ему сердце: «Беспредельны земные дороги, а жизнь человеческая коротка. Не теряй времени, Алдакен!»

Тогда сел он на медведь-коня, затянул песню и погнал шестом перед собой косяк байских скакунов, не гадая о том, что ждёт его впереди, не печалась о том, что оставил за спиною.

БАЙ-МУЗЫКАНТ И АЛДАР-КОСЕ



В

одни времена с Алдаром-Косе жил бай. Был он глуп, как бараний курдюк, а мнил себя великим музыкантом. Когда он, надув щеки и выпучив глаза, высвистывал что-то на сыбызге, люди убегали в степь, а собаки поднимали такой вой, точно чуяли поблизости волчью стаю.

Но бай был доволен. Ему казалось, что никто в мире не сыграет лучше его.

Однажды этот бай призвал к себе Алдара-Косе и говорит:

— Алдар-Косе, есть пословица: «Спрашивай не того, кто долго жил, а того, кто много видел». Ты исколесил всю степь, в разных странах побывал, всех людей знаешь. Так послушай мою игру да скажи, есть ли где другой такой музыкант, как я?

Пока бай говорил, Алдар-Косе оглядел юрту и едва мог скрыть удивление — никогда еще он не видел столь богатого убранства: повсюду бархат, шелк, ковры, на стенах драгоценная сбруя, украшенная золотом и серебром.

«Не уйду отсюда с пустыми руками», — думает Алдар-Косе, низко кланяясь хозяину.

Тут бай приложил сыбызгу к губам и стал изо всех сил дуть в ее отверстие. Из дудки вырвался пронзительный писк, и тотчас люди, что были в ауле, опрометью бросились в степь, а все собаки дико завывали.

Алдакен же не моргнув глазом стоял с видом восхищенного посреди юрты и только прищелкивал языком.

— Ну, каково? — спросил самодовольно бай.

— Почтеннейший бай, — отвечал Алдар-Косе и даже притворно вытер слезу полкой халата, — слушая вашу необыкновенную игру, я забыл, что нахожусь на земле, мне показалось, что я слышу, как поют райские гурии. Вы — поистине великий музыкант!

Бай осклабился от похвал и сказал:

— Ты мне нравишься, Алдар-Косе, я, пожалуй, подарю тебе свой старый халат.

— Вы — великий музыкант, — продолжал Алдар-Ко-

се,— но не прогневайтесь, господин, на мои слова: я встречал человека, который играл на сыбызге лучше, чем вы.

Бай насупил брови и метнул на гостя сердитый взгляд.

— В чем же состояло искусство того человека, о котором ты говоришь?

— Тот человек,— сказал простодушно Алдар,— настолько овладел своим инструментом, что мог три часа подряд играть на нем с закрытыми глазами.

Бай расхохотался:

— Только и всего? Да я хоть пять часов буду играть, не глядя на пальцы. Не веришь? Тогда завяжи мне платком глаза.

Алдакен того и ждал. И вот бай с завязанными глазами старательней прежнего стал дуть в сыбызгу. Еще дальше в степь убежали люди, еще отчаяннее завыли псы, а Алдар-Косе той порой принимается за дело. Ступая на цыпочках, он вынес из юрты все добро, нагрузил его на байского нара и преспокойно тронулся в путь.

До самого вечера свистел, надрываясь, бай и наконец совсем обессилел.

— Ну, что скажешь? — спросил он. Но ответа не было. Бай сорвал с глаз повязку и завопил не своим голосом: юрта пуста — ни добра, ни Алдара.

На крик прибежали из степи люди, хихикая и зажимая рты, снарядили погоню, да куда там: степь широка, нар силен, а Алдакен умен. И не всякий, кто гонится, хочет догнать.

ОБМАНУТЫЙ ТОЛСТЯК



Какой-то толстяк направился в гости к родичу. На голове он нес казан с просом — подарок хозяину. В ожидании веселья и угощения он был в отличном настроении и задира шуточками всех прохожих.

Вдруг навстречу на сивом коне трусит Алдар-Косе, размахивает камчой, должно быть, торопится куда-то.

— Эй, Алдар-Косе! — кричит ему толстяк. — Куда спешишь? погоди немного. Говорят, тебе случалось обманываться.

вать самого шайтана. А вот меня, дружок, так нипочем не обманешь!

Алдар-Косе, погоняя коня, отвечал с тревогой:

— Плохое ты выбрал время для шуток, добрый человек. Конец света наступает. Смотри-ка, все небо в пламени, того и жди, что обвалится!

Толстяк в страхе глянул на небо, казан упал с головы, и просо рассыпалось по дороге.

— Ойбай, что же я наделал! — завопил толстяк.

А Алдар-Косе, придерживав коня, смеется:

— Трудно обмануть умного, а глупец сам себя обманет.

КАК АЛДАР-КОСЕ БАТРАКОВ УГОЩАЛ



лучилось однажды Алдару-Косе наняться к баю в работники.

— Как живется? — спрашивает он у других байских батраков, своих товарищей.

— Плохо живется, — отвечают те, — совсем забыли запах мяса.

— Не унывайте, накормлю вас мясом за счет хозяина. Батраки только головами покачали:

— Не обращай с просьбой в юрту, где не бывает гостей, — так говорит народ, Алдакен.

— А я и не собираюсь просить что-нибудь у бая. Сам даст...

— Что ты такое задумал, отчаянная голова?

— Не подует ветер — не пошевелинется тростник, — уклончиво ответил Алдар-Косе.

В тот же день — неизвестно, как и почему, — лучший баран из байской отары свалился в яму и вывихнул ногу.

Бай схватился за виски.

— Ой, Алдар-Косе, пропадет баран. Что делать?

— Прирежь его живее! — говорит батрак.

— Так ведь жалко: одним бараном у меня меньше будет, — плачет бай.

— А если жалко резать, пусть себе подышает, — преспокойно говорит Алдар-Косе.

Делать нечего, зарезал бай барана.

Алдар-Косе радуется:

«Хорош баран! Отлично закусим с товарищами».

А бай облупил с барана шкуру и говорит:

— Алдар-Косе, снеси баранью тушу на базар, продай ее там подороже.

Алдар-Косе думает:

«Не будет, бай, по-твоему! Прольется на тебя из посуды то, что ты в нее налил».

Взвалил он тушу на спину и побрел на базар. Ходит туда-сюда среди толпы и покрикивает:

— Эй, люди добрые! Продаю за червонец дохлого барана. Покупайте дохлого барана! Кому нужен дохлый баран?

Смеются люди:

— Ну нет, Алдар-Косе, на этот раз никого ты не проведешь. Не нужен нам твоё дохлый баран. Тащи его туда, откуда принес.

Алдару-Косе по душе такие слова. Вернулся он к баю, скинул на траву барана и, вытирая рукавом пот, говорит:

— Придется, бай, нам самим съесть мясо. Никто не покупает барана. Напрасно я силы тратил. Не нужен, говорят, никому.

Бай не поверил работнику.

— Как так — баран не нужен? Почему не нужен? Такой хороший баран! Такой жирный баран! Врешь ты все, Алдар-Косе. Завтра вместе пойдем продавать мясо.

Ночь миновала, и рано утром явились бай и Алдар-Косе с бараньей тушей на базар.

Бай кричит:

— Эй, люди добрые! Покупайте барана! Продаю барана! Кому нужен баран?

А Алдар-Косе подтягивает:

— Покупайте вчерашнего барана. Это тот самый баран! Берите за червонец вчерашнего барана!

Тут уж народ не стерпел:

— Проваливайте прочь, бездельники! И гроша вам не дадим за падаль. Ешьте сами свою дохлятину!

Пришлось троговцам убираться с базара.

— Что будем делать дальше? — спрашивает Алдар. — Съедем мясо или выбросим его в овраг волкам?

— Дай подумать, Алдакен, дай подумать, — сокрушенно отвечает бай. И что же он придумал?

Созвал бай к своей юрте всех батраков и держит речь: — Батраки, ходят глупые толки, что я злой человек, скупой человек, жадный человек. Пусть аллах накажет болтунов за клевету. Сегодня вы узнаете, каков ваш хозяин. Хочу вас угостить на славу. Вари, Алдар-Косе, барана! Только уговор такой: твердое в казане — мое, жидкое — ваше.

Переглянулись батраки, да ничего не сказали. Ладно и так: коль нет надежды на мясо, и мясной отвар — неплохая еда.

А Алдар-Косе уже хлопочет в стороне: горит костер, кипит казан, варится баранья туша. И так долго варил Алдар-Косе мясо, что бай забеспокоился.

— Скоро ли будет обед, Алдар-Косе?

— Скоро, скоро, потерпи, бай!

Когда же мясо так разварилось, что все отвалилось от костей, Алдар-Косе спрашивает у хозяина:

— Повтори, бай, что твое в казане — твердое или жидкое?

— Твердое! Твердое! — поспешил ответить бай, рассчитывая хитростью получить все мясо.

— Грызи же твое твердое, пока зубы не переломаешь! — говорит Алдар-Косе и бросает баю, как собаке, голые кости. — А нам пусть достается жидкое.

Уселись батраки вокруг казана и принялись за еду.

Бай посинел от злости, а работники посмеиваются. Навшись досыта, вытерли они усы и сказали разом:

— Спасибо за угощение, Алдакен!

ХАН И СТРАННИК



ел издалека нищий. Шел он жаркою безлюдною степью и дошел до города, где жил хан. А когда вошел в город, то пошел прямо к его дворцу. В больших просторных коридорах дворца было прохладно и чисто.

Нищий расстелил свои лохмотья на полу, развязал дорожную сумку и сел поесть и отдохнуть.

Тут же при дворце была и ханская стража. Удивились стражники такой смелости, не знали, что им делать, а потом, опомнившись, стали гнать нищего из дворца. Нищий не уходил.

— Не гоните,— упрашивал он стражу.— Отдохну и уйду.

На шум вышел сам хан.

— Ты что здесь делаешь? — спросил он нищего.

— А вот, хан, хочу пообедать,— отвечает смелый нищий.— Пообедаю да и сосну часика два, а потом пойду дальше.

— Дерзкий нищий,— крикнул грозно на него хан,— разве ты не видишь, что это дворец, а не гостиный двор?!

— Дворец? — спросил спокойно странник.— Но скажи мне, великий хан, кто жил в нем прежде тебя?

— Мой отец,— ответил хан.

— А прежде твоего отца?

— Мой дед.

— А прежде деда?

— Прадед.

— А после тебя кто будет в нем жить?

— Мой сын.

— А после твоего сына?

— Мои внуки и правнуки, если аллаху угодно будет продолжить мой род.

— Вот видишь,— сказал странник хану,— как часто меняются в этом дворце гости, точь-в-точь как в гостином дворе.

Призадумался грозный хан, велел накормить старика и предложил ему богатый подарок. Странник поел, отдохнул, а подарка не взял.

— Я странник,— сказал он,— и богатый подарок мне не нужен.

Передали это хану. И еще раз задумался хан над словами нищего странника.

СПРАВЕДЛИВЫЙ ПОСРЕДНИК



екто, идя по дороге, встретил пасущихся верблюдов. И чтоб очистить себе дорогу, он бросил палку, на которую оперался, в животных, но так неосторожно, что вышиб одному верблюду глаз.

В стороне наблюдал за ним хозяин. И когда это произошло, то он стал просить с него кун¹. Чтоб избавиться от него, виновный пустился бежать. И когда он добежал до обрыва, то бросился с него и упал прямо на дряхлого старика, который спал под этим обрывом. Своей тяжестью он раздавил этого старика. Сын старика, спавший рядом с ним, проснулся, увидел виновного и стал требовать кун.

Виновник побежал дальше и добежал до берега одной реки. Здесь был перевозчик. Он стал его просить переправить его на другой берег. Лодочник потребовал деньги. У виновного их не оказалось. И он пообещал лодочнику один черак² мяса. Лодочник перевез его, но мяса не было, тогда лодочник потребовал собственного мяса виновного из его икр. Долго он держал за горло виновного, подошли и другие истцы. Стали спорить и судить. Но вот на шум их подошел почтенный и сметливый человек. Спорящие попросили рассудить их, обещая повиноваться его решению.

Выслушал их жалобы старик, а потом обратился к хозяину верблюда со следующими словами:

— О юноша! Я поставлю вот на такое расстояние одного верблюда и дам тебе палку. Ты должен прицелиться в глаз животного и бросить эту палку, и если тебе удастся вышибить глаз, то я присужу тебе кун не только за увечье, но даже за целого верблюда. Но если ты не вышибишь глаза, то будешь тут же сам умерщвлен.

Задумался тогда владелец верблюда. Он не был уверен, что попадет в глаз животного, отказался от своего иска и ушел.

¹ Кун — выкуп, уплачиваемый убийцей или его родичами родным убитого с целью освобождения от кровной мести.

² Черак — мера веса, 5—6 фунтов.

Тогда бий обратился к другому истцу — сыну умершего старика.

— О мой жигит! Я уложу этого человека под обрыв, а ты должен прыгнуть на него. Если он будет раздавлен тяжестью твоего тела, то я плачу за него кун. Но если он останется жив, то ты отвечаешь своей жизнью. Согласен ли ты на это?

«Хорошо, если он умрет под моею тяжестью, а вдруг останется жив, тогда ведь мне самому будет очень плохо», — подумал второй истец, отказался от своей жалобы и скрылся.

Остался лодочник. Бий предложил ему вырезать с икр должника один черак мяса, но так, чтобы непременно в обрез черак. Если же он вырежет на один золотник больше или на один золотник меньше, то он, лодочник, будет отвечать своею головою.

Сообразив, как тяжелы условия бия, лодочник от своего иска отказался и пошел своею дорогой.

ГЛУПЕЦ И КАЗИЙ



Как-то раз глупец пошел на базар, чтоб купить себе для белья маты¹. И когда он сидел в лавке, то вспомнил наказ жены: купить ей какой-нибудь подарок. И вдруг увидел торговца, который продавал арбуз. Глупец, до этого не выдавший арбузов, был очень удивлен. Он спросил продавца: что это он продает. Тот смекнул, что перед ним не совсем умный человек, и ответил, что это у него тулпар² и что он скоро родит жеребенка. Продавец посоветовал глупцу купить арбуз. Глупец заинтересовался тулпаром, заплатил деньги и, радостный, пошел домой. Арбуз он положил в полу халата. Торговец предупредил покупателя, чтобы он был осторожен с тулпаром и не клал его на землю — может убежать.

¹ Мата — бумажная материя низшего качества.

² Тулпар — чудесный крылатый конь, скакун.

Дорога, по которой шел глупец, поднималась круто в гору. Долго он шел, наконец дошел до вершины, пола халата вырвалась у него из рук, и арбуз вылетел. Он покатился вниз, ударился о куст и разбился вдребезги. Под кустом тем сидели два зайца, которые от неожиданности, как бешеные, выскочили и бросились с быстротою стрел в разные стороны. Глупец, убитый горем, смотрел сверху и сокрушался, что лишился тулпара и будущих его жеребят. Опечаленный, вернулся он домой и обо всем рассказал жене.

Жена выслушала и сказала мужу, что, должно быть, аллах обделил их счастьем, иначе тулпар не разбился бы, и они могли бы ездить на его жеребятах.

Глупец, услышав это, рассердился на жену и стал ее бить за то, что она высказала желание поехать на жеребятах, у которых спина еще не окрепла, и можно сломать им хребты.

Глупец настолько поверил в тулпара, что отправился разыскивать его жеребят.

Пришел он в город и спросил первого встречного: не видал ли он двух жеребят тулпара. Неизвестный человек шел от судьи и, видимо, был недоволен несправедливым решением его. Он ответил глупцу с усмешкой, что тулпар его теперь занимает должность казия в городе и имеет на голове целую охапку салля и что он может смело идти к нему, накинуть на голову его узду и вывести из дому.

Глупец последовал совету незнакомца, пришел к судье, сорвал с его головы салля и, накинув уздечку, поволок его из комнаты. Один из присутствующих, сметливый человек, догадался, что, вероятно, глупец этот кем-нибудь одурочен. Он, наверное, думает, что казий — купленный им тулпар, поэтому накинул на него уздечку. Сметливый человек взял от казия ту сумму, за которую был приобретен арбуз, и отдал глупцу.



или три брата — Шулай, Аман и Мамык. В народе они пользовались дурной славой: жили разбоем. Как-то раз захотелось им ограбить Кызука. Был такой человек. Никто не знал: богат он был или беден. Ходили слухи, что у него мно-

го богатства в сундуках, но никто этого богатства не видел: Кызук никого к себе не впускал, не любил гостей. Одни говорили, что он скуп и потому разбогател, другие рассказывали про его силу и храбрость, а третьи — про его бессилие и трусость. Видимо, во всех разговорах была доля правды. Слышали все это и братья, и потому не решались нападать на Кызука, пока сами не узнают, что это за человек. Они пригласили Кызука к себе в гости.

Стал собираться в гости Кызук, а сам побаивается: неладные, думает, они люди. Не ехать нельзя, да и ехать страшно: не ехать — братья станут сердиться, а поехать... все может быть.

Трусливый, но хитрый был Кызук, а силы в нем несколько не было. Думал, думал и поехал в гости. Приехал. Братья встретили его и говорят:

— Напоим тебя и накормим, но сначала бери ведра и за водой иди. Сейчас самовар поставим, в котле мясо сварим.

Говорят так братья, а сами думают: «Пойдет Кызук — значит, трус он, и мы с ним справимся; не пойдет — надо придумать что-нибудь еще, чтобы видно было Кызука насквозь».

А Кызук говорит:

— За водой я пойду, но без ведер, — с лопатой.

Засмеялся Шулай, а Мамык подал гостю лопату. Идет к колодезю Кызук. Братья смотрят ему вслед да пересмеиваются:

— Вот нашелся чудака — воду лопатой за версту хочет носить.

Колодец в лощине был. Зашел Кызук в лощину и стал колодец окапывать. Ждут-пождут братья Кызука, а его все нет.

— Ступай, Мамык,— говорит Шулай,— посмотри, куда делся Кызук, не свалился ли он в колодец да не утонул ли?

Пошел Мамык и видит — Кызук у колодца стоит да землю роет лопатой.

— Что, Кызук, ты делаешь? — спросил Мамык.

— Колодец далеко от вас,— сказал Кызук,— вот я хочу кругом обрыть его да в кибитку перетащить,— все будет лучше, чем ходить за целую версту.

Вернулся Мамык и рассказал братьям, что видел.

— Вот чудак,— сказал старший брат,— он оставит нас совсем без воды, если притащит в кибитку колодец. Воду-то мы выпьем, а колодца не будет. Иди ты, Аман, и принеси два ведра воды — на самовар и в котел.

Смеется над ними Кызук:

— И народ же вы! Не хотели в доме колодец иметь, а зимой было бы очень хорошо: не ходить в лощину за целую версту: одумаетесь, пожалуй, и самим захочется перенести, да где вам поднять, а я уж не пойду, не понесу.

— Сходи теперь за кизяком¹! — сказал ему Шулай.

Тут же пошел Кызук. Время идет, а его все нет.

— Куда он делся? — говорит Мамык.— Я уж раз восемь ходил бы, вьюков десять набрал бы. Пойду посмотрю.

Идет Мамык и видит — Кызук кизяк собирает и в кучу складывает. Большая куча, словно холм какой.

— Куда это ты набрал столько кизяку? — спросил его Мамык.

— А хочу, Мамык, удружить тебе — побольше кизяку собрать — на всю зиму. Принести-то недолго, а собирать вот долго, помог бы ты мне.

Удивился Мамык и думает: «Эка сила — на всю зиму враз кизяка хочет принести». Взял он, сколько нужно было на топливо, и позвал с собой Кызука.

Смеется Кызук:

— Чудаки вы! На всю зиму зараз хотел вам кизяку принести, так вот — не надо, а придет зима, идти в степь не захочется.

— Выбери, Кызук, теперь в стаде барана и тащи сюда — зарежем,— сказал Аман.

¹ Кизяк — верблюжий, коровий и овечий помет, которым в степи кочевники топили.

— Иди-ка сам,— ответил на это ему Кызук, я и без того уж находился.

Нечего делать — пошел Аман и выбрал лучшего барана. Поставили самовар, сварили мясо, наелись и напились.

— Завтра ко мне приходите,— говорит Кызук,— колодец мой у самой юрты стоит, кизяку я запас на целую зиму, найдется и мясо.

Сказал так и поехал домой. А когда приехал, то сказал жене своей:

— Ступай, Ульшеу, к реке и набери там побольше камыша.

Пошла жена к реке, набрала вязанку камыша и принесла. Расстелил Кызук камыш по полу в юрте и накрыл его коврами. Приехали гости: Шулай, Аман и Мамык. Сели они в юрте, а под ними хрустит.

— Что это,— спросили братья,— хрустит-то под нами?

— А это кости убитых мною героев,— сказал Кызук.— Их много лежит под коврами. Но вы не бойтесь: вы мне не враги, да и не герои. Сидите и ждите обед.

Затем Кызук обратился к жене:

— Свари-ка нам, Ульшеу, побольше мяса да подай кумысу.

— Надо барана резать,— сказала жена.

— Вот, глупая баба, барана вздумала резать! — сказал ей на это Кызук.— Да баран-то денег стоит, а деньги даром не даются. Одного из гостей, что поменьше, зарежем, мясо сварим, все сыты и будем.

Сказал Кызук и сердито покосился на жену.

Вскочили братья и говорят:

— Прощай, Кызук, нам надо домой идти: как-нибудь еще зайдем.

— Что же? — сказал Кызук.— Милости просим. Заезжайте. Гостям я всегда рад. «Кто гостю не рад, тому дорога в ад»,— говорится в народе.

Вышли братья от Кызука, сели на коней, едут, разговаривают. «Экий сквалыга Кызук! И барана-то жаль ему. Хотел брата нашего зарезать и им угостить. Не поедем больше в гости, ничем не заманит нас». Едут и разговаривают так, а навстречу им мелкий воришка Аяк, на пегой лошаденке трусит.

— Здорово, братья! Откуда?

— В гости к Кызуку ездили, да едва живыми выбрались: совсем было в котле Мамыка сварил.

Смеется Аяк:

— Нашли кого бояться. Это самый трусливый, самый бессильный в орде человек. Я его и то в страхе держу. Вернемся, и вы увидите.

Подумали братья и решили вернуться.

Глядит Кызук и не верит глазам: опять едут братья к нему, а между ними Аяк. Испугался Кызук: погубит его Аяк,— стоит, дрожит, жене слова сказать не может.

Подъехали братья, слезли с коней, идут за Аяком.

— Здорово, Кызук!

— Здорово, Аяк! Видно, за старый долг в уплату ко мне братьев привел? — сказал Кызук.— Да мне их не надо, я с тебя денег не возьму, братья— гости мои.

— Так вот оно что,— сказал Шулай.— Надул нас Аяк, хитрит, собака.

Кинулись братья к Аяку, стали бить его, а Кызук стоит да приговаривает:

— Следует проучить его, чтобы людьми хорошими долгов не платил.

С тех пор Кызук стал жить да поживать и никого не бояться.

КАК ЖИРЕНШЕ ЖЕНИЛ СВОЕГО СЫНА



днажды девушки отправились собирать дрова. Собрали они по вязанке. Вдруг пошел дождь. Все побросали свои дрова и убежали в юрты; только одна осталась в поле, прикрыла подолом свою вязанку и сидит. В это время проезжал известный острослов Жиренше-Шешен и спросил девушку, почему она, как другие, не убежала, а сидит под дождем, мокнет.

Девушка ответила:

— Хотя меня и замочит дождь, зато я приду с сухими дровами, зажгу огонь, скоро высохну и обогреюсь.

Жиренше не спросил ее имени и уехал.

Прошло немного времени, и Жиренше решил отыскать умную девушку, чтобы женить на ней своего сына. Взял он сына, поехал с ним по аулам и в каждом ауле бил его. Когда Жиренше спрашивали, за что он бьет сына, он отвечал: «За то его бью, что он все делает, как ему скажешь». Все удивлялись глупости отца, одна только девушка сказала:

— И бей его: его нужно бить, пока он не станет поступать по своему уму-разуму.

Тогда Жиренше узнал, что это та самая девушка, которую он ищет. Взял он ее замуж за своего сына.

ЖАДНЫЙ БОГАЧ



Давлет слыл в ауле за самого богатого аксакала. И жил он не в юрте, а поставил русскую избу и жил с женами в светлых горенках.

Баранов у Давлета не счесть, мяса не переест. Кобылиц — косяки, кумыса — бурдюки.

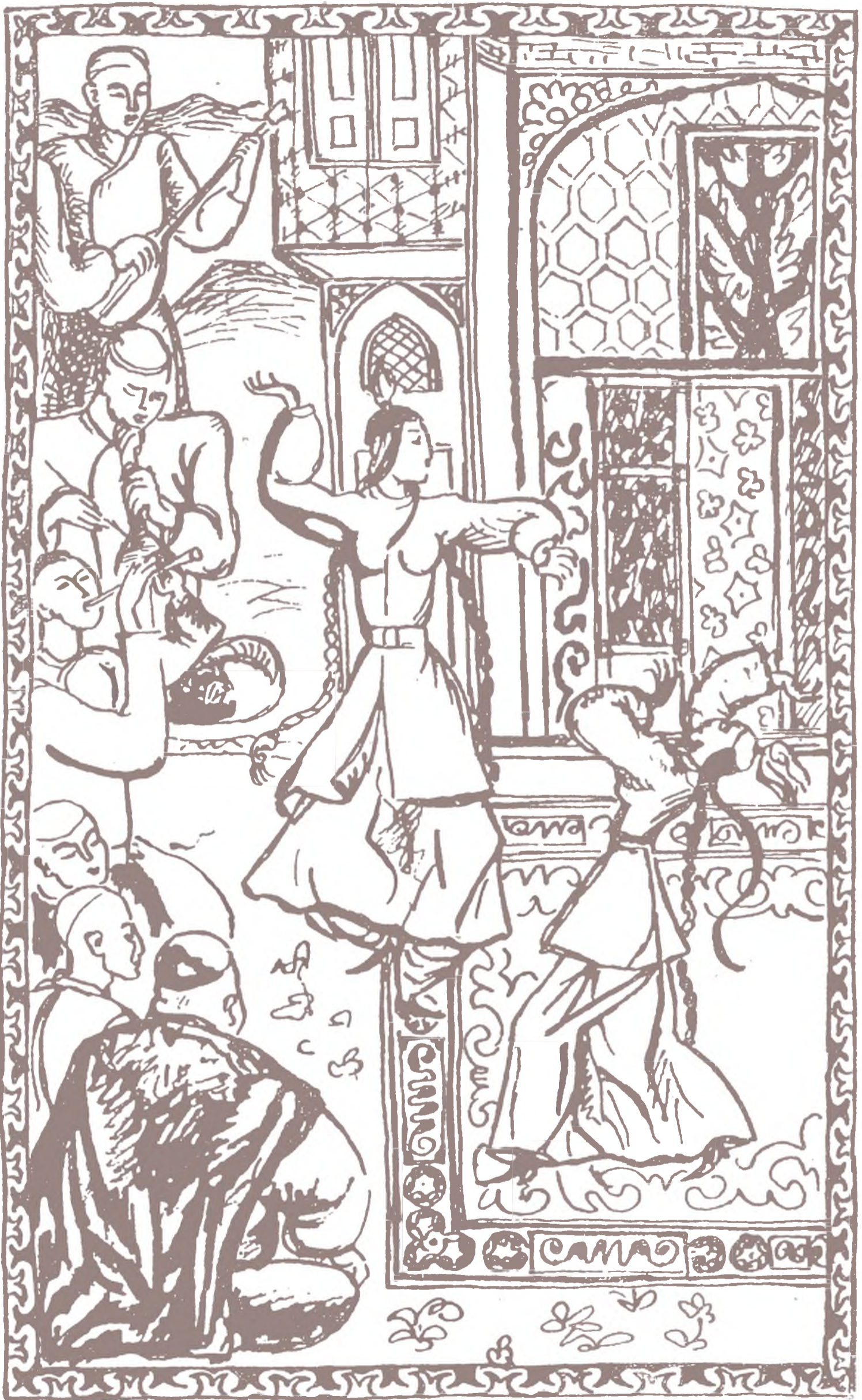
Живет Давлет припеваючи.

Но был он негостеприимен и жаден до крайности. Гостей потчевал одним чаем и то примечал, кто сколько выпьет. Родных принимал и тем жаловался, что у него каждый день народ, со стола посуда не сходит. От некоторых родных и знакомых Давлет просто прятался, считая, что их угощать не за что.

Случилось раз его племяннику запоздать в дороге, подъехал он в сумерках к дому Давлета. Остановил лошадь у ворот, а сам подошел к окошку. Старшая жена кормила мужа ужином. Хозяин сидел среди избы на полу. Перед ним лежали баранья голова, колесо конской колбасы и стопа лепешек.

Племянник постучал кнутвищем в окно. Дядя приказал жене припрятать все со стола, сам пошел встречать гостя.





Когда племянник вошел в избу, в комнате и не пахло ужином. Тогда он решил посмеяться над жадным дядей. Сели чай пить, он и говорит:

— Я в пути задремал и видел сон, будто ползет через дорогу змея толщиной, как ваша колбаса. Я соскочил с лошади, схватил камень с баранью голову, что давеча лежала перед вами, и как хвачу этим камнем змею, она и расплющилась в тоненькую лепешку, точь-в-точь такую, какую вы ели перед моим приездом.

Дядя понял, что племянник через окно видел его за ужином. Это его взбесило, но он и виду не подал, а приказал старшей жене принести к чаю баранью голову, колбасу и лепешки.

После ужина племянника положили спать в сенях. Ночью он слышит разговор. Дядя уговаривает бедняка-соседа зарезать лошадь племянника.

— Он сегодня меня обидел,— жаловался дядя,— помоги мне зарезать его кобылу. Я тебе уступлю за труды ноги, голову и требуху. Ребятишки все съедят.

Сосед после некоторого раздумья согласился, и они разошлись наточить ножи и приготовить печь.

Племянник не хотел терять единственную в хозяйстве лошадь и решил крепко наказать дядю.

Пока те точили ножи, племянник нашел в углу сеней известь, оставшуюся от осеннего ремонта избы, и ею побелил лучшую лошадь дяди пегой масти, а свою, сивую лошадь, вымазал коровяком. От этого она стала пегой и в темноте походила на дядину.

В полночь дядя с соседом вошли в сарай, повалили лошадь сивой масти и перерезали ей горло.

Утром дядя будит племянника и говорит:

— Ночью приходили воры и зарезали твою лошадь.

— Нет,— ответил племянник,— лошадь резал ты с соседом и не мою, а свою собственную.

— Твоими устами говорит шайтан,— сказал дядя.

Но племянник не стал спорить. Он взял ведро с водой и направился в сарай. Здесь он смыл водой и стер мочалкой с лошади коровяк. Дядя увидел, что лошадь в самом деле не его, а племянника.

С тех пор Давлет перестал принимать у себя гостей.



днажды русский царь позвал в гости бухарского хана и показал ему свою столицу, дворцы, церквей сорок сороков, купецкие хоромы и торговые ряды.

Позавидовал хан русскому житью и решил у себя построить такой же город. Собрал он своих подданных и говорит им:

— Не быть у нас больше аулу. Повелеваю разломать мазанки и юрты и на их месте построить дворцы, мечети и торговые ряды.

И народ, от мала до велика, от бедного до богатого, принялся за ломку и стройку.

Живший здесь вор-разбойник незадолго до ханского указа ушел в другое царство на разбой, а когда через много лет вернулся ночной порой, то вместо аула нашел город с башнями, минаретами и торговыми рядами.

Вор подумал, что жители успели за этот срок разбогатеть, и решил поживиться. Он подкрался к крайнему дому, где жил бедняк, но войти не смог: дверь оказалась на засове. Тогда он решил пробраться в дом через крышу. Поднялся вор на нее и ступил. Крыша не выдержала тяжести и провалилась. Вместе с ней провалился и вор и упал прямо на ноги хозяину.

Бедняк проснулся и от испуга и боли поднял крик. Вор убежал. Утром бедняк приходит к хану и заявляет ему, что хочет развалить свою хибарку, в которой едва не погиб от вора. Бедняк рассказал, как ночью к нему постучался в дверь вор, а потом он взобрался на крышу, провалился и придавил ему ноги. Хозяин выслушал бедняка и велел поймать вора.

Слуги быстро его изловили и привели ко дворцу.

— Скажи,— спросил вора хан,— правда ли, что ты ночью упал с крыши и чуть не задавил бедняка?

Вор ответил:

— Правда, я его чуть не задавил!

Тогда хан приказал:

— Отрубить ему голову!

Вор не хотел помирать и заплакал:

— Я не виноват, хан! Виноват в этом сам бедняк: за-

чем он так плохо сколотил крышу, что человек мог провалиться.

Хан выслушал вора и говорит:

— Права твоя речь! Отрубить голову бедняку.

Бедняку тоже не хотелось помирать, и он стал оправдываться.

— Крышу делал не я,— сказал он,— а плотник, за что же рубить мне голову?

Хан согласился и говорит:

— Права твоя речь. В этом виноват плотник.

Он отпустил вора и бедняка и приказал поймать плотника. Слуги разыскали его на работе и привели ко дворцу.

Хан его спрашивает:

— Ты сколачивал бедняку крышу?

— Я,— отвечает плотник.

— Ты сколотил так плохо, что ночью вор провалился и чуть не задавил хозяина. Отрубить ему голову! — приказал хан.

Палач уже занес топор над головой плотника, но тот отскочил в сторону.

— Хан, повремени казнить, дай слово вымолвить. За труды не секут людям головы.

— Но ты сделал плохую крышу, и через это мой верноподданный едва не погиб от руки разбойника.

— Я в этом виноват меньше всего,— ответил плотник,— пильщики резали доски очень тонкими, от этого они и переломились. Следует пильщиков наказать, чтобы они не портили чужое добро.

Хан подумал и сказал:

— Ты правду говоришь. Иди с миром.

Плотник ушел, а хан приказал привести к нему пильщиков. Слуги стащили их с козел и приволокли ко дворцу.

— Вы резали доски бедняку? — спрашивает их хан.

— Мы,— отвечают пильщики.

— Из-за вас мой правоверный слуга едва не погиб. Вы резали доски так тонко, что они не выдержали вора. Тот провалился и упал на хозяина. Теперь у него болят ноги.

— Наше дело маленькое,— отвечают пильщики.— Мы пилили доски по указке хозяина. Какие он приказал, такие мы изготовили. Ему было сказано, что эти доски пригодны только на забор, а он из них потолок настлал. Так пусть же за свое неразумие хозяин расплачивается.

Хан подумал и сказал:

— Вашими устами говорит истина. Во всем виноват только бедняк.

Он отпустил пильщиков и приказал слугам казнить бедняка. Ко дворцу привезли лес для виселицы.

Бедняк видит, что ему теперь не сдобровать, и пошел на хитрость. Он подбежал к слугам и начал торопить их с постройкой виселицы. Хан узнал это и говорит:

— Не торопись, бедняк, на тот свет: все равно тебе в раю места нет!

— Хан, хан,— отвечает бедняк,— поэтому я решил занять чужое место.

Хан удивился и спрашивает:

— Как же это ты можешь сделать?

— Я хочу занять место твоего тестя, великого визиря. Умирая, перед моим приходом сюда, он заявил: кто опередит его смерть, тот получит его место в раю. Потому-то я так и тороплю твоих слуг. Пусть они помогут мне занять место визиря в раю.

Услыхал хан это, и взбрела ему мысль опередить бедняка и завладеть местом визиря. Он вскочил в петлю и кричит слугам:

— Затягивайте скорей! Я хочу быть на месте великого визиря.

Слуги не посмели ослушаться и выполнили приказ хана.

Так одной дурной головой на свете стало меньше.

БАТЫР



ил по ту сторону Ика киргиз¹. У него было две жены и два сына. Имелось у него хозяйство — две кобылы, два жеребенка, две коровы и два теленка.

Пришел в степь джут, искот начал падать. Загоняет однажды по осени киргиз коров во двор — одна идет, а другая —

¹ Раньше деления кара-киргизов и киргиз-кайсаков не было. Оба эти народа назывались киргизами.

никак. Рассердился он, зашел во двор сам и, схватив корову за хвост, с такой силой дернул ее к себе, что на корове шкуры как не было. Хозяин тогда решил, что он батыр, и собрался ехать громить богатых аксакалов. Перед отъездом он отказал жеребенка от гнедой кобылы старшему сыну, а от серой — младшему и отправился в степь.

Подъезжает к аулу. У юрт встречают его собаки. Они дружно залаяли, окружили его, но вскоре поджали хвосты и лениво разошлись по юртам. Батыр приходит к мулле и хвастается, что он очень сильный: съедает враз по целому барану и одной рукой сдирает кожу с коровы. С этим он вызывает муллу побороться.

Трусливый мулла отказывается и, чтоб откупиться от батыра, отдает ему кое-какое имущество.

Батыр роздал это имущество бедным и направился в следующий аул. У первой же юрты на него набросилась стая собак, едва не стащила с лошади.

«Тут меня убьют», — подумал батыр, останавливая лошадь у юрты бая.

Навстречу ему вышел хозяин. Батыр сообщил ему, что он съедает по барану и одной рукой сдирает кожу с коровы. С этим он вызывает аксакала побороться. Аксакал принял предложение и кликнул людей своих. Сбежались жигиты, стащили батыра с лошади, выкололи ему глаза и бросили в яму.

Прошло много лет. Сыновья этого батыра выросли и спрашивают у матерей, где их отец. Матери рассказали, что отец их был батыром: враз съедал барана и одной рукой сдирал кожу с коровы. Поехал он бороться с богатыми аксакалами и не вернулся.

Сыновья отправились в степь на поиски отца. Приехали они к тому мулле, что отказался бороться с их отцом, и спросили об отце. Мулла испугался и заявил, что он знать не знает, ведать не ведает о таком батыре.

Сыновья садятся на лошадей и едут дальше. Приезжают к тому самому аксакалу, что выколол их отцу глаза, и спрашивают, не приезжал ли к нему батыр, враз съедавший барана и одной рукой сдиравший шкуру с коровы. Аксакал подумал и ответил, что о таком он слыхом не слыхал и видом не видал. Отец из ямы услышал разговор и кричит детям:

— Врет аксакал, врет. Он мне выколол глаза и спрятал в яму.

Братья поспешили к яме и на дне ее увидели слепого старца. Сердца их наполнились гневом. Они схватили бая и выкололи ему глаза, столкнули в яму, а отца посадили на коня и поскакали в ковыльную степь.

Только на берегу Ика сыновья увидели, какой отец грязный и в струпьях весь. Они раздели его и завели в воду. Батыр окунулся раз, и седину с него как рукой сняло. Окунулся второй раз — глаза прозрели, окунулся в третий — и по жилам заструилась молодецкая кровь.

Батыр вышел из воды и поклялся солнцу перевести в степи всех богатых аксакалов.

МУДРЫЙ ЖИРЕНШЕ И КРАСАВИЦА КАРАШАШ



давние времена жил мудрец по имени Жиренше-Шешен. Ум этого человека был глубок и беспределен, как море, речь текла из его уст, подобно песне соловья. Но, несмотря на все свои достоинства, был Жиренше беден, как никто в степи; лачуга

его была так убога, что когда он ложился, то ноги его торчали за порогом, а в ненастную погоду ветер и дождь свободно проникали в нее сквозь множество щелей.

Как-то раз ехал Жиренше с товарищами по степи. День клонился к вечеру, и всадники торопили коней, чтобы за светло добраться до жилья.

Вдруг путь им пересекла широкая степная река. На том берегу реки был аул, а на этом несколько женщин собирали в мешки кизяк.

Подъехав к ним, всадники учтиво поздоровались и спросили, как переправиться через реку.

Тогда из толпы женщин вышла молодая девушка, которую подруги называли красавицей Карашаш. Было на ней ветхое, залатанное платье, но вся она сияла невиданной красотой: глаза у нее были как звезды, рот как месяц, а стан точно стройная и гибкая лоза.

— Есть два брода, — сказала девушка. — Тот, что на лево, — близок, да далек; тот, что направо, — далек, да

близок.— И она указала на две тропинки, ведущие к бродам.

Один лишь Жиренше понял слова девушки и повернул коня направо.

Через некоторое время он увидел брод. Дно здесь было песчаное, вода мелкая. Он без труда переехал реку и быстро доскакал до аула.

А товарищи его выбрали ближний брод и вскоре раскаялись в этом. Не достигли они и середины реки, как кони их глубоко увязли в тине, и им пришлось спешиться на самом глубоком месте и с поводом в руке брести к берегу. Уже смеркалось, когда, мокрые и озябшие, въехали они в аул.

Жиренше остановил коня у крайней юрты. Это была самая бедная юрта в ауле, и он сразу догадался, что она принадлежит родителям той девушки, которая указала ему брод. Жиренше дождался товарищей, и лишь только всадники сошли с коней, как навстречу им вышла мать Карашаш и попросила их быть гостями ее семьи.

Они поблагодарили добрую женщину и вошли в юрту. Внутри юрта была так же бедна, как и снаружи. Вместо ковров хозяйка постелила гостям сухие шкуры шерстью вверх. Спустя некоторое время в юрту вошла и Карашаш с полным мешком кизяка за плечами.

Пора была весенняя, и перед закатом прошел сильный ливень. Все женщины вернулись из степи с мокрым кизяком, и семьи их в эту ночь легли спать без ужина.

Одна только Карашаш принесла сухой кизяк. Она развела костер, обогрела и обсушила гостей.

— Как ухитрилась ты убереечь кизяк от дождя? — спросили ее приезжие.

И девушка рассказала им, что, когда начался дождь, она легла на мешок с кизяком и заслонила его своим телом. У нее вымокло платье, но платье ведь легко высушить у очага. Она не могла поступить иначе, так как отец ее — пастух, возвращается к ночи голодный и мокрый, и ему худо пришлось бы без огня. Другие женщины во время дождя сами спрятались под мешками, но замочили и одежду и кизяк.

Гости выслушали ответ девушки и подивились ее уму. Между тем им захотелось узнать, какое угощение ждет их за ужином.

Карашаш сказала им так:

— Отец мой бедный, но гостеприимный человек. Когда пригонит он байское стадо, то, если добудет, зарежет для вас одного барана, а не добудет,— так даже две овцы.

Никто, кроме Жиренше, не понял слов девушки, все приняли их за шутку.

Пришел отец Карашаш. Увидев у себя чужих людей, он побежал к баю просить барана на ужин неожиданным гостям.

Бай прогнал его, не дав ничего.

Тогда пастух зарезал свою единственную овцу, которая вскоре должна была принести ягненка, и из ее мяса приготовил вкусное кушанье для приезжих жигитов.

Только тут гости поняли значение слов Карашаш.

Жиренше за ужином сидел напротив Карашаш. Пленившись ее красотой и умом, он тайком приложил руку к сердцу в знак того, что горячо ее полюбил.

Карашаш, не спуская с него глаз, заметила это движение и дотронулась пальцами до своих глаз: она хотела этим сказать, что его чувства не укрылись от ее взора.

Тогда Жиренше погладил себя по волосам, желая спросить, не потребует ли за нее отец в калым столько скота, сколько у него волос на голове.

Карашаш провела рукой по шерсти кожи, лежавшей под ней, намекая, что отец не отдаст ее и за столько голов скота, сколько шерстинок на бараньей коже.

Жиренше, вспомнив о своей бедности, печально опустил голову.

Девушке стало жаль его. Она отвернула уголок кожи и прикоснулась пальцами к ее гладкой стороне. Так дала она понять Жиренше, что отец отдаст ее и даром, если найдется достойный жених.

Пастух все время наблюдал за безмолвным разговором молодых людей. Он понял, что они полюбили друг друга и что Жиренше так же умен, как и его дочка. Поэтому, когда Жиренше решился просить у него Карашаш себе в жены, он с радостью согласился.

Через три дня привез Жиренше молодую жену в родной аул.

Слава о прекрасной и мудрой Карашаш быстро облетела всю степь и наконец достигла дворца хана.

Слушая льстивые речи своих визирей о том, что нет на свете женщины красивее и умнее Карашаш, хан загорелся завистью к бедняку Жиренше и решил отнять у него жену.

Однажды прискакал к лачуге Жиренше ханский гонец и именем хана приказал ему немедленно явиться с женой ко дворцу.

Делать нечего, отправились они в путь.

Как только хан взглянул на Карашаш, он тут же полюбил ее и, решив во что бы то ни стало сделать ее своей женой, повелел Жиренше остаться у него в услужении...

Днем Жиренше служил в ослепительном ханском дворце, а вечером, усталый, возвращался в свою хижину к Карашаш.

И тут, наслаждаясь своей свободой, он склонялся головой на колени любимой жены, говоря:

— Какое счастье сидеть в своей лачуге! Она просторнее ханских палат.

А ноги его в это время торчали за порогом.

Шло время, а хан не переставал думать о том, как бы погубить Жиренше и овладеть Карашаш. Много раз давал он ему опасные и мудреные поручения, но Жиренше всегда быстро и точно исполнял их, и не было повода его казнить.

Случилось так, что хан проезжал со своей свитой по степи. День был ветреный. По степи катилось перекаати-поле. Хан сказал Жиренше:

— Догони перекаати-поле и разузнай у него, куда и откуда оно катится. Смотри, не добьешься от него ответа — не сносить тебе головы.

Жиренше погнался за перекаати-полем, настиг его, пронзил копьем и, постояв над ним некоторое время, вернулся назад.

Хан спросил:

— Ну, что сказало перекаати-поле?

Жиренше ответил:

— О великий хан, перекаати-поле шлет тебе поклон, а сказало оно мне вот что: «Куда и откуда я качусь — ведомо ветру, где останавлиюсь — ведомо оврагу. Это понятно само собой. То ли ты дурак, что задаешь мне такие вопросы, то ли хан дурак, что прислал тебя расспрашивать меня об этом».

Хан понял намек, но ничего не ответил Жиренше и лишь глубже затаил злобу против него.

Другой раз хан приказал Жиренше под страхом смерти явиться к нему так, чтобы было это ни днем, ни ночью,

ни пешком, ни на коне, чтобы не оставался он на улице и не вошел во дворец.

Опечалился сначала Жиренше, но потом посоветовался с Карашаш, и они вместе придумали, как выйти из затруднения.

Жиренше явился к хану на утренней заре, сидя верхом на козе, и остановился под самой перекладиной ворот.

Опять не удалась ханская хитрость. Тогда он изобрел новую.

Когда наступила осень, он потребовал к себе Жиренше и, вручив ему сорок баранов, сказал:

— Я даю тебе этих баранов, и ты должен ходить за ними всю зиму. Но знай: если к весне они не принесут по ягненку, как овцы, я прикажу отрубить тебе голову.

Жиренше побрел домой в глубокой печали, гоня перед собой стадо баранов.

— Что с тобой, муж мой? — спросила его Карашаш. — Отчего ты так печален?

Жиренше рассказал ей о сумасбродном приказании хана.

— Возлюбленный, — воскликнула Карашаш, — стоит ли горевать по пустякам! Зарежь к зиме всех баранов, а по весне — увидишь сам — все обойдется как нельзя лучше.

И Жиренше сделал так, как сказала Карашаш.

Наступила весна.

И вот однажды постучался у дверей хижины Жиренше ханский гонец и объявил, что следом за ним скачет сам хан: хочет он узнать, объягнились ли его бараны.

Опечалился Жиренше, чувствуя, что уж теперь не избегнуть ему смерти.

А Карашаш говорит:

— Не горюй, дорогой. Спрячься в степи и не показывайся до вечера. Я сама приму хана. Все обойдется как нельзя лучше. Иди.

Жиренше послушался жены и ушел в степь, а Карашаш осталась в хижине. Вскоре слышит она конский топот и грозный голос:

— Эй, кто там! Откликайтесь!

Карашаш по голосу сразу узнала хана. Она вышла из хижины и низко поклонилась ему.

— Где же твой муж? Почему он не встречает меня? — сердито спросил хан.

И Карашаш ответила ему почтительно:

— О могущественный хан, смилуйся над моим несчастным мужем: он отлучился из дому, чтобы угодить тебе. Как услышал он, что ты едешь навестить нас, так вошла к нему в сердце скорбь, потому что бедны мы и ничего нет у нас в запасе для угощения знатных гостей. Мой муж поспешил в степь, чтобы подоить свою ручную перепелку и из ее молока приготовить для тебя кумыс. Войди в нашу лачужку, великий хан, муж скоро вернется и угостит тебя на славу.

Хан рассвирепел.

— Ты смеешься надо мной, негодная женщина! — закричал он. — Где это видано, чтобы доились перепелки!

— Чем ты поражен, ясноокий хан? — как ни в чем не бывало сказала Карашаш. — Разве тебе неизвестно, что в стране, которой управляет мудрый, случаются и не такие чудеса? Не твои ли сорок баранов собираются объегнить-ся со дня на день?

Хан понял, что попал впросак. Не зная куда деваться от стыда, он круто повернул коня, что есть силы хватил его плетью и скрылся с глаз.

С той поры он оставил Жиренше и Карашаш в покое, и они счастливо прожили вместе до глубокой старости.

Жиренше был на охоте, когда умерла Карашаш.

По обычаю того времени, товарищи его выехали на дорогу, чтобы уведомить его о несчастье.

Вдали показался Жиренше. Он ехал шагом и пел веселую песню. У седла его висело три убитых гуся.

Товарищи пригласили Жиренше присесть возле них и, не решаясь сообщить ему горестную весть, начали беседу издалека.

— Ты повсюду прославился своей мудростью, Жиренше, — сказали они. — Так ответь же нам: чего лишается человек, когда у него умирает отец?

— Умер отец — рухнули стены крепости, хранившие человека от бед.

— Хорошо, — сказали товарищи. — Чего же лишается человек, когда у него умирает мать?

Жиренше ответил:

— Умерла мать — иссяк родник любви, поивший человека.

— Хорошо, — сказали товарищи. — С чем же ты сравнишь смерть брата?

Жиренше ответил:

— Умер брат — пала опора, поддерживавшая человека.

— Скажи же напоследок, мудрый Жиренше, что теряет человек со смертью любимой жены?

— Моя Карашаш умерла! — вскричал Жиренше, сразу догадавшись обо всем.

Он хотел поспешить к телу своей возлюбленной и, весь в слезах, стал подниматься на ноги, опираясь на рукоять плети. Но рукоять переломилась под ним, и Жиренше мертвый повалился на землю.

УМНАЯ КАРАШАШ



Хан позвал к себе Жиренше, дал ему трехлетнего быка и велел сварить его живым. Привел Жиренше быка домой, спрашивает жену, что делать. Жена сказала: — Это легко!

Велела принести пять пудов соли. Жиренше принес. Положили в котел пуд соли, налили воды. Затем стали гонять быка. Бык устал; от усталости он разбросал свой помет. Они напоили быка раствором соли и привязали его. Утром на другой же день жена опять велела гонять быка; опять выпоили быку целый котел воды, в котором была соль растворена. В течение пяти дней растворили пять пудов соли и выпоили быку. На шестой день она опять велела гонять быка. Бык перестал давать помет. На седьмой день хан спрашивает:

— Сварили ли быка?

— Сварили, — отвечают ему.

Хан приказал резать быка. Зарезали. Когда вскрыли внутренности, — крови нет. Осмотрели кости — только в мозговой кости нашли немного крови.

Так Карашаш выполнила задание хана.

ХАН И КАРАШАШ



ану понравилась красавица Карашаш, жена остряка Жиренше. Хан отправил Жиренше с поручением в дальний путь, чтоб застать жену его одну. Эту затею угадала Карашаш. Она купила несколько яиц и покрасила их в различные цвета.

Как только Жиренше отправился в путь, хан явился к Карашаш. Она встретила его, как полагается встретить почетного гостя: поставила самовар на накрытый чисто стол, фрукты, овощи и покрашенные яйца.

Хана несколько удивило то, что яйца были покрашены в различные цвета. Но он промолчал и ничего не сказал Карашаш. И когда он, очистив скорлупу, съел несколько яиц, Карашаш спросила хана:

— Мой повелитель! Вам понравились окрашенные в различные цвета яйца! Одни кажутся краше других. Отличаются ли они по вкусу, или все одинаковы?

Хан ответил Карашаш на ее вопрос так:

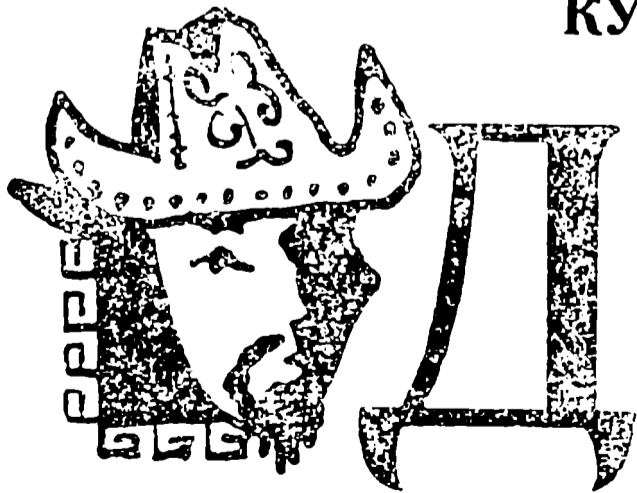
— Все одинаковы, словно одной курицы яйца. Хотя окраска скорлупы различна, содержание их одинаково.

Тогда Карашаш сказала хану:

— Точно так же и у женщин внешний вид различен, как у этих разноцветных яиц. Одни — красавицы, другие — менее привлекательны, а третьи просто некрасивы. Однако все они остаются женщинами.

Хан был посрамлен. Он не знал, что ответить Карашаш на это, и уехал к себе во дворец.

КУЗНЕЦ И ЕГО ВЕРНАЯ ЖЕНА



авно, говорят, это было. Жил в одном городе искусный кузнец. Руки его могли сотворить все, что в состоянии придумать человеческий разум, не могли только добыть вдоволь хлеба для мастера и его жены. Бедно жил народ в том городе, а куз-

нец, нигде не находя работы, бедствовал больше всех. Никогда он не предавался унынию, всегда шутил с товарищами и пел песни, но сердце его от забот почернело, как уголь. Сам-то он готов был сносить любые невзгоды, да горько ему было смотреть, как бьется в нужде молодая жена, такая красавица, какие рождаются раз в сто лет. Вот и запало кузнецу в голову отправиться на заработки в столицу хана, где богатым людям, быть может, понадобятся изделия его рук.

Прощаясь с женой, он сказал:

— Жизнь моя! Ухожу в чужой край на три года. Будешь ли ты помнить меня до встречи? Будешь ли верна мне в разлуке?

Наклонилась красавица к земле, сорвала голубой цветочек и подала его мужу с такими словами:

— Возлюбленный мой! Возьми этот цветочек и храни его так, как я стану хранить свою супружескую честь. Где бы ты ни был, сколько бы ни странствовал, знай: пока не увянет цветок, не увянет моя любовь к тебе...

Придя в столицу, кузнец зашел в чайхану, чтобы выпить с дороги чашку чаю. Здесь среди разного сброда увидел он трех богато одетых мужчин, которые сидели в молчании, не притрагиваясь ни к еде, ни к питью, точно их тяготило какое-то горе. Заметив вошедшего незнакомца, люди эти стали разглядывать его так пристально, что кузнецу сделалось не по себе.

— Что вы так смотрите на меня, почтенные гости? — заговорил кузнец. — Я бедный, но честный человек. Пришел в столицу из дальних мест поискать работы. Я мастер, кузнец, и кто поручит мне какое-либо дело, не пожалеет вовек, что связался со мною.

Трое мужчин переглянулись между собой, и старший из них, подозвав кузнеца, сказал ему дружелюбно:

— Слушай, кузнец, внимательно каждое мое слово. Мы трое — визири хана, с чем не знает и не должен знать хозяин чайханы. Не праздность и любопытство, а важное дело заставляет нас бродить по базарам и караван-сараям, по чайханам и прочим людным местам. Хан повелел нам построить для него дворец из золота и серебра, обещая награду, если желание его будет исполнено, и угрожая смертью, если дворец не будет воздвигнут в срок. Мы находимся в большом затруднении, так как время течет, а нам никак не удается отыскать во всей столице мастера,

который решился бы взяться за столь необычную работу. Не поможешь ли ты нам если не делом, то хоть советом?

Просияв от счастья, кузнец сказал:

— Мудрые визири, сама судьба открыла передо мной дверь в эту чайхану. Дайте мне сколько нужно золота и серебра, дайте семьдесят помощников, и я построю к сроку такой дворец, какого еще не было ни у одного хана.

В тот же день кузнец приступил к работе. Запылали горны, зазвенел под молотом драгоценный металл, забежали туда-сюда проворные люди, выполняя распоряжения главного мастера. В назначенный срок дворец был готов. И правда, никогда еще ни одну столицу не украшало подобное здание: золото и серебро, из которых были возведены его стены и кровля, не стоили ничего в сравнении с его красотой.

Когда хан увидел новый дворец, он, как дитя, вскрикнул от восхищения и тут же утроил жалованье своим визирям. Потом он сказал:

— Хочу видеть мастера, создавшего на земле это неземное чудо!

Привели кузнеца, хан обнял его нежней, чем сына, и произнес слова, каких от него еще никто не слышал:

— Отныне, — сказал хан, — ты будешь моим ближайшим советником и другом. Мне угодно, чтобы никто из моих подданных или чужеземных владык не воспользовался бы твоим дарованием и мастерством. Ты будешь жить со мной в этом прекрасном дворце и будешь работать только для меня.

С этой минуты визири, хотя они были обязаны теперь кузнецу жизнью и несметным богатством, затаили против великого мастера зависть и злобу и стали поодиночке и сообща думать о том, чтобы как-нибудь погубить его наветом и клеветой.

Кузнец поселился во дворце. Что ни день — он подносил хану какую-либо диковинную вещь, причем всякий новый подарок затмевал изяществом и тонкостью работы предыдущий. Хан все больше привязывался к кузнецу, а визири все больше его ненавидели. Они следили за каждым шагом простодушного мастера и вскоре заметили, что время от времени он вынимает из-за пазухи какой-то голубой цветок, подолгу глядит на него, шевеля губами, нежно целует и вновь бережно прячет на груди.

Явившись к хану, визири доложили:

— Всесильный хан! Любимый твой кузнец — колдун и чародей. Он построил дворец и добился твоего расположения с помощью волшебного цветка, который прячет от глаз честных людей. Нам кажется, что злодей нечто замышляет против тебя и твоей священной жизни.

Хан был мнителен и горяч. Он приказал немедленно позвать кузнеца и, когда тот прибыл, в гневе воскликнул:

— Что это за цветок ты таишь от меня на своей груди? Отвечай, если хочешь пощады.

Кузнец сразу сообразил, кто выдал его тайну, и тогда, вынув увядающий цветок, он чистосердечно рассказал хану о своей красавице-жене, о прощании с ней, о ее напутственных словах.

— Этот наглец осмеливается говорить ложь своему повелителю, — прервал кузнеца старший визирь. — Нам хорошо известно, что жена давно ему изменила. Нет женщины, которая не польстилась бы на деньги и на подарки. Эта же и за грош готова впустить к себе на ночь мужчину. Если великий хан позволит, я докажу ему это.

Хан сказал:

— Хорошо.

А кузнеца он велел, до возвращения с доказательствами первого визиря, взять под стражу, не чиня ему вреда.

И вот первый визирь поскакал в город, где жила жена кузнеца, свел здесь знакомство с каким-то темным человеком и, подкупив его, открыл перед ним свои замыслы.

Тот сказал:

— Нет ни в городе, ни в целом свете женщины, более непорочной и любящей, чем жена кузнеца. Одна Жалмауыз-кемпир может помочь тебе в задуманном предприятии. — И, не откладывая до завтра, он привел к визирю зловредную старуху.

Жалмауыз-кемпир прогнусавила:

— Если у тебя, пришелец, найдется тысяча червонцев для жены кузнеца и если ты согласен хорошо заплатить мне за услугу, я употреблю всю хитрость, чтобы свести тебя с этой женщиной.

Получив тысячу червонцев, Жалмауыз-кемпир половину забрала себе, а другую половину принесла жене кузнеца, говоря:

— Дочь моя, муж твой скитается по чужим городам и, видно, давно забыл про тебя. Эти деньги посылает тебе на мелкие расходы один достойный человек, который горячо

тебя любит. Он знатен и богат, и, если ты будешь ласкова с ним, он тебя озолотит и осчастливит.

Молодая женщина отвечала:

— Добрая старушка! Приведи этого человека ко мне в гости. Я оставляю открытой калитку. Укажи ему вход, а сама отправляйся домой. Он получит то, чего заслуживает.

Старуха встретила с визирем и сказала:

— Жена кузнеца так и ухватилась за деньги. Она на все согласна. Нынче вечером ты будешь с нею. Заплати же мне за труды.

Визирь сунул старухе пригоршню золотых — так он был доволен удачей.

Когда стемнело, визирь уже был в доме кузнеца. Красавица с улыбкой и шутками приняла гостя, усадила его у очага и поставила перед ним кумыс и всевозможные кушанья. Но только визирь, разнежась, протянул руку к угощениям, как вдруг раздался резкий стук в калитку.

— Что это? — в страхе спросил визирь.

Жена кузнеца хорошо знала, что это: она еще днем подвесила у калитки молоток мужа, а теперь ночной ветер раскачал его, и молоток забарабанил по дереву. Но женщина сделала вид, что и сама она тоже ужасно перепугана, и, всплеснув руками, быстро заговорила:

— О мой драгоценный гость, должно быть, это стучится мой брат. Он не задержится долго. Спрячься, прошу тебя, на минутку в соседней комнате!..

И открыла перед гостем дверь.

Едва визирь ступил на порог, женщина подтолкнула его сзади, и несчастный полетел вниз головой в глубокую темную яму. А жена кузнеца захохотала наверху.

В эту минуту, сидя под стражей в ханском дворце, кузнец достал голубой цветок и поглядел на него: цветок был свеж и пахуч, как в день разлуки с любимой. И кузнец нежно поцеловал его.

На другой день жена кузнеца кинула в яму ворох овечьей шерсти и приказала своему пленнику расчесывать ее.

— Да смотри, работай усердно, не то в полдень не получишь просяной лепешки.

Много дней провел визирь в яме за работой, получая на обед просяную лепешку, а хан все ждал его, и наконец ожидание наскучило ему.

Однажды он говорит второму визирю:

— Видно, твой старший приятель ничего не добился, раз он не смеет показаться мне на глаза. Горе вам, если вы оклеветали мастера! Визирь похолодел от страха, он не захотел признаться в злом умысле против кузнеца.

— О великий хан,— сказал он,— мы говорили тебе чистую правду. Прикажи — и я докажу тебе это.

Хан сказал:

— Хорошо!

Миновало какое-то время, и со вторым визирем произошло все точь-в-точь так же, как и с первым. Потратив напрасно деньги и старания, и он угодил в темную яму. Очувшись на дне, он разглядел в яме человека, расчесывавшего овечью шерсть.

— Кто ты? — спросил второй визирь.

— А ты кто? — спросил у него первый визирь.

Тут они узнали друг друга и принялись ссориться, упрекая один другого в своей неожиданной беде. А жена кузнеца хохотала наверху.

Потом она опустила в яму прялку и приказала второму визирю пряхть овечью шерсть.

— Да смотри у меня, будешь работать плохо — не получишь в обед просяную лепешку!

Кузнец же в ту пору опять вынул голубой цветок и увидел, что он все так же свеж, все так же пахуч, как и прежде. И он радостно улыбнулся.

Хан же, не дождавсь второго визиря, посылает к жене кузнеца третьего.

— Если ты не явишься назад через три недели, то тебе и тем двум негодьям не уйти от виселицы!..

В тоске и смятении, предвидя недоброе, двинулся в путь третий визирь, и предчувствия его не обманули: вскоре его постигла горькая участь сообщников, и он встретился, хоть и без радости, с ними на дне сырой ямы. Все трое винили друг друга в случившемся. А жена кузнеца хохотала где-то вверху.

Новый узник получил от женщины ткацкий станок и такое наставление:

— Ты должен соткать мне за три недели красивый ковер. Берись-ка живей за работу да не ленись: от тебя самого будет зависеть, достанется ли тебе в полдень просяная лепешка.

А голубой цветок кузнеца был так свеж и пахуч, точно его только что сорвала рука возлюбленной.

В один из дней хан приказал привести к нему кузнеца. Когда кузнеца привели, он сказал:

— Три моих визиря до сих пор не вернулись ко мне от твоей жены. Я подозреваю, что она погубила их колдовством. Если это так, я снесу голову ей и тебе. Но ежели визири напрасно очернили тебя, еще более суровая кара постигнет их. Я вознамерился сам побывать в твоём доме и узнать истину. Ты будешь сопровождать меня в пути.

Через некоторое время пышный ханский караван уже входил в город кузнеца. Приблизившись к своему дому, кузнец обратился к хану с просьбой разрешить ему предупредить жену о приезде такого высокого гостя. Хан дал согласие, и кузнец вошел в калитку.

Увидев мужа, красавица бросилась к нему на грудь, и они в немногих словах рассказали друг другу все, что случилось с ними после разлуки. Потом кузнец с почётом ввел в дом хана и его свиту.

Поклонами и приветствиями встретила женщина могущественного посетителя. И была она так прекрасна собой, движения ее отличались таким достоинством, а речь — таким умом, что хан сразу смягчился сердцем и милостиво принял угощение из рук простой горожанки.

Сидя на красивом ковре с чашей кумыса, хан спросил:

— Женщина, не являлись ли к тебе в отсутствие мужа — один за другим — три моих визиря?

— Да будет долог твой век, великий хан! Место визирей — подле своего повелителя. Какие намерения, кроме недостойных, могли бы привести их в жилище бедной и одинокой женщины?

Хан смолчал и, чтобы скрыть свое смущение, спросил снова:

— Где ты, женщина, приобрела богатый ковер, что лежит подо мной?

— Великий хан, этот ковер соткали мои служанки.

Хан сдвинул брови.

— Служанки? Но твой муж говорил мне, что покинул тебя в жестокой бедности. Откуда же у тебя появились деньги, чтобы содержать служанок?

— Мои служанки выполняют все, что я им прикажу, за просяную лепешку в сутки.

— Этому невозможно поверить, — сказал подозрительно хан.

— Властитель, сейчас ты увидишь моих служанок соб-

ственными глазами, и они подтвердят мои слова,— проговорила женщина и скрылась за дверью.

Вытащив из ямы трех визирей, она сказала им шепотом:

— Беда, вернулся мой муж. Стоит ему увидеть вас в своем доме — и вы пропали. Я наказала вас за дерзость, но не желаю вашей смерти. Вот вам бритва — сбрейте поскорей усы и бороду; вот вам мои старые платья, — переоденьтесь в них не мешкая, и я выведу вас из дома под видом своих подруг.

Визири беспрекословно выполнили все, что потребовала женщина. Тогда она приказала им взяться за руки и ввела их в комнату, где в свое время каждый из них ждал угощения и любовных утех, а ныне восседал хан, окруженный телохранителями.

Увидев перед собой своего грозного владыку, визири остолбенели, хан же долго смотрел на них в недоумении и наконец сказал:

— Какие странные у тебя служанки, женщина. Ростом и станом — это мужчины, а по обличию и одежде — женщины. Мне кажутся знакомыми их лица. Кто эти оборотни?

— Это те, — сказал кузнец за жену, — что чернили перед тобой меня и порочили мою верную супругу. Такова истина, мой хан.

Тут визири рухнули на колени и повинились во всех своих черных делах.

В гневе слушал их хан вначале, но потом, когда визири дошли до своих злоключений в доме кузнеца, губы его дрогнули, плечи затряслись, и он так рассмеялся, что расплескал на свой шелковый халат весь кумыс из чаши.

А кузнец с женой покорно ждали своей участи.

И вот, насмеявшись до слез, хан приосанился и сказал: — Давно у меня не было такого веселого дня. Пусть же с этих пор три глупца, которых провела женщина и которых я прежде называл своими визирями, служат при мне презренными шутами. Ты же, мой славный мастер, и твоя верная жена поедете со мной в столицу, как мои дорогие гости, и я награжу вас по заслугам и достоинствам.

Прошли годы. Давно уже истлели кости хана и визирей, ставших шутами, и кузнеца, и его красавицы жены, а создания рук старинного мастера и его история сохранились в народе до наших дней.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Салахбай и лиса	7
Итыгиль	10
Любопытная жена	14
Эргосай-батыр	16
Карынбай	17
Жигит и мыстан	18
Карга-бай	22
Чудесный нож	25
Рогатый хан	27
Храбрый ада	28
Хан и баурсаки	35
Алеуко-батыр	—
Аби и Таби	37
Кендсбай на коне Кергула	39
Царь и беркут	48
Каратай	55
Легенда о мертвом и живом и об их дружбе	60
Кызыл-батыр и див	69
Иди туда — принеси сюда	70
Спор братьев и решение Шуюте	74
Кебис, волшебное кольцо и веточки	76
Батыр, побеждающий злых духов	80
Красавица Миржан и владыка подводного ханства	83
Гани и Алим	87
Три брата и прекрасная Айслу	91
Курай-дел	96
Сорок сыновей Ауэз-хана	101
Кара-Мерген	106
Великан Алпамыс	112
У одной невесты три жениха	117
Кубугул и Акбелек-слу	123
Похищенная красавица	126
Волшебный камень	130
О женском ханстве	134
Зная сказки, не утайвай их	139
Три девушки и прозорливая старуха	141

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

Лев и лиса	145
Кот тигр и человек	148
Верблюжонок	150
Синяя лисица	151
Лисица и обезьяна	—
Лиса и коза	154
Неудача лисицы	—
Лягушка и суслик	156
Хитрая мышь	157
Звери-товарищи	158
Пастух и змея	159
Мышь и змея	160
Осел и суслик	161
Котыр-торгай	162
Сегизбай и девочка-мышка	164
Почему у *ласточки хвостик рожками	165
Четыре друга	168
Грубая благодарность	169
Лисица и ворона	170
Баран и козел	171
Мудрость совы	180

БЫТОВЫЕ И САТИРИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

Баян-Слу и Козы-Корпеш	187
Как Алдар увел коня у вора	210
Шутка Алдара-Косе	212
Три вора	214
Глупец	215
Мамек	216
Кейкуват	219
Ученый жигит	223
Меткий стрелок	224
Находчивый визирь	226
Бедняк Ахмет и несправедливые советники хана	227
Алдар-Косе и его спутник	229
Алдар-Косе и змея	—
Алдар-Косе и дьявол	230
Бухарец и казах	—
Путешественник и лентяй	231
Алдар-Косе и черт	232
Ку-бала	—
Старик и жигиты	233
Святой лодырь	235
Бака	237
Наивный и смышленный	243
Как был наказан жадный Карахан	250
Момунбай и Каракчи	255
Жиренше-Шешен	260
Слепой и зрячий	263
Алдар-Косе и Алаша-хан	264

Справедливый судья	266
Верное решение	267
Волшебная птица Алдара-Косе	269
Бай-музыкант и Алдар-Косе	274
Обманутый толстяк	275
Как Алдар-Косе батраков угощал	276
Хан и странник	278
Справедливый посредник	280
Глупец и Казий	281
Смекалка лучше богатства	283
Как Жиренше женил своего сына	286
Жадный богач	287
Глупый хан	291
Батыр	293
Мудрый Жиренше и красавица Карашаш	295
Умная Карашаш	301
Хан и Карашаш	302
Кузнец и его верная жена	—

КАЗАХСКИЕ НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ. Том II.

Алма-Ата, «Жазушы», 1971 г.
312 с.

Редакторы Ф. ЖАНУЗАКОВА, Р. АРОСЛАНОВА. Художественный редактор Б. ТАБЫЛДИЕВ. Технический редактор С. ЛЕПЕСОВ. Корректор А. СОКУЛЬСКАЯ. Сдано в набор 5/VIII-1971 г. Изд. № 576. Подписано к печати 28/X-1971 г. Бумага тип. № 1. Формат 84×108¹/₃₂=9,75 п. л.=15,96 усл. п. л. (Уч.-изд. л. 15,95). Тираж 100 000 экз. Цена 68 коп. Заказ № 1167. Полиграфкомбинат Главполиграфпрома Госкомитета Совета Министров КазССР по печати, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 39.

